

COMPASS

University of Kent

RESTORING INTER-ACADEMIC CONNECTIVITY GLOBALLY

БАРҚАРОР НАМУДАНИ РОБИТАҲОИ ИЛМӢ ДАР ҶАҲОНИ ИМРӮЗ

UK Research and Innovation

ПОСОЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Посвящается 30-летию
Государственной независимости
Республики Таджикистан

**RESTORING INTER-ACADEMIC
CONNECTIVITY GLOBALLY**

**BARҚAROR NAMUDANI ROBITAҶOI
ILMIY DAR ҶAҶONI IMPRŪZ**

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
МЕЖАКАДЕМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ**

Душанбе – 2022

УДК: 327.3(575.3)

ББК: 66.61.2

Б - 24

Восстанавливая былые связи на новом этапе. (Материалы Круглого стола, состоявшегося по инициативе Посольства Республики Таджикистан в России, в марте 2021 г.). –Душанбе: ДМТ, 2022. -236 стр.

**Под редакцией:
к.ф.н., чл. корр. Кэмбриджского Университета
Муниры Шахиди**

Данный сборник включает в себя доклады круглого стола, состоявшегося по инициативе Посольства Республики Таджикистан в России, в марте 2021 г. организованного в рамках проекта GCRF COMPASS (Comprehensive Capacity-Building in Eastern Neighbourhood and Central Asia: research integration, impact governance and sustainable communities).

Участниками круглого стола стали представители Национальной Академии Наук Таджикистана и России, ведущих университетов Таджикистана, Узбекистана, Великобритании; дипломаты и руководители научных и образовательных структур евразийских стран.

Тексты докладов и выступлений публикуются в авторской редакции.

ISBN: 978-99985-73-05-5

© Таджикиский национальный , 2022

Оглавление

МУКАДДИМА.....	5
INTRODUCTION.....	9
ВВЕДЕНИЕ	12
ПРИВЕТСТВИЕ Г-НА САТТОРОВА И.М., ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧЕННОГО ПОСЛА ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2014-2021).....	15
Sidharth S Saxena. PROSPECTS FOR COLLABORATION ON INNOVATION AND SUSTAINABILITY RESEARCH.....	20
Асанова К. ТРАДИЦИИ НАРОДОВ В АНИМАЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ СРЕДСТВ РАЗМЕЩЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.	29
Бобровников В. ОТ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ К (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИИ? ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИСТОРИЮ (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ И РОССИИ	46
Жураев Н. ОБЩЕПЛАНЕТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ.....	58
Замятин Д. МЕТАГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН И РЕГИОНОВ.....	72
Зиганьшин Р. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕЙ ИБН ХАЛДУНА И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ	102
Махаматов Т. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК.....	112

Махмуд А. ПЕРСПЕКТИВЫ МЯГКОСИЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА НА БАЗЕ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДВУХ СТРАН.....	116
Немчинов В. ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕЛОСТНОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА МИРОВОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ, ДВУХСТОРОННЕМ И ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕК.....	125
Нурулла-Ходжаева Н. КОСМОПОЛИТИЗМ БУХАРСКОГО “НАКШБАНДИЯ”	136
Холмуминов Дж. НАСЛЕДИЕ СУФИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР.....	151
Шахиди М. ПОЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА.....	162
Шварц А. ОПОЛЗНЕВЫЕ УГРОЗЫ КАСКАДУ ГЭС НА Р.ВАХШ.....	180
Шозимов П. ФОРМИРОВАНИЕ КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНОГО И КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	193
Шокир Ф. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. С.У.УМАРОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА	204
Юлдашева М. КУЛЬТУРА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И ТАДЖИКИСТАНА.....	212
Махмаджонова М. ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ МАВЛОНО: ВОСТОК И ЗАПАД.....	215
Шахиди М. ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО – КУЛЬТУРНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ТАДЖИКИСТАНЕ.....	230

Мукаддима

Барқарор намудани иртиботҳои илмӣ дар паҳноии ҷаҳонӣ

Солҳои 70-80-уми асри гузашта шарқшиносони маъруфи рус А.Е.Бертельс, Ал. Н. Болдырев, И.С. Брагинский ва пайравони онҳо ҳар сари чанд вақт меҳмони Институти шарқшиносии Академияи илмҳои Тоҷикистон мегаштанд. Мақсад аз сафарҳои илмӣ ба ин кишвари меҳмондӯст омӯхтан ва таҳлили илмии дастхатҳои Тоҷикӣ-Форсӣ дар ҳамкорӣ бо олимони маъруфи тоҷик: А.Мирзоев, К.Айнӣ, А.Афсаҳзод, А.Алимардонов ва дигарон буд.

Инчониб дар ҳамин муҳити иртиботҳои илмӣ-фарҳангӣ ташаккул ёфта, мавзӯӣ номзадӣ ман ба таҳлили интиқодии шарқшиносии Бритониё бахшида шуда буд.¹ Роҳбари илмӣ А.Е.Бертелс буда, академик Абдулғанӣ Мирзоев, ки дар он замон дар доираҳои илмӣ ҳамчун мунаққиди шадиди шарқшиносии Ғарбӣ шинохта шуда буданд, мушовири илмии он тадқиқот таъин гаштанд.

Яке аз бозёфтҳои муҳимми ҳақориҳои илмҳои инсошиносии асри 20 равшан намудани асришҳои муштараки инсоншиносии ҷаҳони муосир буда, ин бозёфтҳои илмии Аврупоӣ Шарқӣ дар шакли мақолаҳои сершумори инчониб, ки дар нашрияҳои мухталифи Шарқу Ғарб дастраси миллионҳо хонандагон ва чанд китоб дар нашрияҳои мухталифи таҳҷой ба чоп расид. Яке аз китобҳо бо номи «Ибни Сино ва Данте» ҳануз дар он замон дастраси хонандагони доираӣ байналмилалӣ гардида, аз тарафи чанде аз муҳаққиқони хориҷӣ, аз ҷумла шарқшиносии номии чех Иржи Бечка сазовори қадршиносии баланд гардид. Вале дар айни ҳол он китоб фақат арзиши таърихӣ дорад. Гап дар сари он аст, кӣ дастрасии маҳдуди осори муҳаққиқони ғарбии асри 20, манзарай тадқиқотро хоҳ ноҳоқ

¹ Мунира Шаҳидӣ. Место и роль работ Э.Г.Брауна в изучении Таджикско–персидской литературы. Диссертация на соискание звания канд. фил. наук. Душанбе, 1972г.

танг месохт. Чи расад ба қолабҳои идеологии замони шуравӣ, ба мисли “атеизми омиёна”! Дар айни ҳол таҷдиди назар ҳам ба тадқиқотҳои пажӯҳишгарон ва ҳам нависандагони ғарбӣ аз шубҳаҳо нисбати дарки дурусти рамзҳои Ибни Сино аз тарафи Данте ба қалами муҳаққиқони Ғарбӣ таалуқ дошта, сабабҳои ихтилофоти анъанавиро байни Ислом ва Ғарб равшан карда истодаанд.¹ Ҳолонки ҳалли ин ихтилофот дар дасти дораи муштараки муҳаққиқони Авросиёст! Аз ҷумла, муҳаққиқони кишварҳои, ки нав ба муносибатҳои бевоситаи миллӣ/ҷаҳонӣ баромаданд. Хусусан, муҳаққиқони насли нави забондон ва соҳиби технологияҳои нав!

Насли имрӯзаи муҳаққиқони ҷавон дар Тоҷикистон ва ОМ, ҳамчун минтақаи воҳид, ки бо ҳамкасбони худ дар пахноӣ ҷаҳонӣ муошират мекунанд ва мубоҳисаҳои илмӣ-амалӣ оиди бунёди доираи нави илмӣ-фарҳангии ҷаҳонӣ беш аз пеш гашта истода аст. Вале ҳануз пайванди дирузу имруз ҳамчун раванди асосии кушодани дурнамоӣ оянда, барои насли аксари муҳаққиқони ҷавон чандон равшан нест.

Дар солҳои 90-ум, таваҷҷуҳи Маскав ва кишварҳои ОМ ба тадқиқи тадбиқӣ ҳамчун омили асосии бунёди назари нави замонавӣ хело суст гардид. Мутаасифона, рақобати байниқитъавӣ ва назорат аз бозорҳои рушдбандаи Шарқ ба мадди аввал гузошта шуда, ва, афкори байнифарҳангии илмиро хело маҳдуд сохт. Ҳарчанд Ғарб барои аз худ кардани арзишҳои миллӣ/минтақавии Осиёи Марказӣ марказҳои махсуси осиемарказишиносӣ сохта, мутахассисини ҷавонро аз кишварҳои Шарқ кашида истода аст, Руссия маводи ҷамъшудаи худро аз даст дода истода аст. Нодида гирифтани моликияти зеҳнии умумии ОМ ва Руссия дар рақобати бемаънии бозорҳои авросиёии имрӯз ба назар расида истода аст. Дар натиҷа

¹ Jan M. Ziolkovsky. Dante and Islam. New York: Fordham University Press, 2015

марказҳои илмӣ ва таълимии рус аз ҳамсоғони Осиёи Миёна торафт дур шуда истодаанд.¹

Хавфи чунин сиёсати илмӣ-фарҳангӣ барои рушди сулҳсозӣ ва сулҳофаринии ҷаҳонӣ дар Минск, с. 2018 муҳокима гушта буд. Аз ҷумла қайд гашт, ки яке аз марказҳои шиддати муносибатҳои ҷаҳонӣ Аврупои Шарқӣ буда, хати шикасти геополитикии ҷаҳониро ба назар расонида истода аст. Хусусан дар Аврупои Шарқӣ вазъияти байналмилалӣ хавфнок ба назар мерасад, зеро вайрон шудани қоидаҳои рафтори байналхалқӣ дар сурати набудани муқолаҳои пурмазмун сурат мегирад. Ҳатто форумҳои коршиносон, ки барои ҷустуҷӯи роҳҳои ҳалли масъалаҳо ба манфиати сулҳ ва ҳамкорӣ нигаронида шудаанд, ба як ҷузъи танги табиғотӣ ва иттилоотӣ табдил гашта истодаанд.² Дар ҳақиқат ҳам, гарчанде донишгоҳҳо ва марказҳои академӣ ва донишгоҳӣ дар кишварҳои ОМ ва, аз ҷумла, дар Тоҷикистон, ки аз ҷониби ҳукумати Русия маблағгузори мешаванд, бештар шуда истодаанд, онҳо низ дар муносибатҳои мутлақо амудии ҷорҷубаи сохтани байнидавлатӣ қарор гирифта, парешонии дутарафаи идоракунии "дохилӣ" ва "берунӣ", мисли пештара, дар миён аст.

Бартараф намудани чунин парешонӣ мақсади ташкили Мизи Мудаввар, ки бо ташаббуси қормандони ДМТ ва бахши осиеафриқошиносии МГУи Маскав амалӣ гашта, мақолаҳои муҳаққиқони кишварҳои мухталифро ба ҷоп расонид. Мо аз Сафорати Тоҷикистон ва Сафири кишварамон дар Русия И.Сатторзода барои дастгирии ин ташаббус изҳори сипос мекунем. Мо аз ҳамкасбони рус, ўзбек ва аврупоии худ барои иштироки фаъолашон дар амалӣ сохтани ин ҷамъомад ва ба ҷоп омода сохтани китоби мазкур миннатдорем. Намояндагони Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ва Академияи илмҳои Русия, дар қатори намояндагони ДМТ, Донишгоҳи давлатии

¹ Мунира Шаҳиди. Роль культуры Центральной Азии в дипломатических связях России и Монголии. Москва, Пандемия COVID-19 в 2020 г.

² Минск Форум. Eastern Europe: In Search of Security for All. MINSK Dialogue, COMPASS, Konrad Adenaur Stiftung, May. 2018

Маскав, МГИМО, Мактаби олиии иқтисодии Русия ва Донишгоҳи Кембричи Британияи Кабир барои ҳамкориҳои оянда заминаи пурқувват ба миён оварданд. Хонандаи мӯҳтарам дар ин нашрия аз масъалаҳои муҳимтарини давр огаҳӣ меёбад: аз вазъи ҳамкориҳои муосир дар омӯхтани дастнависҳо то проблемаҳои таъғирёбии иқлим дар пайванди Тоҷикистон ва ҷаҳон ба муҳокимаи замонавӣ кашида шудаанд. Вале рушди ин ташаббус, яъне ҳамкориҳои марказҳои мухталифи илмӣ ва маърифатӣ дар дасти олимони ҷавон аст.

Мо ба дастгирии насли ҷавони олимони Осиё ва Аврупо умедворем ва боварӣ дорем, ки шиносӣ бо иқтисодии кишварҳои мо барои бисёре аз олимони кишварҳои гуногун илҳами тоза мебахшад. Охир ҳамаи мамлакатҳо барои рушди иртиботҳои байнифарҳангӣ баробар ҷавобгаранд. Агарчӣ чунин ҳақиқат дар замони пешазпандемӣ хира буд, аз пандемияи COVID-19 кишварҳои хурду калон, пиру ҷавон, сарватманд ва камбизоат баробар зарар دیدанд. Ҳамин пандемия миллатҳо ва кишварҳои мухталифро дар назди бемории ҷаҳонӣ баробар кардааст. Дар ин баробархуқуқии ногаҳон, ҷомеаи наву ҷавони илмӣ-маърифатии ҷаҳонӣ таъсис ёфта истода аст ва ба гуфтаҳои Ибни Синоӣ Бухорӣ, ки ҳануз дар асрҳои миёна ҳамчун “табиби ҳозиқи” ҷаҳонӣ гуфта буд: «Тавозуни ҷисм ва рӯҳ асоси ҷомеаи солим аст» имруз низ ҳаққасту рост.

Мунира Шаҳидӣ, нфф, профессори кафедраи МБ ДМТ,
Стипендианти Донишкадаи Шветсия ва профессори ФМШ, Париж
Роҳбари миллии COMPASS GCRF, Британияи Кабир
Узви вобастай Донишгоҳи Кембрич

Introduction

Restoring inter-academic connectivity globally

In the 70s-80s of the last century, the famous Russian orientalists A.E. Bertels, Al. N. Boldyrev, A. Braginsky and others were hosted by the Institute of Oriental studies of Academy of Sciences of Tajikistan. The purpose of the frequent trips to the country was to study and comprehend the manuscripts in cooperation with the known Tajik scientists A. Mirzoev, K. Ayni, A. Afsakhzod, A. Alimardonov and others.

I was fortunate enough to be formed in this environment and my scientific topic was critical analyses of British Orientalism under the leadership of A. E. Bertels. Academic Abdulgani Mirzoev, the founder and director of the Institute of Manuscripts, was known at the time as a sharp critic of Western orientalism¹, was appointed as an academic consultant for the work.

The defence of the Ph.D. was continued in many publications, one of which was a quite widely known book in Russian-speaking world, called "Ibn Sino and Dante"². However, the limited availability of the works of Western researchers at that time and replenished now by availability of the contemporary globe researchers calls for re-thinking of my now old research. And the study of both researchers and Western novelists in the correct understanding of symbols in Dante's heritage should, be drawn into discussions and debates, now going on globally.

Today's generation of young researchers in Tajikistan and CA, as a whole, speaking several languages at once and easily communicating with their colleagues globally, need in lively, open discussions in the field of comparative literary/cultural studies.

However, by the end of the 80s and the beginning of the 90s. Moscow's interest in intercultural relations and, in fact, comparative literature/cultural studies of CA and Russia, has been disappearing on

¹ A. Mirzoev

² Munira Shahidi. *Ibn Sino i Dante*. Dushanbe. 1986

both sides. The issues of intercontinental rivalry and competitive passion for emerging markets in the East, came to the fore. And although the West was seizing the moment in order to master what was lost in understanding Central Asia as a crossroads of cultures and regions, Russia is losing its accumulated material. The underestimation of common intellectual property was expressed in a change in the tone of inter-academic cooperation from the globe peace-building movement into rivalry and competition within the emerging Eurasian markets. As a result, Russian scientific and educational centres began to move more and more away from their Central Asian neighbours.

The danger of such an unconscious scientific policy is obvious. And although universities and academic centres funded by Russian governance are built at the space of the former Soviet Union, they are functioning rather formally, playing on two fronts: “internal” and “external” management.

To resist that contradiction and to revive the former open and objective scientific collaboration was caused organization of the RT, initiated by the staff of TNU and Moscow State University. We are deeply grateful to the Embassy of Tajikistan and the Ambassador of our country to Russia, I. Sattorzoda, for supporting our initiative. We are grateful to our Russian, Uzbek and European colleagues for their lively participation in the discussion of the most pressing problems for the revival of our inter-academic cooperation. Representatives of the National Academy of Sciences of Tajikistan and the Russian Academy of Sciences, as well as representatives of TNU, Moscow State University, MGIMO, the Higher School of Economics of Russia and the University of Cambridge, Great Britain condemned the most important issues of cooperation: from the state of manuscripts to the problems of climate change. Though it is clear, that this is only the beginning of a new period of inter-academic, inter-university cooperation between Eurasian countries in our global age, we hope for its development.

We hope for the support of the young generation of scientists from Asia and Europe and are confident that the potential of our countries will be of interest to many scientists from different countries. After all, all countries are equally responsible for the future. Small and big, old and young, rich and poor countries have suffered equally from the COVID-19 pandemic. But that very pandemic has made every nation and country equal in the face of the global disease. At the same time, it shows loyalty of the newly forming academic community to Avicenna's theory of the global community, which says: "the balance of body and soul is basic for the healthy society."

Munira Shahidi, PhD professor of dep. MO TNU,
Fellowship of the Swedish Inst; FMSH, Paris
National Leader of the GCRF COMPASS, UK
Assistant Member of the University of Cambridge

Введение

Восстановление межакадемического сотрудничества в современном мире

В 70-80х годах прошлого века у нас в Институте Востоковедения АН Таджикистана часто бывали в научной командировке прославленные русские востоковеды: А.Е. Бертельс, Ал. Н. Болдырев, А. Брагинский и другие. Цель командировки - изучение и осмысление рукописей в сотрудничестве с известными таджикскими учеными А. Мирзоевым, К. Айни, А. Афсахзодом, А. Алимардоновым и другими.

Мне посчастливилось формироваться в этой среде и моей научной темой стала критика Британского востоковедения под руководством А. Е. Бертельса. Консультантом работы был назначен Абдулгани Мирзоев, известный в то время, как острый критик западного востоковедения. Защита кандидатской диссертации была продолжена во многих публикациях, одной из которых стала довольно известная к настоящему времени книжка под названием «Ибн Сино и Данте».¹

Однако ограниченная доступность местных исследователей к трудам западных исследователей того времени и свободное плавание таджикских исследователей в реалиях новых технологий и Интернета теперь, вызывает потребность в новом осмыслении трудов 20в. А поиски западных исследователей и романистов в обсуждении символов Ибн Сины/Авиценны в творчестве Данте говорят о многом².

Сегодняшнее поколение исследователей Таджикистана, владеющее сразу несколькими языками и легко общающихся с молодежью стран, как с традиционно родственными культурами Ирана, Афганистана, Индии/Пакистана, так и молодежью Китая,

¹ Мунира Шахиди. Ибн Сино и Данте. К проблеме преемственности поэтики Востока и Запада. Душанбе, 1986

² **Daniel Gerhard Brown.** Angels & Demons (2000), The Da Vinci Code (2003), **The Lost Symbol** (2009), Inferno (2013), and Origin (2017).

Европы и США сегодня формирует новое, глобальное межакадемическое сообщество для решения проблем 21в. И хотя нет ничего нового без критического осмысления недавнего прошлого, именно такой живой, открытой дискуссии не хватает в Восточной Европе. Эта проблема широко обсуждается в международных кругах, в которых участвует проект GCRF COMPASS.

Опасность такой научной и культурной политики в Восточной Европе обсуждалась в Минске, в 2018г. В частности, отмечалось, что, будучи одним из центров напряженности в мировых отношениях, Восточная Европа направлена на линию глобального геополитического провала. Основной причиной провала является нарушение норм международного поведения в силу отсутствия конструктивного диалога. Даже экспертные форумы, нацеленные на поиск решения проблем в интересах мира и сотрудничества, становятся неотъемлемой частью пропаганды и информации.¹

В самом деле, хотя количество университетов, академических и исследовательских центров в Центральной Азии, включая Таджикистан, финансируемые правительством России, растет, они также находятся в абсолютной зависимости от строгой иерархии государственных структур, играя между «внутренней» и «внешней» администрациями. Однако у такой ситуации есть своё научное объяснение.

К началу 90г. интерес Москвы, как, впрочем, и стран ЦА, к межакадемическим отношениям и, по сути, сравнительному литературоведению Восток/Запад пропал. На первый план вышли вопросы межконтинентального соперничества и соревновательной страсти за рынки сбыты в странах Востока. И хотя Запад ловил момент для того, чтобы осваивать упущенное в понимании Центральной Азии, как перекрестка культур и регионов, Россия теряла наработанный материал. Недооценка общей интеллектуальной собственности выразилась в изменении тональности межакадемического сотрудничества, а значит и обострения глобальной

¹ Минск Форум. *Eastern Europe: In Search of Security for All. MINSK Dialogue, COMPASS, Konrad Adenaur Stiftung, May. 2018*

межгосударственной иерархии. В результате, Российские научные и образовательные центры стали все больше отдаляться от своих центрально азиатских соседей.

Противостоянием и стремлением возродить былые открытые и объективные научные связи и вызвана организация КС, инициированного сотрудниками ТНУ и ИСАА МГУ. Мы глубоко признательны посольству Таджикистана и послу нашей страны в России, И. Сатторзода за поддержку нашей инициативы. Мы благодарны нашим Российским, Узбекским и Европейским коллегам за живое участие в обсуждении самых актуальных проблем по возрождению нашего межакадемического сотрудничества. Представители НАН Таджикистана и Академии Наук России, а также представители ТНУ, МГУ, МГИМО, Высшей Школы Экономики России и Кембриджского университета Великобритании обсуждали самые важные вопросы сотрудничества: от состояния рукописей до проблем изменения климата. Понятно, что это только начало нового периода межакадемического, междуниверситетского сотрудничества стран Евразии в наш, глобальный век.

Мы надеемся на поддержку молодого поколения ученых стран Азии и Европы и уверены, что потенциал нашей страны будет интересен для многих ученых разных стран. Ведь ответственность за будущее несут все страны одинаково: малые и большие, старые и молодые, богатые и бедные! Пандемия КОВИД -19 сравняла всех и в то же время показала верность Авиценновской теории развития глобального общества, выработанная ещё в начале миллениума, которая гласит: «баланс тела и души есть основа здорового общества».

Мунира Шахиди, профессор отд. МО ТНУ,
Чл. Шведского Института, проф. FMSH
Асс.член Кембриджского университета

Приветствие г-на Сатторова И.М., Чрезвычайного и Полномоченного Посла Таджикистана в Российской Федерации (2014-2021) на Международном научном круглом столе на тему: «Независимость и научная интеграция»
(г. Москва, 24 марта 2021 года)

Уважаемые гости!

Дамы и господа!

Свобода и независимость во все времена являлись самым великим благом в жизни человека, гарантом развития, символом духовности и исторического существования нации и государства.

Более того, независимость является не только воплощением исторических идеалов и целей, но еще и международным паспортом и гарантом признания нации мировым сообществом.

Независимость для нас – это наивысший признак устойчивости государства, сохранения облика нации, символ самобытности и идентичности, воплощение исторических идеалов и чаяний, международное признание и свидетельство вхождения независимого государства Таджикистан в цивилизованный мир.

Независимость для многих поколений таджикской нации, в том числе и наших гордых и свободолюбивых предков, была светлой мечтой, знаком судьбы, защитой чести и славы Отечества. В сложнейшие периоды истории при владычестве чужеземцев она означала сохранение и продолжение национальных традиций государственности и управления государством.

Страницы нашей древней истории свидетельствуют о том, что в результате захватнических войн само существование таджикской государственности много раз оказывалось под угрозой. Но дальновидные и верные представители нации оказывали всяческое, в том числе духовное и культурное сопротивление, противопоставляя гнету чужеземцев мудрость,

терпение и стойкость, боролись за сохранение и упрочение своего национального духа и одновременно вносили много нового в уклад жизни чужеродных племен и народностей, обогащали их мир уникальными достижениями своей древней цивилизации.

Находясь на пороге празднования 30-летия Государственной независимости Республики Таджикистан, я бы хотел рассмотреть вопрос «независимости» сквозь призму положительного опыта приобретения государственной независимости Республикой Таджикистан.

Ради глубокого понимания исторической значимости и обретения путей укрепления независимости мы вновь и вновь всесторонне изучаем все аспекты этого великого достижения, ибо установление независимости Таджикистана является великой победой не только в прошлом веке, но и на протяжении всего исторического пути нашей нации. Опыт человечества свидетельствует о том, что свобода и независимость не приходят сами по себе. Мы знаем много наций и народностей, которые в недалеком прошлом десятилетиями вели борьбу ради свободы и на этом пути несли большие жертвы. Мы и сегодня наблюдаем свободолюбивую борьбу народов, насчитывающих десятки миллионов людей, но лишенных самых элементарных национальных и культурных прав. Они не имеют даже права называться своим национальным именем, выражать свою национальную сущность, общаться, обучаться на своем родном языке. Поэтому они расценивают независимость как единственное средство своей национальной духовности и исторической сущности.

Единственная и неразрывная связь высших общественных ценностей – свободы и независимости, знаний и просвещения, разума и мира, дружбы и сотрудничества, присущих нашей нации, усилили и укрепили национальный и исторический менталитет таджиков. Благодаря этому наша нация, сохраняя свою индивидуальность, смогла пройти через

страшные и кровавые события и в очень короткий исторический период возродиться и достигнуть поразительного прогресса.

Целью священной борьбы за свободу и независимость было обеспечить само существование и историческое продолжение народа, его счастье, а также развитие страны. И достичь этого было бы невозможно без единства, стремления к созиданию, без спокойствия и благополучия народа, без добрых и дружественных отношений с соседними и дальними странами.

В такой культуре мир имеет естественную связь с независимостью, справедливостью и развитием: мир – не является уделом слабых, а является выражением храбрости, благородства и политической мудрости творцов и свободолюбивых личностей.

Мы не претендуем на то, чтобы наш опыт обеспечения мира и национального согласия считался единственным и универсальным для решения конфликтов. Но в условиях роста различных опасностей в разных странах и регионах этот опыт может созидательно использоваться как образец успешного разрешения конфликтов. Нашей историей еще раз доказано, что мир и единство являются базовыми условиями прогресса и процветания: в 1997 году спад экономики был остановлен, и в течение последующих пяти лет последствия политического кризиса благодаря самоотверженным усилиям таджикского народа, в основном, были преодолены.

Независимость стала качественно новым этапом в истории нашего стремления к достижению национальной государственности и сохранению духовного и культурного наследия нации.

Дорогие друзья!

Вместе с тем, сегодня любовь к Родине предков, славной истории нации и почитавшим её культуру и творившим цивилизацию предкам не должны закрывать нам глаза на революционный прогресс науки и техники, на ускоряющееся

развитие цивилизованных государств мира и расширение возможностей человеческого интеллекта.

Наоборот, чем больше мы любим свою Родину, тем больше усилий мы должны прилагать для того, чтобы не отставать от движущегося с космической скоростью поезда 21 века, развивать международное научное сотрудничество и содействовать научной интеграции со странами мира, изучать общечеловеческие научные и культурные ценности, современные достижения техники и технологии, новейшие открытия и разработки, так как интеллектуальный потенциал является ключевым ресурсом XXI века и его развитие является одной из ключевых задач.

Наука, как одно из важнейших направлений целесообразной человеческой деятельности, все более становящаяся производительной силой общества, объективно предполагает формирование, развитие системы научных коммуникаций, комплекса связей в научной и научно-технической сфере между учеными, научными организациями, в научном сообществе в целом. Это закономерно приводит к развитию международного сотрудничества в данной сфере. Причем, исходя из объективных потребностей использования международного сотрудничества, как важного средства экономии общественного, творческого труда, значение международного сотрудничества возрастает.

Активизация международного научного сотрудничества обусловлена также ростом мобильности научных кадров, прогрессом в сфере цифровых и коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, приводят к повышению глобальной доступности результатов исследований и разработок, появлению новых сетевых форм и партнерств в сфере наукотехнологического и инновационного взаимодействия.

Стоит также заметить, что необходимо, чтобы международное научное сотрудничество осуществлялось на

принципах открытости, деполитизированности, взаимовыгодности и ответственности. В данном контексте «открытость», при разумных мерах по усилению охраны объектов интеллектуальной собственности, предполагает свободный, равный и недискриминационный доступ к научной информации, результатам исследований, научной инфраструктуре, компетенциям, а также отдельным технологическим разработкам, имеющим значение для решения гуманитарных и иных общечеловеческих задач. «Взаимвыгодность» предполагает соблюдение баланса интересов сторон, а при указании «ответственности» предполагается опора на нормы международного права, уважение культуры и самобытности партнеров при развитии международного научного сотрудничества.

Для более эффективного научного взаимодействия необходимо проводить комплекс совместных мероприятий, работ, отношений и форм взаимодействия сотрудничающих сторон в различных областях науки, техники и инноваций с целью получения новых знаний, развития технологий, а также создания и усовершенствования новых продуктов в результате интеллектуальной деятельности для национальных нужд или реализации на мировом рынке.

В этой связи надеемся на плодотворную и обстоятельную беседу и ваш экспертный взгляд относительно возможности организации международного научного сотрудничества и научной интеграции, потенциальные сложности и пути их решения.

Благодарю за внимание!

PROSPECTS FOR COLLABORATION ON INNOVATION AND SUSTAINABILITY RESEARCH

Dr Sidharth S Saxena

Director, Cambridge Central Asia Forum
Jesus College, University of Cambridge
CB5 8BL, United Kingdom
Sss21@cam.ac.uk

<https://centralasia.group.cam.ac.uk/>

A Cavendish Laboratory, University of Cambridge, UK and Tajikistan National Academy of Sciences Initiative

This Cambridge-Tajikistan platform aspires to be an interdisciplinary research initiative that brings together scholars from arts and humanities, social, physical and biological sciences, economics and management to conduct research and to study and aid development in Tajikistan and Central Asia in particular and Eurasia and Asia in general.

This platform envisions the promotion of bilateral academic, cultural, economic and political relations between the Central Asia region and the UK and Europe as its primary purpose. This implies gathering and disseminating information about existing activities both within the region and in the UK, and making this information accessible to a wider population across the globe.

These ideas have been developed with consultation with Prof Munira Shahidi and Prof Hikmat Muminov, both of who spent significant time with University of Cambridge colleagues and context was made actual by them inviting and hosting many Cambridge and UK scholars and students in Tajikistan.

Executive Summary

Establishing this collaborative programme is a unique learning opportunity for anyone interested in enhancing their capacity to analyse, understand and help create solutions to some of the most

challenging global issues of our day. This programme will focus on cutting edge thinking about problems related to **global climate change**, food and economic security. Activities will cover key concepts which can guide young researchers, students and others seeking to engage with these challenges which, by their very nature, cut across disciplines, borders and geographical locations. Concrete problems like prevention of melting of glaciers, deforestation and environmental degradation happen not only because of outdated technologies and inadequate economic practices, but fundamentally lie with human behaviour and cultural norms which have become disconnected with development. We will address these notions as a priority.

The future energy innovation platform will prominently feature a range of topics in the area of energy production, transmission, storage and usage all of which have emerged as a core of global energy sustainability agenda. A special feature of this research centre will be creating a platform for Global energy and sustainability by linking Tajikistan's unique natural endowment and strategic geography to creation of an unparalleled 'core of science for industrial development'. This research centre will seek to deepen our understanding of the rich physical phenomena that arise in materials. The anticipated focus will be on unconventional superconductivity, quantum phase transitions, quantum magnetism, and metal-insulator transitions to name a few key developments. All of the current global technology is based on a single discovery, made in University of Cambridge at the Cavendish Laboratory in 1897. This was the discovery of electron-basis of electronics which exploits the charge of electron and underpins all aspects of modern daily life. This advancement could only scale to global level when it found application through the concept of Algorithm, innovated nearly a thousand year ago by Al-Khwarizmi of Bukhara.

Looking to the future, for example, one of the quantum phenomena in its new form, unconventional superconductivity, is able to utilize power of many properties of electron, not only its charge as it has been done for last 100 years, allowing it to transmit electricity

without any losses, thus being near absolute efficiency in transmission of power. Similar new solutions also exist in storage, generation and usage, many of which have been developed by the Cavendish Laboratory. The bottleneck though is the materials which can be used to build these technologies, in large supplies, are still underdeveloped, mainly due to their unavailability in geology and geography in currently leading technology developing countries of Europe and North America. Equally the large global business and global production chains are too deeply entrenched and invested in ‘classical-technologies’ and find it stifling to disrupt the current production. Thus the new era breakthroughs will need champions with right courage, skills and resources. The proposed research centre will concretely be able to propel Tajikistan into not only a leading position for its own sake, but also in the driving seat of the upcoming shift in industrial paradigm.

Significance and Potential Impact

Based on fundamental advances in the understanding of electronic materials, much of 20th century materials physics was driven by miniaturization and integration in the electronics industry to the current generation of nanometer scale devices. The achievements of this industry have brought unprecedented advances to society and wellbeing, and no doubt there is much further to go; note that this progress is founded on investments and studies in the fundamentals of materials physics from more than 60 years ago in USSR, USA and Europe. These were underpinned by advancements of Central Asia and Asia nearly a millennia ago. Nevertheless the defining challenges for the 21st century will lie in the discovery in science, and deployment through engineering, of technologies that can deliver the scale needed to make impact on the sustainability agenda. Thus the big developments in nanotechnology may lie not in the pursuit of yet smaller transistors, but in the design of new

structures that can revolutionise the performance of solar cells, batteries, fuel cells, light-weight structural materials, refrigeration, water purification, etc. These developments must support manufacturing that is scalable – structures that are self-organised at the molecular and nanometre length scales that can be manufactured in the hundreds of thousands of tons or hectares that are needed to transform the energy economy. The “magic” technologies to deliver this new age include photovoltaics, electrical storage, refrigeration, conductors and lighting. While there are no physical principles preventing breakthroughs, new materials discoveries and development will be needed to bring these to fruition. Sensible targets here are oxides; hybrid and composites; transition metal chemistry; polymers and small organic molecules.

Proposed Approach

Energy Sustainability is a Materials agenda – this statement arises from the fundamental assessment that we must be interested in energy-dense materials, which thus make use of “small” electrons packed to the highest possible density. These are by definition “strongly correlated”. For example: efficient solid state refrigeration depends on substantial entropy changes in a unit cell, with large local electrical or magnetic moments; the limit of an efficient battery is a super-capacitor employing mixed valent ions; fuel cells and solar to fuel conversion require us to understand electrochemistry on the scale of a single atom; we already know that the only prospect for effective high temperature superconductivity involves strongly correlated materials. While physics continue to excite researchers and the public alike because of the fundamental science issues, it seems increasingly likely support for the science will be leveraged by its impact on energy and sustainability. That leads to the proposal for this Research Centre.

Thus the “Energy Innovation and Sustainability Research Centre” will be organized as best equipped and most efficient

enterprise consisting of laboratories offering full cycle scientific investigation and early stage prototyping. It will include laboratories for 1) the crystal growth and characterization, 2) the kinetic measurements, 3) thermodynamic measurements, 4) the resonant and optical measurements, 5) the high magnetic fields and high pressures, 6) theoretical investigations. The fundamental research will be concentrated in the “Energy Innovation and Sustainability Research Center”, the applied research will be conducted in collaboration with innovative companies created in University of Cambridge and Tajikistan. The basic research will be focused on several major topics in condensed matter physics. It includes investigation of spin liquid states along with study of Bose – Einstein condensation of magnons, elucidation of quantum order in itinerant electron systems and quantum critical phenomena. Significant attention will be given to both experimental and theoretical studies in physics of various superconducting, ferroelectric, magnetic and multiferroic materials. The innovative research will tackle development of compounds with huge magnetocaloric effect and devices to utilize such phenomena; multiferroic ferromagnetic/ferroelectric heterostructures for energy-saving spintronics; ultraviolet/visible light transformers rising efficiency of solar cells. In collaboration with CamCool Research Limited (www.camcool.co.uk) special scientific equipment will be designed and manufactured; in collaboration with partners in Tajikistan Central Asia and Russia, the superconducting tapes of second generation will be designed and manufactured; as well as the multipole magnetic bushes for collector, valve and step engines and generators will be designed and manufactured. Potential problem to realize the “Energy Innovation and Sustainability Research Centre” goals is the lack of trained people able to transform the results of fundamental and applied research into innovative industry. To overcome this bottleneck the future staff of institutions in Tajikistan will be educated through special programs in both University of Cambridge and Tajikistan . The measure of success for “Quantum Energy and Sustainability Research Center” will be organization of

effective Tajikistan based educational, scientific and innovative network in energy science and technology.

Goals, Deliverables, and Innovation

The creation of unique and versatile research centre in Tajikistan able to react to diverse challenges in modern science and technology is an ambitious goal itself. Its realization is possible only on the basis of new proposed doctrine unifying educational, scientific and innovative activities. The “Quantum Energy and Sustainability Research Centre” will be oriented towards the search and study of new functional materials to be used in modern energy-saving technologies. Among the deliverables of the project will be disclosure of innovative potential of superconducting, magnetic, ferroelectric and multiferroic materials. To give examples of a specific projects where materials will be designed, synthesized and investigated we will consider Fe-based superconducting pnictides and chalcogenides; various complex ferromagnetic metaloxides to be used in hydrogen fuel cells; various intermetallic Heusler alloys with huge magnetocaloric effect at room temperatures for use in solid state fridge devices; various ferroelectric and ferrimagnetic metaloxides to be used as components of composite multiferroics in energy-saving electronic and spintronic devices like nanocoolers; ultraviolet/visible light transformers with efficiency close to quantum limit will be studied to aim for raising efficiency of solar cells and domestic applications. Theoretical research will focus on the modelling of new functional materials and devices. Fundamental understanding of the electronic, magnetic and transport properties of materials for energy-saving technologies is crucial to guide and design the research. In a multiscale modelling approach we will combine state-of-the-art density functional theory, molecular dynamics methods and modern quantum approaches to correlated electron systems appropriate at different length and time scales to properly describe the functionality of materials. The innovation activities are planned to be actualized through high-tech companies collaborating with “Quantum Energy and Sustainability Research

Center”. The CamCool Research Limited based on premises of University of Cambridge will collaborate with “Quantum Energy and Sustainability Research Center” to design and manufacture special scientific equipment, i.e. magnetic refrigeration systems and cryogen-free cryostats, hydrostatic ultra-high pressure systems, ultra-low noise transport property measurements systems, custom built sensors for space, medical and materials research. New spin-offs based in Tajikistan will collaborate with “Quantum Energy and Sustainability Research Center” to implement an ambitious innovation technology project – creation of superconductors capable to change radically the whole electrical power industry. The Tajikistan based company will develop materials based on thin textured coats of high-temperature superconductive films that will be widely used for production of cables, current limiters, transformers, motors, generators, energy accumulators and other types of electric and power generating equipment featuring superconductors.

In its initial activity the Centre will hope for:

- Establishment and coordination of scholarships for subjects relevant to Tajikistan’s needs as well as encouragement of UK and International students to study Tajikistan;
- Establishment of research and teaching posts in Tajik language, culture and history, as well as physics, engineering, economics, management and key technologies;
- Establishment of joint teaching and research projects with Tajik institutions and provide advice for establishment of new institutions;
- Promotion of Tajikistan through organisation of cultural events, lecture series, conferences and exchange of students, officials, public figures and citizens. An annual joint conference guided by policy priority of Republic of Tajikistan;
- Annual Tajikistan Executive Leadership Programme for Political, Institutional and Industrial leaders.

Why Cambridge

This year (2009), University of Cambridge is celebrating its 800th anniversary of its foundation. Cambridge University has over the course of its history won a total of 82 Nobel Prizes, and eight Fields Medals. Its alumnus, John Harvard, started the Harvard University.

Cambridge University has educated 15 British Prime Ministers, including Robert Walpole (First Prime Minister of Great Britain). More than twenty-five international Heads of State or Heads of Government have attended Cambridge University, including three Prime Ministers of India, two Prime Ministers of Singapore, Stanley Bruce (Prime Minister of Australia) and Margrethe II of Denmark (Queen Regnant of Denmark).

Cambridge University has also traditionally been the academic institution of choice of the British Royal Family (King Edward VII, King George VI, Prince Henry of Gloucester, Prince William of Gloucester and Edinburgh and Prince Charles all studied at Cambridge).

In the most recent British Government Research Assessment Exercise in 2001, Cambridge was ranked first in the country. In 2005, it was reported that Cambridge produces more PhDs per year than any other British university (over 30% more than second placed Oxford). In 2006, a Thomson Scientific study showed that Cambridge has the highest research paper output of any British university, and is also the top research producer (as assessed by total paper citation count) in 10 out of 21 major British research fields analysed. Another study published the same year by Evidence showed that Cambridge won a larger proportion (6.6%) of total British research grants and contracts than any other university.

The university is also closely linked with the development of the high-tech business cluster in and around Cambridge, which forms the area known as Silicon Fen or sometimes the "Cambridge Phenomenon". In 2004, it was reported that Silicon Fen was the

second largest venture capital market in the world, after Silicon Valley.

Estimates reported in February 2006 suggest that there were about 250 active start-up companies directly linked with the university, worth around US\$ 6 billion.

ТРАДИЦИИ НАРОДОВ В АНИМАЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ СРЕДСТВ РАЗМЕЩЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.

К.Т. Асанова - Кыргызско-Турецкий Университет Манас

Абстракт:

В современном мире миллионы людей предпочитают проводить свой отпуск за границей, а современный турист наряду с комфортным размещением хочет получить яркие впечатления. Поэтому предприятиям туризма, в частности предприятиям размещения, важно предоставлять гостям возможность знакомства с местной культурой и обычаями. Анимационные услуги, также как и туризм в целом, играют важную роль в укреплении межкультурных связей. Кроме этого они вносят разнообразие в перечень туристских продуктов, формируют хороший имидж, повышают лояльность к региону и средству размещения, положительно влияют на продолжительность пребывания туристов и увеличение дополнительных продаж.

Целью данного исследования является изучение состояния анимационных услуг в средствах размещения Кыргызстана, где используются элементы традиций и обычаев кыргызского народа, а также разработка и предложение модели анимационной программы для предприятий размещения, отражающей культурные ценности кыргызов.

Ключевые слова: туризм, предприятия туризма, гостиницы, средства размещения, анимация, традиции, обычаи.

Abstract

In the modern world, millions of people prefer to spend their holidays abroad, and a modern tourist, along with comfortable

accommodation, wants to get vivid impressions. That's why it is important for tourism businesses, in particular for accommodation companies, to provide guests with the opportunity to experience local culture and customs. Animation services, as well as tourism in general, play an important role in fostering intercultural ties. In addition, they add variety to the list of tourist products, form a good image, increase loyalty to the region and the accommodation facility, positively affect the duration of tourists' stay and increase additional sales.

The purpose of this research is to study the state of animation services in the accommodation facilities of Kyrgyzstan, where elements of the traditions and customs of the Kyrgyz people are used, and the development and proposal of an animation program model for accommodation enterprises that reflect the cultural values of the Kyrgyz people.

Key words: tourism, tourism enterprises, hotels, accommodation facilities, animation, traditions, customs.

Введение

Благодаря технологическому прогрессу появились современные транспортные средства, повысилось благосостояние народа, уменьшились рабочие часы, что отразилось на предпочтениях отдыхающих. Если первым туристам достаточно было сменить обстановку и отдохнуть на природе, то современному туристу наряду с комфортными условиями проживания, желательно созерцать уникальные природные и рукотворные достопримечательности, узнавать культуру и традиции местного народа, получать положительные эмоции от разных ивентов и т.п. Повышенный спрос на организованный отдых и рекреационные услуги послужил платформой для развития рекреационного туризма, наряду с которым стали развиваться анимационные услуги [16,с.1]. Также стоит отметить, что предпочтения туристов с пассивного участия в мероприятиях по организации досуга сдвинулись в

сторону активного участия. Туристам стало интересно погружение в среду, т.е. самобытную культуру, где происходит активный обмен культурными ценностями, что приносит разнообразие в классическое понятие отдыха.

Обзор мировых новостей в сфере туризма, показывает, что в последние годы Кыргызстан набирает популярность на мировом рынке туруслуг, все больше и больше обращая на себя внимание туристов с западных стран. В 2021 году в рейтинге The Guardian [9] он занял первое место, а в 2020 году The Spectator Index отдал почетное третье место в своем списке «Лучших направлений для отдыха». В этом контексте Кыргызстан рекомендовали для посещения такие авторитарные издания как Journal of Nomads [1] и Travel Lemming [2]. Годом ранее Forbes и The Guardian внесли Кыргызстан в первую тройку стран рекомендованных для путешествий на 2019 год [7; 8], а по рейтингу Lonely Planet Кыргызстан занял пятое место.

По мнению составителей рейтинга авторитетного международного издательства Lonely Planet интерес туристов к Кыргызстану вырос с проведением Всемирных игр кочевников [3]. Кроме этого значительное влияние на мнение иностранных туристов оказал список американского внешнеполитического ведомств, где Кыргызстан признан безопасным для туристических поездок, наряду с Канадой, Южной Кореей и Казахстаном [4]. В том же 2018 году по версии популярного блога о путешествиях Passion Passport, Кыргызстан вошел в первую двадцатку главных туристических направлений, оказавшись единственным представителем Центральной Азии [5]. Так же анализ ТурСтата показал, что Бишкек находится в десятке наиболее востребованных тур маршрутов среди стран СНГ [6].

В каждом из вышеперечисленных изданий отмечается нетронутая природа Кыргызстана, самобытная культура и гостеприимство народа. Это и неудивительно, т.к. современные исследования показывают, что классическое направление туризма море-солнце-песок сдает свои позиции культурному и

природному направлению, заставляя мировой гостиничный бизнес работать над дифференциацией и диверсификацией турпродукта. Краткий обзор анимационных программ, ведущих резорт отелей показал, что тенденция идет в сторону культурных ценностей, самобытных обычаев и обрядов. Итак, традиции, обычаи, верования, артефакты, легенды и мифы могут стать важным элементом для развития туризма Кыргызстана. Всемирные игры кочевников (ВИК), которые трижды были организованы на территории нашей республики, служат ярким примером превращения культурных ценностей в турпродукт. Следовательно, прилагая усилия для разработки тур продуктов с использованием материальных и нематериальных ценностей кыргызов, предприятия туризма внесут огромный вклад в развитие своей компании на микроуровне, и в продвижение на мировом рынке Кыргызстана на макро уровне.

Обзор литературы.

Термин “анимация” в переводе с латинского означает воодушевление, одухотворение, стимулирование или вовлечение в активность. Оно в контексте туризма отличается от общепринятого понятия [12, с.17] которое применяется в мультипликации и означает дополнительную услугу [16, с.42] по организации досуга туристов [13, с.4], которая способствует развитию социальных качеств, приобретению новых знаний, а также благотворно воздействует на психологическое и физиологическое состояние туриста [14, 21].

Анимационные услуги развиваются параллельно с туризмом, который рассматривается в мировом масштабе как самый быстро развивающийся сектор экономики [17, с.54]. Анимационные услуги предоставляются предприятиями туризма, а средства размещения возглавляют этот список, отличаясь разнообразием предоставляемых услуг и насыщенностью программ [14, с.73]. По мнению Гаранина и Булыгиной, анимация является важной частью услуг туркомплекса и основной составляющей любого турпродукта,

т.к. его положительное влияние на уровень удовлетворенности туристов неоспорима [18, с.127]. Туристов заинтересовывают и побуждают принять активное участие в анимационных программах не только в гостиницах и ресторанах, но и в транспортных средствах во время тур маршрутов, например, таких как поезда и круизные лайнеры [18, с.50].

Условия рыночных отношений обусловлены жесткой конкуренцией, благодаря которой предприятия обязаны все время совершенствовать свой продукт. В предприятиях туризма анимация, анимационные программы, услуги, мероприятия и анимационные продукты используются в одинаковом значении и воспринимаются как уникальный инструмент по сближению разных культур что непосредственно отражается в воспитании толерантности. Особенно стоит подчеркнуть мероприятия по организации досуга где турист может не только посмотреть, но и окунуться в быт, культуру, обычаи и традиции народа. Наглядным примером развития сегмента анимационных услуг является то, что даже такие предприятия как аэропорты, конгресс центры и медицинские учреждения стали внедрять анимационные услуги.

Как отмечает Трубачева, анимационные услуги являются одним из наиболее эффективных инструментов для привлечения гостей в средства размещения, они оказывают положительное влияние на увеличение продаж предприятия [20, с.41].

Классическая анимационная программа обязательно включает в себя спорт, танцы, тематические вечеринки, карнавалы, шоу программы, конкурсы, эстафеты и игры [19, с.408]. Кроме этого в программе можно увидеть музыкальные ивенты и тематические мастер классы т.к. она должна быть разнообразной, учитывать многообразие сфер интересов отдыхающих.

Говоря об анимационных услугах важно сказать, что в мировой практике существуют брендовые анимационные программы, которые рассмотрены в следующих категориях:

Шоу программы: “World Show”, “Arabian Night”, “African Show”, “Chinese Acrobatic”, “Kafe de Latino”, “Allegrya”, “White Party”, “Halloween”, “Kabare Show”, “Best Dance Show”, “Monako’s Circus”, “Frech Masquerade”, “Roman Night”, “Spain Dance Show”, “Turkish Folklor”, “Russian Night”, “Magic Show”, “Indian Dance and Magic” и т.д.

Спортивные мероприятия: футбол, волейбол, пляжный волейбол, водное поло, аэробика, йога, пилатес и т.д.

Социокультурные мероприятия: показ мод, народные танцы, латинские танцы, творческая мастерская, фестивали, ярмарки, мастер классы и т.д.

ЗОЖ: Курортология (гидротерапия, климатотерапия), яхтинг, массажные салоны, трекинги, заплывы, марафоны по забегу и т.д.

Мюзиклы: “Notre Dame de Paris”, “Romeo and Juliet” и т.д.

Известно, что среди туристов пользуются спросом турпакеты, включающие посещение определенного мероприятия в той или иной стране: например в Тайланд едут на «фестиваль черепах»; в Германию ради фестиваля пива; во Францию на «карнавал шоколада», «гастро фестиваль» и «фестиваль яблок»; США предлагает посещение праздника холодного и горячего чая; Бразилия манит своим карнавалом; Испания собирает туристов на праздник помидоров; а Италия на праздник апельсинов [13, с.15].

С каждым годом все большую популярность приобретают туристские услуги, предлагающие полное либо частичное погружение в самобытную культуру, где турист знакомится и проживает настоящую жизнь народа. Следовательно, анимационные программы в средствах размещения играют ключевую роль в знакомстве туристов с традициями, обычаями и обрядами народа и могут рассматриваться как важный фактор привлечения гостей в средство размещения.

Для составления грамотной анимационной программы необходимо понимать, что мероприятия классифицируются как дневные/вечерние; возрастные (детские, молодежные, среднего

и для людей преклонного возраста), активные/пассивные; развлекательные /познавательные; на открытых площадках/в помещении [14, с.35]. Важно чередовать активные и пассивные мероприятия, а также учитывать продолжительность анимационной программы, которая зависит от цели и среднего количества дней проживания туристов. Обычно энергозатратные виды анимационных мероприятий (игры, эстафеты, спортивные соревнования) в основном проводятся днем, в то время как развлекательные постановки, шоу программы и дискотеки проводятся в вечернее время [16, с.62]. Для успешной реализации программы необходимо учитывать ресурсы предприятия и особенности территории; отчеты за предыдущие годы; профиль туристов и прогноз о заполнении гостиницы; национальные и государственные ценности; групповые и индивидуальные особенности гостей; поставленные задачи (например, повышение продаж СПА). Кроме всего вышеперечисленного анимационная программа должна быть интересной, развлекательной, легкой в исполнении для туристов, креативной и полезной, т.к. одной из важных функций анимации является приобретение полезных навыков и положительного опыта.

Стоит помнить, что анимационные услуги являются важным инструментом маркетинга и поэтому перед аниматорами стоит задача постоянного обновления программы с учетом праздников, торжеств, новостей, а также юбилеев проживающих туристов. В курортных зонах анимационная программа обычно разрабатывается на одну или две недели, а в бизнес отелях под определенные группы или на один день. Иногда для туристов предоставляется возможность участия в мероприятиях, проводимых за пределами средства размещения, или приглашаются аутсорсинг компании в гостиницу, например, такие как цирк акробатов или шоу мотоциклистов. Также стоит отметить, что в некоторых предприятиях практикуются дни или вечера на такие темы как «Дружба народов» и «Интернациональ». В такие дни сами туристы знакомят

присутствующих со своими традициями и обычаями, тем самым укрепляя межкультурный диалог.

Важно учитывать то что при реализации анимационных программ многогранность и аутентичность культуры должна быть передана без искажений, т.е. они должны строиться на научно подтвержденной основе и фактах, во избежание переиначивания и неправильной трактовки. Для этого вначале надо внести ясность данным понятиям.

Народные обычаи, традиции, обряды - это культурное наследие определенного этноса. 'Традиция' происходит от латинского *Traditio* – что означает «передача» или «предание» [22, с.778], а в словаре иностранных слов «традиция» означает исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколения обычаи, порядки, правила поведения [23, с.502]. 'Обычай' - это общепринятый порядок [24], традиционнo установленные правила общественного поведения [25], или реализация традиций в повседневной жизни [26]. Понятия обряд и ритуал в некоторых источниках с 90х годов стали использоваться как синонимы, хотя до этого у них имелись некоторые отличия [27, с.87]. По мнению Бондырева С.К. 'обряд' - устное предание народа, не имеющее официального предписания, или действие, строго определенное обычаем, которое сопровождает и оформляет какие-либо акты культового характера [25]. А 'ритуал' - это установленный порядок обрядовых действий религиозного характера [28], которое в энциклопедическом словаре поясняется как вид обряда и упорядоченная система действий [29].

Итак, «традиция - это законы, устои, правила и знания народа, которые несут с собой только положительный эффект и передаются из поколения в поколение наглядным образом». Другими словами, это свод правил и устоев, которые являются положительными для определенного региона или определенной местности. Обряд – это инструкция, т.е. порядок действий традиционного характера, а ритуал - свод правил к действию религиозного плана. Согласно мнению этнографа У.Алимова

привычки формируют традицию, традиции же в свою очередь объединяясь, создают традиционную культуру народов или этнических групп, а лучшие ценности традиционной культуры формируют цивилизацию.

Анимационные услуги в Кыргызстане

Анализ рынка анимационных услуг Кыргызстана показал наличие устоявшихся мероприятия, которые привлекают как местных, так и иностранных туристов: ВИК, Көк бөрү, Ат чабыш, Салбурун; соревнования по тогуз коргоол, таяк тартыш; фестивали «Оймо», «Кийиз дүйнө», «Шырдак», «Айгүл», «Карагат», «Өрүк», «Кымыз», «Ашлям-Фу», «Бешбармак», «Курут»; «Айтыш», «Ыр кесе», «Сармерден», праздник Нооруз и т.д.

В республике наблюдается активный рост рынка организации торжеств и мероприятий где предлагаются услуги аниматоров, тамады, музыкантов, фокусников, танцоров и других шоу. Активно начали работать ассоциации, объединения и онлайн платформы такие как 'Tamada.kg', 'Toy.kg', 'Event.kg'.

Ресторанный сектор Кыргызстана тоже не стоит на месте и активно внедряет в перечень своих услуг некоторые элементы культурного наследия. Ярким примером в свое время служил открывшийся ресторан Саябан, где гостей развлекал музыкант, наигрывая мелодии на разнообразных национальных музыкальных инструментах, рассказывал легенды и истории, связанные с ними и желающие, могли попробовать поиграть на них. Во многих банкетных залах гостей развлекают эффектным шоу при выносе в зал главного национального блюда. В этно-комплексе Супара гостей встречает богатырь и после экскурсии провожает в юрту, где официанты приглашают гостя стать активным участником традиции «омовения рук». Этно комплекс знаменит своими национальными сладостями в новом формате, необычным оформлением блюд и шоу «ташмангал». Кроме этого на территории этно-комплекса есть возможность поиграть

в некоторые национальные игры, а во время трапезы настоящий охотник с охотничьими птицами развлекает гостей занимательными рассказами, учит правильно обращаться и фотографирует гостей с птицами в национальной одежде.

Так сложилось, что в средствах размещения анимационные услуги предлагаются крупными предприятиями размещения категории резорт, так как содержание собственного штата аниматоров, закуп оборудования, подготовка декораций и приобретение костюмов требует больших вложений.

По данным Статистического комитета средства размещения категории резорт рассматриваются в рамках “Предприятия туризма и учреждения для отдыха” наряду с частым сектором, домами отдыха, турбазами, гостевыми домами. На территории Кыргызской Республики зарегистрировано 1123 предприятия туризма и учреждения для отдыха которые распределены следующим образом: в Бишкеке 218, в г.Ош 25, в Баткенской области 27, в Джалал-Абадской области 67, в Иссык-Кульской области 544, в Нарынской 129, в Ошской 37, в Таласской 17, в Чуйской 59 [10].

В данном исследовании приняли участие 7 ВУЗов готовящих специалистов для сектора туризма и гостеприимства, 55 пансионатов и центров отдыха, расположенных в курортных зонах страны с количеством более 200 койкомест. Было выявлено что территория многих бывших советских пансионатов, домов отдыха и турбаз поделена на мелкие частные сектора, где каждый из них ведет независимую деятельность. В исследовании не приняли участие санатории, т.к. они не относятся к предприятиям туризма.

Информация собиралась через изучение социальных страниц, вебсайтов и проводился опрос.

Во время исследования было выявлено что только в двух ВУЗах включен в программу обучения предмет по организации досуга гостей (Анимационные и рекреационные услуги в туризме). Исследования рынка анимационных услуг показало, что из пятидесяти пяти (55) предприятий только четырнадцать

(14) предлагают своим гостям на постоянной основе услуги детской анимации, которая в основном ограничивается услугами воспитателя и няни. Только в семи из четырнадцати предприятий предлагаются игры и эстафеты на пляже для взрослой категории гостей, все остальные предприятия туризма и отдыха предлагают услуги аниматоров по запросу клиента, либо не предлагают вообще.

Практическая часть данной работы состоит из модели анимационной программы для средств размещения Кыргызстана, которая разработана с учетом отзывов туристов посетивших нашу страну и пожеланий руководителей средств размещения о минимизации дополнительных финансовых вложений.

Модель анимационной программы отражена в Таблице 1 и рассчитана на 2 недели, где ежедневно туристам предлагается общепринятый перечень утренних физических упражнений и вечерняя дискотека. А за две недели туристы могут принять активное участие в пятидесяти шести (56) мероприятиях, отражающих культуру и быт кыргызов, также дважды в неделю будет проводиться день «Дружбы народов», где зарубежные гости или представители других этнических групп страны знакомят друг друга со своей культурой. Все виды предлагаемых развлечений легко адаптируемы под условия средств размещения, а самое главное то, что более половины всех мероприятий предполагает активное участие гостей.

Время	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
8:00	Йога	Стречинг	Йога	Стречинг	Йога	Стречинг	Йога
9.30- 9.45	Meeting	Meeting	Meeting	Meeting	Meeting	Meeting	Meeting
10.00-10.30	Утренняя разминка	Утренняя разминка	Утренняя разминка	Утренняя разминка	Утренняя разминка	Утренняя разминка	Утренняя разминка
11.00-11.30 (2 недели)	Стрельба из лука	Игра «Упай»	Соревнование “Кол курөш”	Игра “Ордо”	Игра “Тогуз коргоол”	Игра “Орто топ”	Игра “Ак терек, көк терек”
	Игра «Жушан»	Игра «Ширенке»	Игра “Жоолук таштамай”	Игра «Чака чапмай»	Игра «Жамбы»	Тушоо той	Соревнование «Таяк тартыш»
(2	Туш кийиз МК	Традиционная	Лошадь крылья	Шырдак и Ала кийиз	Охота (птицы,	Нац украшения	Музыкальные

недели) Выставки- ярмарки и мастер классы	“Журак”	женская одежда МК “Элечек”	человека. МК «Жамчы»	МК «Оймо»	тайган) МК «Томого»	МК “Чачпак”	инструмен ты МК “Чопо чоор”
	Кожанные изделия МК Браслет	Нац мужская одежда МК Калпак	Лекарствен ные растения МК Төлгө / Тамырчы	Войлок МК Войлочные украшения	Картины МК “Картина из кожи”	Боз үй МК Упи	Музыкальн ые инструмен ты МК “Тай туяк”
16.00-17.00 (2 недели) Подник своими руками	Мастер класс “Жагтама” «Самоор чай»	Мастер класс «Май токоч» “Кымыз”	Мастер класс “Журут” «Шербет»	Мастер класс “Бьжы” «Максым»	Мастер класс “Көөлөнгө н талкан» Чалап»	Мастер класс “Калама” «Журма чай»	Мастер класс “Бешбарма к” «Ак сирке»
	Мастер класс “Майда мангы» Жарма»	Мастер класс “Куймак” «Бозо»	Мастер класс “Чак Чак» «Ай ран»	Мастер класс «Ашлянфу » «Пиро жки»	Мастер класс “Самсы» «Эзме курут»	Мастер класс “Боорсок” «Сүт чай»	Мастер класс “Куурдак” «Көк чай»
Ужин			Дружба народов				Дружба народов
21.00-23.30 (2 недели)	Ак чөлмөк	Бр кесе	Акыйнек айтышуу	Макал- лакап айтышы	Төкмө акын	Күүлөр	Селкинчек
	Санжыра	Концерт	Кара жорго	Караоке	Кинотеатр (д/ф, х/ф)	Вечер нац.мелоди й	Мини сцена, эпос “Манас”
00.00-03.00	Дискотека	Дискотека	Дискотека	Дискотека	Дискотека	Дискотека	Дискотека
					Таблица 1. Модель анимацион ной программы		

Как видно из Таблицы 1 ежедневно в 8:00 проводится Йога либо Стречинг. А в 9:30 команда аниматоров собирается для обсуждения планов и распределения обязанностей.

Ежедневно с 11:00 до 11:30 гостям предлагается активная программа, где гостей учат играть в национальные игры или приглашают на соревнования. За две недели гости могут принять участие в национальных играх и соревнованиях, таких как Стрельба из лука, игра в Упай и Ордо с альчиками, ментальная игра в Тогуз коргоол, популярная игра Орто топ, Ак терек-Кок терек, Жоолук таштамай, Чака чапмай, Жамбы, Таяк тартыш и Жуушан. Тушоо той подразумевает отражение традиции народа где участники соревнуются в беге.

После обеда гости могут посетить мастер классы, реализуемые в рамках выставок-ярмарок изделий народного прикладного искусства: туш кийиз, шырдак, алакийиз, женская и мужская традиционная одежда; украшения, музыкальные инструменты и т.д. Туристы могут принять активное участие в изготовлении изделий, собрать юрту (uniyurt), узнать особенности головных уборов, а также познакомиться с устным творчеством (легенды, эпосы, истории).

С 16:00 до 17:00 персонал ресторана средства размещения приглашает гостей на мастер-классы по изготовлению национальных блюд и напитков, которое плавно переходит в традиционное чаепитие. Гости могут научиться делать каттама, жарить борсоки, приготовить курут, быжы, бешбармак, сладкий талкан, калама, майда манты, куймак, чак-чак, ашлянфу, самсы и куурдак. Из напитков гостям предлагается изготовление и дегустация таких напитков как шербет, максым, чалап, курма чай, ак сирке, жарма, бозо, айран и несколько видов чая из самовара.

Во время ужина, когда в зале собирается максимальное количество гостей дважды в неделю проводится вечер «Дружба народов» где зарубежные гости или представители других этносов, проживающих в Кыргызстане знакомят гостей со своей культурой и обычаями. После ужина гостей развлекают показом фильмов, традиционными играми, шоу или музыкальными дебатами. Гости могут научиться танцевать Кара жорго, спеть в караоке, посмотреть фильмы, послушать манасчы, насладиться инструментальной музыкой, поиграть в Ак чөлмөк или посмотреть концерт.

Важно понимать, что программа пластична и предполагает изменения в зависимости от каких-либо праздников как принимающей стороны, так и стран из которых прибыли гости. Для реализации некоторых мероприятий важно привлекать мастеров прикладного искусства, народные таланты и местных умельцев.

Выводы и рекомендации

Классическое понятие об анимационных услугах как о дополнительной затратной услуге стало отходить, уступая место новому понятию как о приносящем доход отделе. Поэтому важно информировать о плюсах анимационных услуг не только отельеров и сотрудников средств размещения, но и другие предприятия туризма. Особо стоит подчеркнуть важную роль анимационных услуг в укреплении дружбы между народами и воспитании толерантности.

Разработанная модель анимационной программы для средств размещения, включает актуальные на данный момент услуги, отражающие культуру и быт кыргызского народа. Учитывая тенденции в предпочтениях туристов, программа составлена с учетом возможности погружения в аутентичную среду. Кыргызстан имеет уникальную возможность приобретения опыта развития сектора анимационных услуг т.к. у кыргызского народа с издревле есть яркие примеры организации досуга гостей, что может трансформироваться в современный формат.

Необходимо подчеркнуть, что многие этно-турпродукты страны стали брендом и привлекают туристов своей аутентичностью, а некоторые элементы традиций и обычаев кыргызов используются в предприятиях размещения в качестве анимационных показов. К сожалению, во время исследования, также выяснилось, что в некоторых случаях показ традиций или обычаев идет в искаженном варианте, причиной которого является отсутствие знаний или необходимых ресурсов. Стоит отметить, что анимационная программа наряду с развлекательной функцией, также должна нести и просветительскую, которая подразумевает грамотную основу и необходимые навыки аниматоров.

Использованные источники:

1. <https://www.journalofnomads.com/why-visit-kyrgyzstan/>
2. https://24.kg/english/134401_Kyrgyzstan_included_in_30_top_emerging_travel_destinations_for_2020/
3. <https://ru.sputnik.kg/society/20181024/1041689494/kyrgyzstan-lonely-planet-reyting-puteshestvie-turisty.html>
4. <https://ru.sputnik.kg/society/20180113/1037245076/gosdep-otnes-kyrgyzstan-k-stranam-bezopasnyh-dlya-turistov-iz-ssha.html>
5. <https://passionpassport.com/top-travel-destinations-2018/> .
6. <https://ru.sputnik.kg/society/20180724/1040319497/bishkek-turizm-goroda-statistika.html>
7. <https://www.forbes.com/sites/ranagood/2019/02/27/5-best-countries-to-explore-on-horseback/#1f01fd970f19>
8. https://www.theguardian.com/travel/ng-interactive/2019/jan/05/where-to-go-on-holiday-in-2019-the-hotlist?CMP=Share_iOSApp_Other#Asia
9. <https://www.theguardian.com/travel/2021/jan/03/my-travel-dream-for-2021-top-12-readers-tips>
10. <http://stat.kg/kg/publications/sbornik-turizm-v-kyrgyzstane/>
11. https://kaktus.media/doc/441166_pansionaty_oteli_i_gostevye_doma_na_issyk_kyle_2021_ceny_v_iule_i_avgyste.html
12. Гречишкина Е.А. Анимационная деятельность в туризме и гостеприимстве, Пинск ПолесГУ 2016
13. Гаранин Н.И., Булыгина И.И. (2002) Менеджмент туристской и гостиничной анимации М.: Российская международная академия туризма
14. Hazar, Atilla (1993) Konaklama Tesislerinde Animasyon Hizmetlerinin yönetimi. Ankara: Turizm Geliştirme Vakfı yayını.
15. Hazar, Atilla (1999) Turizm İşletmelerinde Animasyon. Ankara: Detay Kitap ve Yayıncılık.

16.Hazar, Atilla (2003) *Rekreasyon ve Animasyon*. Ankara: Detay Kitap ve Yayıncılık.

17.Yıldız, Zafer (2011). *Turizmin Sektörünün Gelişimi Ve İstihdam Üzerindeki Etkisi*, Süleyman Demirel Üniversitesi Vizyoner Dergisi 3(5), 54-71

Гаранин Н.И. (1999) *Менеджмент туранимации в туркомплексах //Актуальныепроблемы туризма*. Москва

Гаранин Н.И., Булыгина И.И.,(2004) *Менеджмент туристской и гостиничной анимации*.М.: Советский спорт.

Трубачева Н.В. *Курортная анимация // Курортные ведомости*. – 2005.№2. – с.41-43

Зорин И., Квартальнов В. *Толковый словарь туристских терминов*. Туризм. Туристская индустрия. Туристский бизнес. – Москва-Афины: Infogroup. 1994. – 408с

Дворецкий И.Х. *Латинско-русский словарь*. М., 1986. –с778

Словарь иностранных слов. - М., 1982. - С. 502.

В словаре русского языка С.И. Ожегова

Ефремова. Толковый словарь Ефремовой. 2012

Мамырова М.И., Рабидинова А.Д. Известия КГТУ им.

И.Раззакова 14/2008 УДК.: 37.035.6 роль традиций и обычаев в воспитании студенческой молодежи, КГТУ им. И.Раззакова.)

Бондырева С.К. Указ.соч. С.87.

Толковый словарь Ушакова 2012.

Большой энциклопедический словарь 2012

Сведения об авторе: К.Т. Асанов - Кыргызско-Турецкий
Университет Манас, старший преподаватель Факультета
туризма, Кыргызская Республика, г.Бишкек
kymbat.asanova@manas.edu.kg, +996772674554

ОТ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ К (ДЕЗ)ИНТЕГРАЦИИ? ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИСТОРИЮ (ПОСТ)СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ И РОССИИ

В.О. Бобровников - *к.и.н., в.н.с., профессор, М., СПб.,
Институт востоковедения РАН, НИУ «Высшая школа
экономики» в СПб.*

Вряд ли кто-то будет сомневаться сегодня в той очевидной истине, что колониализм эпохи модерна в самых различных его проявлениях, в том числе и на «восточных» мусульманских окраинах Российской империи, был злом как для колонизованных, так и для колонизаторов, при том, что последние не всегда были злодеями, и какая-то польза от колониальной интеграции была и для колонизованных. Он неизбежно влек за собой дискриминацию и разделение подданных колониальных империй на привилегированную элиту метрополии и эксплуатируемые ею колонии. У колониального имперского принципа «*divide et impera!*» была и культурная составляющая, выразившееся в международных колониальных дискурсах и их национальных разновидностях, исследование которой в постколониальной теории началось после классических работ Эдварда В. Саида [29; 13, 273–388; 14; 28 и др.]. Вместе с тем, не менее болезненным процессом была деколонизация общества, политики и культуры, шедшая в период крушения колониальных империй XX в. В ней было заложено немало негативных побочных последствий от раскола до распада общества и культуры. При ней сложился целый ряд социально-психологических комплексов от вполне логичного(, но почему-то отсутствующего во многих регионах современной России) комплекса вины потомков колонизаторов за «деяния» их предков до того, что в не менее болезненной американской культурной традиции XX в. получило название *affirmative action* [ср. 11] – реабилитации прежде дискриминированных меньшинств, от этнических до

сексуальных, сопряженной при том с воспроизводимой сегодня культурной дискриминацией «большинств».

Отнюдь не все из обозначенных выше проблем помогают понять сложные судьбы современных таджикско-российских научных связей. Но, мне кажется, что последние полезно поставить в глобальный исторический контекст, в данном случае постколониальный и постсоветский. Не надо, конечно, эссенциализировать колониальное прошлое Туркестана в Таджикистане, выводя его за рамки истории, как это делали крупнейший советолог Александр Беннигсен и его западные единомышленники времен «холодной войны» [17, 9–87]. Однако стоит осмыслить антиколониальную риторику, которая определяла общее направление научных гуманитарных исследований бывшего имперского и советского Востока, включая бывшие колонии Российской империи на Северном Кавказе и в Туркестане (Средней Азии), но до сих пор больше транслировалась. Одной из ее констант была установка на инкорпорацию бывших колониальных владений царизма в единое культурное (с конца 1930-х гг. русскоязычное, пусть многонациональное) пространство Союза. В послевоенные десятилетия она во многом определяла деятельность академической науки и высшей школы [25, 106–131]. С одной стороны, административно-территориальное размежевание Туркестанской АССР на ряд сначала национальных автономий РСФСР, а затем союзных республик в 1924–1928 гг. привело к созданию конкурирующих национальных востоковедных центров в их столицах, наиболее сильными и конкурентоспособными из которых стали вузы и академические институты в Ташкенте. С другой, уже в предвоенное десятилетие, а в основном во второй половине 1950-х – 1980-е гг. наряду с этим складывалось общее культурное (и научное) пространство страны.

Культурное наследие общесоюзной науки послевоенных десятилетий до сих пор чувствуется в языковом ландшафте и социальных сетях, связывающих Российскую Федерацию,

Таджикистан и другие национальные республики постсоветской Центральной Азии. В этом отношении Таджикистан гораздо более открыт в культурном и научном отношении к постсоветскому и международному интеллектуальному пространству, чем более закрытый к окружающему миру и сильно деградировавший в научном отношении Туркменистан и даже Узбекистан, фактически закрывший государственные архивы и сделавший невозможными свободные полевые исследования для независимого научного исследования. До сих пор Россию и Таджикистан объединяют официальные и менее формальные культурные сети. При общей тенденции к вытеснению русского языка из общественной жизни бывших союзных республик региона, в первую очередь из сферы письменного административного, научного и общекультурного оборота следует отметить и сохраняющиеся между обоими государствами трансрегиональные культурные и научные сети, включая взаимное признание научных дипломов разного уровня и включение Таджикистана в общее диссертационное пространство российского ВАКа. Одновременно в 1990-е – 2020-е гг. таджикская (и постсоветская российская) ориенталистика все более вписывается в неформальное мировое транснациональное пространство. Свидетельством тому служат успешно реализованные международные научные проекты [Например: 23; 16]. Вместе с тем, еще более серьезно ощущается научно-культурная дезинтеграция, произошедшая за последние 30 лет, прошедшие с момента достижения Таджикистаном независимости.

По иронии судьбы советская академическая наука и подпитывавшая ее послевоенная высшая школа повторили печальную судьбу постколониальной науки и университетов бывших колониальных держав Западной Европы, что наиболее отчетливо прослеживается в культурно-научных отношениях Франции и Великобритании с их бывшими колониями с преобладающим мусульманским населением в Африке и на Ближнем Востоке [15]. И там, и на бывшем советском

пространстве в Центральной Азии и Закавказье произошел массовый отток переселенцев из бывших метрополий к себе на историческую родину, едва ли не бегство из этих регионов русскоязычной интеллигенции, научных работников и преподавателей, а также выпускников вузов, сопоставимые с передвижением англо- и франкоязычного населения из бывших британских и французских колоний на территорию Европейского сообщества. В Таджикистане одной из причин массовой эмиграции интеллектуальной элиты послужила более, чем семилетняя гражданская война 1990-х гг., пожалуй, не столь жестокая, как Алжирская революция (1954–1962), но не менее деструктивная в культурном отношении, чем она. Были здесь и свои особенности. Так, в отличие от классических европейских колоний типа британской Индии или Французского Алжира здесь за редкими исключениями не было известных теоретиков постколониализма. Если классики постколониального ревизионизма (Ф. Фанон, Э. Саид, М. Аллюла и др.) перебрались из стран Третьего мира в Первый, то постсоветские теоретики постколониальных исследований, включая, скажем, М.В. Тлостанову, уже родились в бывшей метрополии. Да и колонии в советской России исчезли после 1917 г. Кроме того, на (пост)советском пространстве деколонизация не сопровождалась деконструкцией академического востоковедения как колыбели международного колониального дискурса колониализма [2, 53–55].

Десоветизацию Центральной Азии и других регионов бывшего советского Востока не раз (и справедливо) сопоставляли с деколонизацией, находя в научном измерении этих длительных процессов нового времени немало параллелей [1, 10, 36–45; 22, 73–85]. Это длительный процесс, который явно берет начало не в 1991 г., но в гораздо более раннюю послевоенную эпоху и, похоже, продолжается до настоящего времени [18, 7–22]. Много хуже изучены ход и последствия, а также предпосылки дезинтеграции единого прежде академического научного пространства бывшей советской

Центральной Азии, связей ее с аналогичными процессами в Закавказье, значения для понимания меняющихся общественно-политических дискурсов своей национальной истории, ментальному картографированию и национальной политике в регионе и в России. Настоящая работа ставит целью отнюдь не закрытие этой серьезной лакуны, но лишь постановку вопроса и проработку его общей методологической базы с учетом наработок постколониальной ориенталистики. Особое внимание в статье уделено соотношению постколониального и советского культурного наследия, последующей десоветизации и дезинтеграции академического исламоведения, историей которого я занимаюсь в последние годы. Сам я специализируюсь не по Центральной Азии, но по Восточному Кавказу в сравнительной перспективе, с чем связано преобладание в работе материалов из известных мне регионов. Вместе с тем в этой работе использованы мои наработки по изучению исламского дискурса в позднем советском Таджикистане [19].

Сначала немного предыстории. Инкорпорацию молодого советского востоковедения в общероссийское (в то время, всесоюзное) русскоязычное научное гуманитарное пространство на территории Таджикистана следует начинать по крайней мере с 1940-х – 1950-х гг. К этому времени в столице республики Сталинабаде был содан национальный университет (1947), который быстро рос, чуть позже и Таджикский филиал АН СССР (1951). Формировались кадры национальной интеллигенции, представители которой стягивались в столицу республики из более крупных городов и культурных центров, где традиционно проживали таджики, но которые оказались за пределами Таджикистана, в первую очередь из Самарканда, где родился известный таджикский писатель, в прошлом мусульманский реформатор Садриддин Айни, один из академиков АН Таджикской ССР. Таджикская академическая ориенталистика и исламоведение сложились позднее чем в соседнем Узбекистане, где еще в первые послереволюционные

годы сформировался первый в регионе университет САГУ и Восточный факультет при нем, созданный с участием классиков российской ориенталистики В.В. Бартольда, А.А. Семенова и других. Из них Семенов, в прошлом военный востоковед, стал одним из создателей академического востоковедения в Таджикистане [9, 87, 92, 120–121; 7]. Многие студенты республики продолжали образование в вузах Москвы и Ленинграда. Для интеграции в общесоюзное ориенталистское пространство немаловажную роль сыграло трудоустройство в Душанбе, начиная с хрущевской «Оттепели», выпускников головного востоковедного текстологического вуза страны – Востфака ЛГУ.

Немалое влияние на формирование национальных, региональных и общесоюзных сетей академической ориенталистики, в том числе и исламоведения, оказало «открытие» для стран Третьего мира советской Средней Азии, начиная с периода хрущевской «Оттепели» и на протяжении всех последующих этапов «холодной войны», когда политическая и культурная конфронтация страны выстраивалась преимущественно с капиталистическим Западом. Страна по-прежнему оставалась закрытой для массовых выездов за рубеж ее граждан, но Ташкент, а за ним Сталинабад-Душанбе все чаще принимали с середины 1950-х и в особенности 1960-х гг. иностранные культурные и религиозные делегации. В связи с этим особое внимание придавалось реставрации и музеификации мусульманских культурных центров в отдельных городах, в том числе и на территории Таджикистана, куда возили зарубежные делегации [24, 26–27]. Еще в 1960-е гг. в Таджикском филиале АН ССР в Душанбе работали такие крупные востоковеды, как Б.А. Литвинский, Е.А. Давидович, еще молодой тогда С.М. Прозоров, другие крупные ученые мирового уровня. Тесные неформальные связи объединяли востоковедов Таджикистана с их коллегами в Институте востоковедения (ИВ) АН СССР в Москве и его отделении в Ленинграде. Немало таджикских аспирантов

учились у известного ираниста И.С. Брагинского, члена-корреспондента АН Таджикской ССР, специалиста по истории суфизма и литератур народов СССР Е.А. Бертельса, других ученых [12; 10]. Немаловажный вклад в их развитие внес крупный организатор советского востоковедения Б.Г. Гафуров, возглавлявший ИВ с 1956 до своей смерти в 1977 г. [8, 538–547].

Важным каналом формирования общего культурного востоковедного пространства служили ежегодные всесоюзные конференции востоковедов, в первую очередь «Бартольдские чтения», проводившиеся в ИВ в Москве, начиная с 1974 г. до распада СССР. Востоковеды из Таджикистана также принимали участие в ряде международных конгрессов по ориенталистике, наиболее крупный из которых на территории СССР состоялся еще в 1960 г. в Москве. Характерно, что при всей своей антиколониальной риторике советские востоковеды, включая директора всесоюзного Института востоковедения Гафурова разделяли основные базовые установки ориенталистского дискурса в его поздней советском варианте времен «холодной войны» [26, 3–6]. Не случайно на международном конгрессе востоковедов 1973 г. в Париже Гафуров попытался вернуться к анахроничному колониальному по сути пониманию глобальной ориенталистики, но не был поддержан западными востоковедами [27, 103–104]. Стремительная политизация ислама в мире после Исламской революции в Иране (1978) и советского вторжения в Афганистан (1979) способствовала резкому подъему научного статуса исламоведения в советской академической науке и советологии. В немалой степени созданию на этой основе всесоюзной сети исламоведов способствовал талантливый организатор науки, но при том совсем не исламовед и скорее журналист, чем академический ученый (подобно Гафурову), его преемник на посту директора ИВ Е.М. Примаков. Отдельные таджикские ученые приняли участие в общесоюзных совещаниях арабистов и исламоведов подготовке справочников «Ислам: словарь атеиста» [5], «Ислам: энциклопедический словарь» [6].

Реабилитация академического исламоведения (и формирование его политической конъюнктуры) при Примакове отмечают вместе с тем начало распада прежде единого культурного пространства и последующей дезинтеграции академической науки. Чрезмерное администрирование и бюрократизация академической науки (которые удачно сдерживал Гафуров, но не сумел нейтрализовать Примаков) не могли быть конструктивны. Характерно, что если «Ислам: словарь атеиста» подготовил общесоюзный коллектив из 51 автора из разных академических (и не только) учреждений Москвы (32 автора), Ленинграда (8 авторов), Казани, Ставрополя, Баку, Ташкента [5, 4], то появившийся через 3 года академический и исключительно ориенталистский по стилю словарь «Ислам» 1991 г. под редакцией тех же С.М. Прозорова и М.Б. Пиотровского писали 19 человек, в основном ленинградцы с участием 5 москвичей – историков Г.В. Милославского и Т.П. Милославской, юриста Л.Р. Сюкияйнена и философов А.В. Сагадеева и Т.К. Ибрагима [6, 314]. Москвичи под руководством милейшей Л.Р. Гордон-Полонской, которую я еще застал в Институте востоковедения, так и не смогли подготовить обещанный ими 2-й том словаря. Из-за этого издание справочника затянулось на год-полтора. В последующие годы с прекращением общесоюзного финансирования академической науки, превращения административных границ между союзными республиками в государственные и целой серией гражданских войн, в том числе в Таджикистане, устоявшиеся связи между востоковедами рушатся.

В 1990-е – 2010-е гг. сохранение и некоторое развитие общего научно-информационного пространства в форме совместных научных публикаций, в том числе в транснациональном виртуальном пространстве достигается благодаря подвижничеству отдельных энтузиастов из числа бывших советских и молодых западных исламоведов, из которых наиболее значимыми [3, 302–304] были проекты

французского ираниста С.А. Дюдуаньона из Парижа и уже упоминавшегося выше С.М. Прозорова из Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Последнему при полном отсутствии постоянного государственного и даже частного финансирования удалось осуществить между 1998 и 2018 г. в продолжение словаря 1991 г. «Ислам» проект многотомного справочника под названием «Ислам на территории бывшей Российской империи». Всего в Москве с участием не только исламоведов, как в издании 1991 г., но также этнографов, политологов, отдельных краеведов из разных городов и даже селений бывшего СССР вышло 5 выпусков энциклопедического словаря, которые составили в дополненном издании его 2 толстых тома [4, I–II]. Из 117 авторов словаря, представляющих разные страны, в том числе СНГ, есть 5 специалистов по Таджикистану, включая Дюдуаньона и его ученицу А. Зевако (что много больше упоминавшихся выше справочников). Дюдуаньон добился нескольких международных коллективных грантов, в частности при поддержке Фонда Фольксвагена, чтобы поддержать исследования таджикских коллег, опубликованные в целом ряде сборников и статей. Следует особо отметить целый ряд его коллективных авторских проектов, в том числе продолжающийся по аннотированной библиографии [20; 21].

В противоречивом XX в. и начале нового тысячелетия, когда академическая наука Таджикистана влилась в советское, а затем постсоветское российское и мировое востоковедение, было принято всячески принижать роль личности ученого в позитивистской традиции, чтобы не исказить общей объективной картины, которая вырисовывалась в результате. Я уважаю и внимательно изучаю эту научную традицию, но придерживаюсь иных (более современных) взглядов на роль субъективного научного знания в обществе и политике. В связи с этим в заключение этой работы я бы хотел отметить имеющиеся пробелы и проблем в той области, которой посвящена настоящая статья. По образованию и опыту научной работы я историк, и потому занимаюсь не несбыточными прогнозами на будущее, но тем, что

уже случилось в истории человеческого общества, пусть даже вчера или сегодня. К этой области относится и историография, которой посвящена настоящая статья. Я вижу в ней с российской, таджикской и иных международных сторон по крайней мере одну важную, и пока еще не решенную тему. Это никак не прописанное отношение к советскому и досоветскому колониальному прошлому Таджикистана. По общеизвестной максиме, как человеку, мне свойственно заблуждаться. Однако я пытался найти в современной востоковедной историографии Таджикистана ответ на мой вопрос о культурной роли в современности ее (возможно, даже колониального) и советского прошлого.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015.

2. Бобровников В.О. Ориентализм – не догма, а руководство к действию? О переводах и понимании книги Э.У. Саида в России // Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. – М.: Садра, 2016. С. 53–55.

3. Бустанов А. Рец. на кН. Антропологический форум. Stephane A. Dudoignon, Christian Noack (eds.). Allah's Kolkhozes: Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s – 2000s). В.: Klaus Schwartz Verlag, 2014. 541 p. // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 301–305.

4. Ислам на территории бывшей Российской империи / Под ред. С.М. Прозорова. Т. I–II. М.: Восточная литература, 2006.

5. Ислам: словарь атеиста / Под общей ред. М.Б. Пиотровского и С.М. Прозорова. М.: Изд-во политической литературы, 1988.

6. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991.

7. Литвинский Б.А. Академик Бободжан Гафурович Гафуров: К 100-летию со дня рождения // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 538–547.

8. Литвинский Б.А., Акрамов Н.М. Александр Александрович Семёнов: научно-биографический очерк. М.: Наука, 1971.
9. Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции // Становление советского востоковедения. М.: Наука, 1983. С. 85–130.
10. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Издание подгот. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
11. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЕН, 2011.
12. Милибанд С.Д. Востоковеды России. XX – начало XXI в. Библиографический словарь. В 2-х т. М.: Восточная литература, 2008.
13. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Отв. ред. О. Леонтьева. Сост. А. Миллер, П.П. Верт, П. Кабытов: Новое издательство, 2005.
14. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013.
15. Abi-Mershed O.W. Apostles of Modernity. Saint-Simonians and the Civilizing Mission in Algeria. Stanford: Stanford University Press, 2010.
16. Allah's kolkhozes: Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s–2000s) / Ed. by S.A. Dudoignon and C. Noack. Berlin: Klaus Schwartz Verlag, 2014.
17. Bennigsen A. and Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. Oxon, N. Y.: Routledge, 2011.
18. Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian societies, 1930s-1970s / Ed. by E. Bogaerts and R. Raben. Leiden: Brill, 2012.
19. Bobrovnikov V., Kalinovsky A.M. Fazliddin Muhammadiev's Journey to the "Other World": The History of a Cold War Hajjnāma // Die Welt des Islams. 2021. Vol. 61 (в печати).

20. Central European Reader. A Biennial Journal of Critical Bibliography and Epistemology of Central Eurasian Studies / Ed. by S.A. Dudoignon. In 2 vol. B.; P.: Klaus Schwarz Verlag, 2008, 2011.

21. Central European Reader. Biennial journal of selective and critical bibliography on humanities and social sciences literature with respect to the Central Eurasian region // Wikistan at <https://wikistan.ehess.fr/central-urasian-reader/>

22. Gammer M. Central Asia and Russia; Francophone Africa and France: Parallels and Differences // The Caspian Region. Vol. 1. A Re-Emerging Region / Ed. by M. Gammer. L.; N. Y.: Routledge, 2004. P. 73–103.

23. Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States / Ed. by M. Kemper, R. Motika, and S. Reichmuth. L.; N. Y.: Routledge, 2010.

24. Kalinovsky A.M. Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan. N. Y.: Cornell University Press, 2018.

25. Kirasirova M. “Sons of of Muslims” in Moscow: Soviet Central Asian Mediators to the Foreign East, 1955–1962 // *Ab imperio*. 2011. No. 4. P. 106–131.

26. Kemper M., Kalinovsky A.M. Introduction: Interlocking Orientologies in the Cold War Era // *Reassessing Orientalism. Interlocking Orientologies during the Cold War* / Ed. by M. Kemper and Kalinovsky A.M. L.; N. Y.: Routledge, 2015. P. 1–15.

27. Lewis B. *Islam and the West*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993.

28. Marchand S.L. *German Orientalism at the Age of Empire. Religion, Race, and Scholarship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

29. Said E.W. *Orientalism*. L.; N. Y.: Penguin Books, 2003.

ОБЩЕПЛАНЕТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ НЕЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ

Нарзулла ЖУРАЕВ, доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедры «Социальных наук»
Узбекского государственного университета мировых языков

Выступление Президента Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций показало, что во внутренней и внешней политике Узбекистана, все больше набирающего силу вместе с повышением политической и экономической мощи, начался совершенно новый этап. Узбекистан продемонстрировал, что имеет свою твердую позицию и свое четкое заключение в решении общепланетарных вопросов, нахождении путей решения глобальных проблем мира и безопасности, повороте развития человечества к лучшему. Мировое сообщество признает, что наша страна принимает активное участие в решении острых проблем современного мира, а также межгосударственных, межрегиональных и общемировых вопросов[1, 3-4].

Речь главы нашего государства на высшей трибуне мира привлекла внимание участников сессии своей многогранностью, поднятием серьезных вопросов и размышлением вокруг чрезвычайно острых проблем, волнующих мировое сообщество. В ней были подробно раскрыты направления развития Узбекистана в совершенно новых исторических условиях и на далекую перспективу, суть осуществляемых в стране реформ.

1. Принцип «Интересы человека превыше всего». Проанализирован комплекс мер, реализуемых в сфере дальнейшего развития гражданского общества в стране, повышения уровня жизни людей, гарантирования их прав. Отмечены новые подходы в дальнейшем углублении построения открытого гражданского общества, в укреплении связей граждан с органами управления. Проинформировано, что организация Народных приемных и создание широких

возможностей для решения насущных проблем граждан — это стратегическая цель современного управления. Подчеркивалось, что рост доверия в здоровую и надежную духовную среду в обществе, веры в завтрашнюю счастливую жизнь следует оценивать как положительное явление.

2. Стратегия развития и ускоренного прогресса Узбекистана появилась на свет как программа уверенных и эффективных действий к великому будущему. Отраженные в ней пять направлений охватили все грани общественной жизни и на их основе разработана конкретная концепция развития, что служит фундаментом для великой мощи Узбекистана в будущем. Именно эта Стратегия действий расширяет возможности новой, широкомасштабной и очень действенной созидательной работы и во внутренней жизни страны, и во внешней политике государства [2, 2-5]. Участники сессии высоко оценили этот исторический документ, который станет основой для развития Узбекистана на ближайшие пять лет и последующие несколько десятилетий.

3. Чем богаче люди — тем сильнее государство. Эта жизненная истина взята за основу прогресса Узбекистана. Ибо, согласно Конституции Республики Узбекистан, народ является единственным источником государственной власти. Интеллектуальный потенциал народа, высокий уровень его общественной жизни, политическая активность и активное участие в процессе реформ являются могуществом государства. Есть и вторая сторона вопроса. Если в обществе развивается предпринимательство, если каждый гражданин будет проявлять свои созидательные способности, тогда и государство будет укрепляться в политическом и экономическом отношениях. Средний слой населения получит возможности сам удовлетворять свои социальные, экономические, правовые и политические потребности, а это поднимет развитие страны на новый уровень. Еще более углубится суть ценности открытого общества.

4. Свободная конвертация национальной валюты становится важным фактором развития предпринимательства. Это можно назвать своеобразным проявлением поддержки каждого гражданина, малого и среднего бизнеса. Наряду с этим укрепляется финансовая дисциплина, культура финансовой политики в обществе. У граждан сформируется навык обмена валюты в рамках закона. Устранятся правонарушения в данной сфере. Также повысится ценность национальной валюты, будет достигнут новый этап благополучия народа.

5. Расширение сотрудничества с международными финансовыми институтами является основой экономического развития любого государства. В начале нового периода прогресса Узбекистан выходит с инициативой дальнейшего углубления партнерских связей с международными финансовыми институтами, их поднятия на новый уровень. Всем ясно, что сотрудничество международных финансовых учреждений с Узбекистаном, где полностью гарантированы мир и стабильность, где имеются огромный производственный потенциал, бесценные подземные и наземные богатства, выгодно для обеих сторон. Узбекистан обладает богатой сырьевой базой, полезными ископаемыми в огромных количествах. Самое важное, его великодушный народ с высоким интеллектуальным потенциалом и созидательной мощью, способен творить добро, строить образ жизни, соответствующий общечеловеческим интересам во имя счастливого будущего.

6. Углубляются добрососедские отношения со странами Центральноазиатского региона. История предрекла нам жить в одном регионе. В течение многих тысячелетий народы этого региона не только стали родными, у них одна судьба[3, 5]. Народы региона считаются единым народом, у которого схожи обычаи и традиции, образ жизни, почитаемые ценности. Любые границы определяют независимость государства и показывают его суверенитет. Однако в душах братских народов царят доброта, тесные связи и желание быть рядом в минуты радости

и горести. А эти черты не знают границ. Налаженные лидером Узбекистана добрососедские отношения с Казахстаном, Туркменистаном, Киргизией и Таджикистаном наряду с обеспечением мира и стабильности в регионе, также дадут положительные результаты в социально-экономических и духовно-психологических вопросах. Поднятие этой темы на трибуне сессии было оценено как самый гуманистический и эффективный путь решения региональных проблем.

7. Проблемы воды, мира и безопасности, являясь важным фактором прогресса, также становятся причиной актуальных проблем в разных частях света. В частности, Центральная Азия — родина близких и братских народов, которые испокон веков пьют воду из одного источника. Сырдарья и Амударья являются бесценным богатством народов региона. Эти великие реки в течение многих тысячелетий служили основой для исторического и эволюционного развития народов. Население этой священной земли, дважды ставшие свидетелями великого цивилизационного события — периода Ренессанса, благодаря открытиям наших знаменитых предков получило статус народа, внесшего культуру в жизнь человечества.

Экологические проблемы современности, связанные с Аральским морем, касаются не только одного Узбекистана. Сегодня они превратились в проблему всего региона, точнее, всего мира. Наносят большой вред экономическому и социальному развитию ряда государств. С высохшего дна Арала ежегодно поднимается в атмосферу по несколько сотен тысяч тонн соли и песка, оказывая негативное воздействие на жизнь людей и посевные площади на тысячах километрах. Это приводит к резкому ухудшению атмосферы, нарушению воздушного слоя. Проблема и раньше рассматривалась на уровне ООН. Но руководитель Узбекистана поднял Аральскую проблему как общепланетарную экологическую боль и обратил внимание мирового сообщества на необходимость преодоления последствий высыхания моря общими усилиями.

8. Разработка Международной конвенции ООН о правах молодежи является требованием времени. Она станет историческим документом с большим политическим, правовым, общественным и духовным значением, определяющим судьбу всего человечества в XXI веке. В нынешних условиях, когда усиливающийся международный терроризм и экстремизм представляют серьезную опасность для жизни человечества, принятие такого документа имеет важное значение. Ведь до сегодняшнего дня имеется ряд конвенций ООН, касающихся детей, матерей, пожилых людей, инвалидов. Но нет Международной конвенции ООН о правах молодежи. Хотя основную часть террористов, всколыхнувших весь мир, сеющих ужас человеческой душе, уничтожающих великие открытия и удивительные успехи, достигнутые человечеством в течение многих веков, составляет молодежь с 20 до 30 лет.

В таких условиях возрастает потребность в международном правовом документе, который регулировал бы действия, взаимоотношения молодых людей, не имеющей жизненного опыта и четкой жизненной позиции, который направлял бы их, предающихся больше чувствам, чем мыслям. Руководитель Узбекистана рассматривает этот вопрос как актуальную потребность, связанную с далекой перспективой и судьбой человечества. Действительно, если сегодня в мире насчитывающее 2 миллиарда молодых людей, то должен быть международный акт, гарантирующий их права. Такой взгляд был горячо одобрен участниками 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

9. Религиозная толерантность, просвещение против невежества — важный фактор прогресса человечества. На этой земле, где существуют десятки мировых религий с различными формами поклонения, большое значение в том, чтобы люди понимали друг друга, берегли и уважали друг друга, посредством чего усиливали инстинкт само сбережения, имеет религия. Человечество признает, что Аллах един. Но для людей с различными убеждениями путь сближения с Аллахом также

различен. Каждый стремится к Создателю в рамках своих убеждений. Ущемление или отрицание друг друга в данном направлении считается неправильным и в религиозном учении, и в светских взглядах. Чтобы осознать это, от человека требуется иметь большую просвещенность, религиозные знания и широкое мышление. Руководитель нашего государства подчеркивает, что в Узбекистане, где проживают представители более 130 наций и народностей, действуют около 20 религиозных конфессий и где люди придерживаются различных вероисповеданий, основой развития общества служат именно религиозная толерантность и обстановка взаимопонимания[4, 105-106]. Организация по инициативе Ш. Мирзиёева Международного исследовательского Центра имени Имама Бухари в Самарканде и Центра исламской цивилизации в Ташкенте считается очень большим положительным событием в этой сфере. Ведь против невежества, против умственной и эмоциональной ограниченности можно бороться только знаниями и мышлением, высокой просвещенностью.

10. На нынешнем этапе развития человечества важным условием обеспечения глобальной безопасности является стабилизация обстановки в Афганистане.

Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев в Стратегии действий особое внимание уделяет последовательной внешней политике нашего государства. В частности, выдвигает идеи находить пути решения региональных проблем, укреплять атмосферу взаимного уважения и доверия, объединиться вокруг общечеловеческих интересов, нацеленных на далекую перспективу. Внешняя политика каждого государства неизбежно строится на основе его национальных и общечеловеческих интересов. С этой точки Узбекистан, базируясь на свои древние традиции государственности, выступил сторонником решения любых проблем путем переговоров, через диалог, свободный от эмоций и пронизанный умом и мудростью. Он опирается на такую традиционную ценность, как приоритет справедливости и общенациональных

интересов в политике. Это урок школы узбекской национальной государственности, имеющей историю в несколько тысячелетий. Он стал ценностью. Сахибкиран Амир Темур основой своей внутренней и внешней политики выбрал принцип: «Сила – в справедливости».

Масштаб вопросов, поднятых Президентом Шавкатом Мирзиёевым на высокой трибуне, был значительно больше и шире по сравнению с выделенным временем. Проблемы общепланетарного значения, касающиеся судьбы человечества в XXI веке, были проанализированы по всей сущности. В выступлении наш Президент особо остановился на вопросе об Афганистане как очень актуальной проблеме. Четко отразил чрезвычайную реальность и жизненность этой проблемы. Раскрыл политические, теоретические и практические основы ее решения. Отметил, что «Не должна ослабевать наша общая решимость содействовать миру в этой многострадальной стране».

Детям, которым 40 лет назад было 10 лет, ныне исполнилось 50. А ребенок, родившийся в 70-е годы прошлого года, когда в этом крае началась война, достиг 40-летнего возраста. Он слышал только выстрелы, видел только кровь и смерть. В этом процессе душа ребенка затвердела, превратилась в камень. Его в свои сети прибрали зло, подлость и невежество. У него нет ни желания учиться и действовать по уму, ни стремления к будущему, ни доброты и любви к окружающим. Он — просто существо, безучастное и равнодушное к жизни, не видящее ее смысла. Такой умственный и духовно-психологический дисбаланс помешал людям осознать себя, стремиться к зрелости и совершенству. В результате этого веру в будущее потеряло все общество. Толпа, не имеющая четкой цели, погрузилась в бессмысленное существование.

С точки зрения сегодняшних цивилизационных критериев, показателей уровня жизни человека Афганистан считается одной из самых бедных стран мира. Объем выпуска

внутреннего валового продукта на душу населения составляет 900 долларов. Другими словами, афганский народ по уровню жизни занимает 218-е место в мире. Конечно, такая беднота объясняется и объективной реальностью, связанной с природно-географическими условиями. Ведь основную часть территории Афганистана составляют высокие горы, где погода холодная, а почва непригодна для земледелия. Орошаемые площади имеют различный рельеф, из-за чего крайне низок степень использования воды.

Афганистан — страна, где наблюдалось очень большое историческое и культурное развитие. Там имелись древние рынки, соединяющие Восток с Западом. Это место считалось одной из самых оживленных и выгодных частей Великого шелкового пути. Однако, постигшая страну судьба и столкновение тут глобальных интересов нанесли сильный удар по развитию афганского народа в последние почти полвека. Она оказалась под угрозой кризиса. Дефицит социальных факторов привел к усилению внутренних конфликтов и даже, все больше запутываясь, стал трудноразрешимой проблемой. Здесь, конечно, не обошлось и без влияния внешних сил.

Афганистан, находящийся на важном с геополитической точки зрения месте, превратился в основной очаг столкновения интересов Востока и Запада, которые издавна были конкурентами. Он стал жертвой таких политических интриг, как шовинизм великой государственности, вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Во-вторых, это можно назвать печальным результатом присущих жителям страны пороков — местничества, национализма, расовой дискриминации. Ибо представители национальности «пушту», которая считается основой афганского этноса, составляют 40 процентов населения страны. 9 процентов составляют хазари, 9 процентов — узбеки, 27 — таджики. Вместе с ними проживают представители еще нескольких наций и народностей. Но у них не хватает чувства единой Родины, единого дома. Нет такой черты, как объединиться вокруг общих интересов, чтобы

умственный потенциал служил прогрессу, чтобы действовать по уму, обуздав эмоции. Такая общечеловеческая ценность, как межнациональное согласие и великодушие, потеряла свою сущность. В результате такая крайне сложная ситуация, при которой усилились взаимные распри, вывела из колеи развитие страны.

Афганистан и сегодня сохраняет широкие геополитические, экономические и культурные возможности в мировом сообществе. Так, выполняя роль международного транзита в экономическом сотрудничестве, он является важной опорой, соединяющей бывшее советское пространство с огромной территорией до Китая и Индийского океана. Многие зарубежные государства отмечают, что заинтересованы в реализации крупных проектов в Афганистане. Например, прокладка газопровода Туркменистан — Армения — Пакистан — Индия считается одним из крупных проектов современности. С его реализацией появится самая эффективная трасса по экспорту природного газа. Она будет значительно малозатратной и выгодной по сравнению с нынешней трассой, рассчитанной на перевозку туркменского газа, которая проходит через территории России и Китая. С учетом этих возможностей глава нашего государства отметил, что «Узбекистан вносит и далее будет вносить посильный вклад в экономическое восстановление Афганистана, развитие его транспортной и энергетической инфраструктуры, подготовку национальных кадров».

Кроме того, строительство в Афганистане железной дороги, соединяющей страны Центральной Азии с Пакистаном, а также электроэнергетической сети с высокой мощностью является проектом, определяющим перспективное развитие данной территории. В то же время строящаяся Узбекистаном железная дорога соединится с сооружением, реализуемым на основе иранского проекта, и будет возрожден величественный современный Шелковый путь до Герата. Все эти инициативы основываются на четких расчетах и результатах.

Афганистан не ограничивается только перевозкой природных ресурсов. У него есть и большие производственные возможности. В стране имеются большие залежи нефти и газа. По статистическим данным, здесь найдены запасы 40 миллионов тонн нефти и 137 миллиардов кубометров газа. Кроме того, в Афганистане есть месторождения меди, драгоценных металлов, урана. Другими словами, в этой стране встречаются все элементы таблицы Менделеева. К сожалению, сдаче в эксплуатацию таких огромных природных богатств, наземных и подземных источников мешает то, что из-за вооруженных столкновений здесь не гарантирована безопасность. В стране очень высок уровень безработицы. 35 процентов населения не занимается полезным трудом. Нехватка чистой питьевой воды, топливно-энергетический дефицит, неудовлетворенное состояние в системе образования и здравоохранения — все это углубляет экономический, социальный и духовно-психологический спад в обществе.

Плачевная обстановка не изменилась и после выхода советских солдат из страны. Возник ряд новых проблем, обусловленных национальным менталитетом и существующим положением. В частности, объединение антисоветских сил и их бессмысленная, безрезультатная борьба ввели людей в заблуждение. В стране сложилась нестабильная обстановка. Также углубились серьезные проблемы, связанные с ростом преступности. В то же время обостряются интересы Китая и Ирана с Афганистаном. Горный Бадахшан стал удобным местом, прикрывающим террористические группировки уйгурских сепаратистов. А Герат превратился в плацдарм иранских военных. Ныне высказываются и мнения о том, что в таких негативных случаях есть влияние также внешних сил.

Своеобразной проблемой становятся и отношения между Афганистаном и Пакистаном. Представители национальности пушту проживают отдельно, по обеим сторонам границы обоих государств. Из-за территориальных несогласий, под воздействием внешних сил один народ поделен на два и

установлена прочная граница между ними. И это до сих пор порождает огромные проблемы. Территории пушту на двух сторонах границы стали местом расположения группировок исламского радикализма. Они в любое время переходят из одной страны в другую под видом того, что хотят навестить родственников. Это еще более усложняет ситуацию. Представляет опасность и для Афганистана, и для Пакистана.

Ситуация в современном Афганистане неблагоприятная. И это тревожит весь мир. В частности, Узбекистан в качестве близкого соседа заинтересован в том, чтобы в стране был прочным мир и стабильность. В настоящее время здесь происходят террористические действия, война, вооруженные конфликты и взрывы. Официальная власть старается обеспечить территориальную целостность во всей стране и установить действенный контроль, а оппозиционные силы идут по пути дестабилизации ситуации, нарушения процесса развития общества.

Национальная армия Афганистана и противодействующие ей силы вооружены на высоком уровне, обеспечены современной военной авиацией и бронетехникой. Они имеют технические и финансовые возможности, достаточные для реализации своих целей. Существование этих двух противоборствующих сторон дает сильный удар по мирной жизни населения и его спокойному образу жизни.

Сложная социально-экономическая обстановка в Афганистане — это проблема не только самого Афганистана. Там продолжаются террористические акты, не прекращается кровопролитие, совершаются действия радикальных сил, противоречащие исламской религии и человечности. Эти события сегодня волнуют весь мир. А Узбекистан, как близкий сосед, глубоко осознает суть афганской трагедии и своевременно дает соответствующую оценку.

Узбекско-афганское сотрудничество имеет далекую историю. Свидетелем этого являются сходство наших древних культур и образа жизни, добрососедские отношения, наличие

схожих традиций и обычаев, общие религиозные убеждения. Историческая судьба разделяет нас определенными границами. Хотя оба наших государства признают суверенитет и независимый путь развития друг друга и уважают их, сама жизнь показывает, что мы равнодушны друг к другу, заинтересованы в успехах друг друга. Президент Ш. Мирзиёев неоднократно это подчеркивает. Так, в выступлении на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН сказал: Афганистан должен оставаться в центре глобальной повестки. Усилия международного сообщества, в первую очередь, должны быть направлены на решение острых социально-экономических проблем Афганистана.

У нашего народа есть выразительные поговорки: «Соседей не выбирают, их посылает Аллах» или «Сосед спокоен — спокоен и ты». Эта жизненная истина доказана веками. А сегодня приобретает еще большую актуальность.

С точки зрения требований современной цивилизации внешнеполитическая деятельность Узбекистана основывается на принципах миролюбия, развития дружеских отношений с соседними государствами. Этот вопрос занимает важное место в политических взглядах главы нашего государства. Позиция по этому вопросу отдельно отражена в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах.

Нестабильная обстановка, вооруженные столкновения и кровопролития в Афганистане представляют большую угрозу для всего региона. В свою очередь это приводит к усилению различных террористических движений, повышению влияния исламского радикализма и в каком-то смысле превращению его в опору международного терроризма. Ведь в условиях, когда по всему миру существует более 500 международных террористических организаций, события в Афганистане могут стать для них уроком и даже способствовать превращению Афганистана в экспериментальную площадку для них. Таким образом:

Во-первых, вооруженные столкновения, разногласия между талибами и официальной властью в Афганистане ставят под угрозу будущее всего человечества, его судьбу в XXI веке. Можно сказать, уничтожит исторический прогресс.

Во-вторых, почти полувековая история афганского народа становится историей жертв, кровопролития, разрушений. Народ устал от такой тяжелой, страшной жизни. А официальная власть упустила из рук бразды правления, неспособна обеспечивать в обществе мир и стабильность. Установления здесь социальной справедливости ждет все человечество.

Принимая во внимание такие чрезвычайно сложные политические, экономические и социальные противоречия в Афганистане, Президент Ш. Мирзиёев отметил: Мы убеждены, что единственный путь к миру в Афганистане – это прямой диалог, без предварительных условий, между центральным правительством и основными внутривнутриполитическими силами. Переговоры должны проходить при главенствующей роли самих афганцев, на территории Афганистана и под эгидой ООН. Мудрый афганский народ вправе самостоятельно определять свою судьбу[5, 6].

В-третьих, в результате многолетней войны серьезно нарушился генофонд нации. Произошло событие геноцида. Вырастает толпа бездушных людей, которые далеки от добра, не имеют чувства любви к окружающим, из-за невежества потеряли способность осознавать суть жизни. В таких условиях требуется внедрять принципы «мысль против мысли, идея против идеи, просвещение против невежества», пробуждать у людей духовно-психологическую силу, чтобы могли понять себя как высшую ценность. Выполнение этих задач возможно при практической поддержке и проявлении гуманного отношения со стороны не только официальной власти Афганистана, но и авторитетных международных организаций, крупных государств и общественных объединений.

Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации

Объединенных Наций всей своей политической и исторической сущностью призывает показать пример такого гуманизма в вопросах афганской трагедии. Проблема Афганистана рассматривается не просто внутренней проблемой этой страны, а большой региональной и общепланетарной проблемой, касающейся судьбы и перспектив развития всего человечества.

Литература:

1. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. <https://uza.uz/ru/posts/prezident-uzbekistana-shavkat-mirziyeev-vystupil-na-72-y-ses-20-09-2017>

2. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 6.

3. Жураев С. Новый этап региональной политики Узбекистана. International journal of “Consensus” №4/2020.

4. Ҳаракатлар стратегияси билан уч йил. –Т., Стратегия Маркази, 2020.

5. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на международной конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие». <https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-27-03-2018>

МЕТАГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН И РЕГИОНОВ

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Цивилизационная идентичность и метагеография. Введение в проблему

Географические образы и цивилизационная идентичность – взаимосвязанные явления. Феномен формирования и развития географических образов, так или иначе, связан с цивилизацией и культурой, в рамках которых он может быть обнаружен и осмыслен¹. С другой стороны, определенные цивилизации и культуры как бы создают "заказ" на конкретные географические образы, отображающие и также выражающие цивилизационную и культурную идентичности². Я полагаю, что любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы – неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности. Другое дело, что сам "носитель" цивилизационной идентичности может не замечать

¹ Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; Он же. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004; Он же. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004; Он же. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

² Замятин Д.Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213—256.

этого. Исследователь, заинтересованный в комплексном изучении цивилизационной идентичности, должен, на мой взгляд, рассматривать и соответствующие географические образы, обнаруживаемые, прежде всего, в различного рода репрезентативных текстах, характеризующих конкретные цивилизацию и цивилизационную идентичность.

Следует учесть, что географические образы представляют собой, как правило, автономное целое, систему, которую можно исследовать, временно дистанцируясь от остальных частей и элементов цивилизационной идентичности. В то же время, некоторые географические образы могут достаточно полно, наиболее развёрнуто характеризовать цивилизационную идентичность в её основных проявлениях, быть, по сути, её ментальным ядром. Это относится чаще всего к молодым цивилизациям в периоды их активного становления, причем важно отметить, что такие периоды могут совпадать с быстрым культурным и экономическим освоением обширных пространств, попадающих в зону влияния растущих цивилизаций. Наиболее яркие примеры здесь – североамериканская, латиноамериканская и российская цивилизации¹.

¹ Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1998. С. 190-194; Она же. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5—20; Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998; Сармьенто Д.Ф. Варварство – цивилизация. Избранные сочинения. М.: Наследие, 1995; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.) В 2-х тт. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 51—53; Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1999. № 1. С. 18—42; Яковенко И.Г. Русское пространство // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 283—298; Ayers E.L., Limerick P.N., Nissenbaum St., Onuf P.S. All Over the Map.

Пример российской цивилизации. Российская цивилизация, несмотря на ряд очевидных типологических сходств с североамериканской и латиноамериканской цивилизациями в становлении цивилизационной идентичности и роли в ней географических образов, имеет, тем не менее, свои особенности в рамках заявленной темы. В отличие от них, российская цивилизация, несмотря на многочисленные культурные заимствования у византийской и европейской цивилизаций, является автохтонной. Кроме того, историческое время её самостоятельного существования и развития намного превосходит соответствующие показатели североамериканской и латиноамериканской цивилизаций. Наконец, что наиболее важно, пространства, оказавшиеся в зоне влияния российской цивилизации, входили большую часть рассматриваемого исторического времени в состав российского государства, будь то Московское царство, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Территории, не входящие в настоящее время в состав Российской Федерации, но входившие ранее в состав российских государственных образований, в значительной мере осмыслены и культурно освоены именно российской цивилизацией¹. Такая подавляющая моногосударственность в рамках одной цивилизации, причем государственность, распространившаяся на величайший в мире массив континентальной суши, безусловно, уникальна.

В отличие от китайской цивилизации, также являющейся фактически моногосударственной, российская цивилизация сравнительно поздно стала обретать маркеры и символы собственной идентичности². Эту ситуацию можно увязывать в

Rethinking American Regions. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

¹ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1999.

² Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102—116; Гройс. Б. Поиск русской национальной идентичности // Там же. 1992. № 1. С. 52—60; Он же. Россия как подсознание Запада (1989) // Он же. Искусство утопии. М.: Художественный журнал, 2003.

феноменологическом плане с длительным экстенсивным периодом территориального расширения российского государства, в ходе которого требовались в основном лишь политические образы и символы, как бы застолблявшие новые территории. Цивилизационная идентичность населения многих вновь присоединенных или завоёванных территорий долгое время могла оставаться неопределённой, переходной или даже совсем иной, как в случае Прибалтики, Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии¹.

Сравнительно поздний поиск Россией своих цивилизационных маркеров привел к тому, что физико-географические параметры её государственной территории (почти небывалая в истории величина территории, гигантское климатическое и природное разнообразие) непосредственно, напрямую стали рассматриваться как возможные элементы цивилизационной идентичности. По всей видимости, это была очевидная образная экономия – такой подход не требовал поначалу очень серьёзных интеллектуальных и культурных усилий. Кроме того, иностранцы, в основном европейцы, уже успели оценить в своих путевых записках и трудах о России её беспрецедентные пространственные размеры, заложив тем самым первоначальную культурную традицию феноменологии российских пространств².

С. 150—168; Щукин В.Г. Культурный мир русского западника // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 74—87; Мильдон В.И. "Земля" и "Небо" исторического сознания // Там же. С. 87—100; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001.

¹ Яковенко И.Г. Указ. соч.

² См.: Пространства России: Хрестоматия по географии России. Образ страны / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: МИРОС, 1994; Подорога В. Простираие, или География "русской души" // Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; Под общ. ред. Д.Н. Замятина; Предисл. Л.В. Смирнягина; Послесл. В.А. Подороги. М.: МИРОС, 1994. С. 131—136; Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003;

В данном случае я попытаюсь применить метагеографический подход, для которого характерно сочетание феноменологических, культурологических и гуманитарно-географических способов анализа текстов и различного рода представлений, выраженных чаще всего теми или иными текстами¹. Содержательное ядро метагеографического подхода – это выявление, реконструкция метагеографического поля или метагеографического пространства, в котором могут достаточно свободно соединяться и взаимодействовать различные географические образы. В отличие от традиционной географии, такое пространство не репрезентируется маркерами, символами и образами повседневности или действительности, понимаемой физически или физиологически. Налицо очевидное сходство с метафизикой, но метагеография, в отличие от неё, оперирует ментальными образованиями – географическими образами – заранее дистанцируясь от каких-либо возможных интерпретаций и спекуляций, связанных с восприятием и воображением конкретных пространств, мест и территорий. Иначе говоря, метагеографические пространства и карты, имеющие номинальное отношение к конкретным пространствам, можно представлять, рисовать, описывать, но это не значит, что метагеографический анализ и его результаты могут быть прямо экстраполированы в область традиционных представлений географических или культурно-географических пространств. Такой взгляд на метагеографию позволяет вполне эффективно вычленять интересующие исследователя ментальные пласты цивилизационной идентичности, опирающиеся на образно-географические представления и воззрения.

Ахиезер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). Пространство России. С. 72—87; Смирнягин Л.В. Культура русского пространства // Космополис. № 2. Зима 2002/2003. С. 50—59.

¹ См.: Замятин Д.Н. Метагеография. М.: Аграф, 2004.

Метагеография культуры: образно-цивилизационная стратегия модернизации

Метагеографический анализ может быть непосредственно связан с проблематикой модернизации, до сих пор актуальной для многих т.н. "незападных" цивилизаций. Проблема модернизации в методологическом отношении не может быть разделена на политический, экономический, социальный, культурный и т.п. аспекты. Она является целостной, комплексной постольку, поскольку сам концепт содержит мощную отсылку к становящемуся, развивающемуся, догоняющему времени. Таких времён может быть много – фактически столько же, сколько существует человеческих сообществ и цивилизаций, в которых развиваются рефлексивные процессы воспроизводства, освоения, присвоения, осознания, воображения времени и его составляющих. Однако процессы модернизации невозможно осмыслить полноценно, не выходя на проблематику пространственного воображения и пространственной рефлексии. Собственные, аутентичные времена и пространства цивилизаций – краеугольные камни их саморефлексии; именно это определяет их жизнеспособность и перспективы развития.

Локальные цивилизации по ходу своих периодических модернизаций и *спациализаций* (т.е. процессов осмысления и воображения собственной территории) должны разрабатывать всё новые и новые образы времени и пространства, соответствующие как внутренним, так и внешним вызовам (политическим, социальным, культурным и т.д.). Вследствие этого, всякая цивилизация оказывается источником «излучения», иррадиации слабых или сильных оригинальных пространственно-временных образов, знаков и символов, благодаря которому она может либо расширять зоны своего цивилизационного влияния, либо, балансируя, постепенно утрачивать свои традиционные территории. Мы можем практически говорить о *цивилизациях-образах*, создающих в

эпоху глобализации неустойчивое, изменчивое, «плывущее» ментальное поле, где происходят взаимодействие, симбиоз, столкновения и конфликты различных цивилизационных представлений.

Итак, под *метагеографией* я понимаю ментальную деятельность на стыке науки, искусства и философии, в рамках которой выявляются, создаются и репрезентируются наиболее важные пространственные (географические) образы, присущие той или иной локальной цивилизации. Культура, воспринимаемая в трактовке о. Павла Флоренского как преимущественно деятельность по осмыслению и освоению пространства, оказывается непосредственным онтологическим основанием развития любой метагеографии. Таким образом, *метагеография культуры* – это сфера проектного стратегического мышления, в которой выявленные, созданные и репрезентированные образно-географические комплексы, принадлежащие конкретной цивилизации, трансформируются в последовательные прикладные стратегии на общественном, государственном и региональном уровнях.

Образно-цивилизационная стратегия модернизации предполагает содержательное и институциональное формирование метагеографии культуры в отношении определённой цивилизации, на базе которой возможна дальнейшая разработка отдельных специализированных стратегий в сферах образования, науки, культурных институтов, культурных и политических идеологий долговременного (метафизического) действия, проявляющихся в создании целенаправленных аутентичных и «конкурентных» на фоне других цивилизаций образов, знаков и символов.

Геокультура и проблемы межцивилизационной адаптации

Геокультура – настолько мощное и емкое понятие, что даже его предварительный анализ требует введения нескольких

понятий и их достаточно четких определений¹. При этом в первом приближении, удобнее говорить именно об *образе* геокультуры.

Дадим определения основных понятий, необходимые для дальнейшего анализа.

Образ – это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности. Образ в широком смысле выявляет «рельеф» культуры, являясь одновременно культурой в ее высших проявлениях. Образ – часть реальности; он может меняться вместе с ней. В то же время образ – фактор изменения, динамики реальности.

Геокультура – процесс и результаты развития *географических образов*² в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления

¹ Впервые это понятие в современных социальных науках стало активно использоваться И. Валлерстайном, см.: *Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge, 1991; Idem. After Liberalism. New York, 1995.* Понятие геокультуры у Валлерстайна тесно связано с его концепцией мир-системного анализа, и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Далее я рассматриваю геокультуру и геокультурные пространства как достаточно автономные понятия.

² О концепции географических образов см.: *Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999;* также: он же. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // *Политические исследования. 1998. № 6. С. 80-92;* он же. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // *Регионология. 1999. № 1. С. 163-173;* он же. Географические образы регионов и политическая культура общества // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М. 1999. С. 116-125;* он же. Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // *Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82-90;* он же. Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107-115;* он же. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // *Политические исследования. 2000. № 1. С. 78-81 и др.*

этих образов. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии *геокультурных (культурно-географических) образов*, интерпретирующих локальные *геокультурные пространства*.

Геокультурное пространство – система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

Как представить образ геокультуры, и что понимается под ним? Этот образ рассматривается, в первую очередь, в контексте процессов глобализации¹ и регионализации². При анализе геокультуры особое внимание уделяется процессам межкультурной и межцивилизационной адаптации³. Образ

¹ См.: Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина и В.Л. Иноземцева. М., 2001; *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London, Newbury Park, and New Delhi, 1992; *Buell F.* National Culture and the New Global System. Baltimore, 1994; *Friedman J.* Cultural Identity and Global Process. London, and New Delhi, 1994; *Global Modernities / Eds. by M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson.* London, and New Delhi, 1995; *Transnational Connections: Culture, People, Places.* London and New York, 1996; *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A. D. King.* Minneapolis, 1997 и др.

² См.: *Global/Local: Cultural Production and the Transnational Imaginary / Eds. by R. Wilson and W. Dissanayake.* Durham, N.C., 1996; *Hall S.* The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A. D. King.* Minneapolis, 1997. P. 19—41; *Hannerz U.* Scenarios for Peripheral Cultures // *Ibid.* P. 107—129.

³ См., например: *Olwig K. F.* Global Culture, Island Identity: Continuity and Change in the Afro-Caribbean Community of Nevis. Philadelphia, 1993. Сравнительно интересный аспект – взаимодействие деловых культур, сформировавшихся в различных цивилизациях; см., например: *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к

геокультуры складывается в максимально широком контексте, что означает максимально широкий концептуальный охват современных проблем мирового развития. Здесь захватываются геополитические, геоэкономические и геосоциальные проблемы, без изучения которых глубокий анализ геокультуры и геокультурных проблем невозможен. Затрагиваются также многие аспекты развития мировых и локальных цивилизаций; значительная часть этих цивилизаций является тем или иным инвариантом геокультуры (геокультур). Исследование геокультуры означает изучение наиболее мощных и структурированных географических образов. Как правило, это наиболее масштабные, наиболее фундированные и самые долговременные географические образы.

Основной вопрос интерпретации образа геокультуры состоит в следующем: складывается ли единая геокультура, или геокультур много? По-видимому, следует говорить о многих геокультурах, или о множестве геокультур. Определенное место, регион, страна имеет свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых вовне специализированных географических образов, или геокультурных образов. Эти образы сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах.

Геокультурный образ – это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в формировании которых большую роль играют

взаимопониманию. М., 1999; *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. The Seven Cultures of Capitalism. London, 1995; Friedman T. The Lexus and Okive Tree: Understanding Globalization. New York, 2000.*

смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа. Геокультурные образы можно назвать «ядерными» по своей мощи; это своего рода образные атомные или водородные бомбы, определяющие глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Приведем пример. Так, политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии в эпохи совершенно различных империй и династий на протяжении длительного исторического времени было основано на мощных геокультурных стратегиях в этих регионах. Данные стратегии были основаны на трансляции и оседании (седиментации) китайских культурных ценностей и образов на новых территориях и, зачастую, на достижении господства этих ценностей и образов¹.

Иногда роль геокультуры, «излучающей» и распространяющей свои образы, берут на себя крупные и/или мировые религии. Несомненными геокультурами являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии): например, в средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей (север Балканского полуострова, часть Италии, Русь, часть Восточной и Центральной Европы)² и арабским Халифатом (Кавказ, Центральная Азия)³. Конечно, «за спиной» подобных империй

¹ См.: Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987; Фицджеральд С. П. Китай. Краткая история культуры. СПб., 1998.

² См.: Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

³ См.: Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600—1258). М., 1988; Большаков А. Г. История халифата. Т. 1—3. М., 1989—1998.

стоит, как правило, крупная цивилизация, которая порождает одну или несколько геокультур.

Процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации, особенно интенсивно протекающие в эпоху глобализации, демонстрируют очевидную связь геополитики и геокультуры. Однако подобные процессы развивались на протяжении всей истории цивилизаций. Эта связь наиболее четко проявляется во взаимодействии геополитических и геокультурных образов, вступающих во взаимодействие на определенном пространстве, которое подвержено цивилизационной турбулентности. Такое взаимодействие происходило в течение нескольких столетий в ходе расширения Российского государства (XVI—XIX вв.).

Так, динамика геополитических образов России была связана в первую очередь не с известным "маятником" Европа—Азия (Запад—Восток), но прежде всего с расширением, экспансией самого образно-географического поля России, быстрым "захватом" все новых и новых потенциально ярких географических образов, которые требовали и соответствующей геополитической "огранки". Такая геополитическая "огранка" опирается на вновь создаваемые механизмы межкультурной и межцивилизационной адаптации¹. Неудача при создании таких механизмов ведет к "бледности", очевидной образно-геополитической невыраженности части системы и, в конечном счете, к ее деградации. Например, подробный образно-геополитический анализ захвата Россией Средней Азии во второй половине XIX в. показал, что стремительная военная экспансия Российской империи в этом регионе и включение его в сферу внешне- и внутривосточных российских интересов не сопровождались четко артикулированными политическими и геополитическими образами, базировавшимися на геокультурном и геоэкономическом проникновении в Среднюю

¹ См. также: *Цымбурский В. Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

Азию¹. Чем более втягивалась Россия в Среднюю Азию, соперничая с Великобританией, тем более одномерным и реактивным становился ее геополитический образ — по преимуществу, "европейской державы"; механизмы межцивилизационной адаптации так, по существу, и не были обеспечены.

Анализ понятия геокультуры в связи с процессами межцивилизационной и межкультурной адаптации показывает следующее:

1) изучение процессов межцивилизационной и межкультурной адаптации не представимо без глубокого исследования сущности понятия геокультуры и закономерностей развития геокультурных пространств;

2) гармоничная межцивилизационная адаптация связана с формированием и функционированием соответствующих геокультурных (культурно-географических) образов, обеспечивающих интенсивный и сбалансированный межкультурный обмен;

3) в процессах межцивилизационной адаптации большую роль играет целенаправленное продуцирование стратегий репрезентации и интерпретации геокультурных (культурно-географических) образов;

4) механизм использования ключевых геокультурных образов основан на процессах ментального сжатия и растяжения различных цивилизационных и культурных пространств.

Методология моделирование геокультурных образов страны в цивилизационных контекстах

География воображения, имагинальная, или образная география – ментальное порождение эпохи модерна в самом широком смысле; постмодерн лишь по-настоящему осознал эту

¹ См.: *Замятин Д. Н.* Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. 1998. № 2. С. 64—77. № 3. С. 133—147.

проблематику – в отличие от предыдущей исторической эпохи – и "перевел игру в миттельшпиль", то есть заострил самые важные и существенные вопросы в рамках образно-географического мышления. По сути дела, в контексте процессов глобализации/глокализации/регионализации – как бы к ним ни относиться – страна, регион, территория могут существовать и очень часто фактически уже существуют в разнообразных коммуникативных и коммуникационных полях как мощные или слабые, сложные или простые, широкие или специализированные виртуальные образы, от продвижения, развития, формирования которых непосредственно зависят политика, экономика, социальные отношения, культурные репрезентации страны или территории¹. Я склонен употреблять здесь понятие географического образа – постольку, поскольку именно конкретное географическое пространство, со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями задаёт в основном параметры, условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов.

Нет сомнения, что постмодерн и соответствующие ему социокультурные процессы глобализации "работают" с множествами, множественностью, вариативностью – как категориями и конструктами, обеспечивающими наиболее адекватное историко-географическое видение². Иначе говоря, в типологическом плане мы можем говорить о некоей единой образной географии страны или региона, но в феноменологическом аспекте приходится говорить о некоторых множествах образных географий, описывающих и характеризующих онтологическое со-стояние и со-бытие

¹ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006; Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.

страны¹. Если задаться классическими сюжетными постановками в рамках субъект-объектных отношений и диспозиций, то приходится заметить, что именно поле фактически субъектных образных географий стремится к условной феноменологической оптимизации в виде нескольких признанных, хорошо "пригнанных друг к другу" и широко представленных господствующими коммуникативными способами географических образов, постоянно воспроизводящихся в контекстах тех или иных властных дискурсов. Иначе говоря, образные географии страны могут как бы разбегаться благодаря все новым и новым, чаще всего индивидуальным или узко групповым социокультурным репрезентациям и творческим актам, и, одновременно, сгущаться, собираться, сосредотачиваться некими ментальными, знаково-символическими "сгустками", прото-ядрами, чье существование может обозначать некую условную волю к образам (иногда хорошо просматривающуюся *postfactum*, но, по большей части, являющуюся своего рода констелляцией отдельных знаково-символических усилий).

Однако когнитивная ситуация Постмодерна оказывается благоприятной для анализа ментально-цивилизационных "расщеплений", разделений и сосуществований, ибо само пространство становится предметом многочисленных пространственных спекуляций² – в силу чего географические образы могут рассматриваться как несомненное свидетельство цивилизационной идентичности уже сами по себе, вне жесткой зависимости от каких-то других цивилизационных признаков. Между тем, традиционные цивилизационные признаки, продолжающие устойчиво воспроизводиться какими-либо локальными сообществами (например, вполне ортодоксальные для России имперскость и православие), существуют в параллельных ментальных мирах, порождая параллельные

¹ Ср.: Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. London: Verso, 1990.

² Слотердаик П. *Сферы. Макросферология. II. Глобусы*. СПб.: Наука, 2007.

образно-географические и ментальные карты. Будущее становится идеей, получающей свои географические образы и представления – таков один из предварительных выводов Постмодерна.

Если попытаться осуществить "сдвиг на биологический уровень" (концепт Сергея Эйзенштейна)¹, то воображение страны/пространства предстаёт задачей не столько цивилизационного или культурного плана, сколько по-настоящему биологической "вехой", за пределами которой жизнедеятельность и жизнеустройство конкретных человеческих сообществ становится эволюцией с заранее наведёнными параметрами, имеющими в качестве и онтологического, и феноменологического оснований самоорганизующиеся географические образы. Пространственные идентичности, в таком случае, могут рассматриваться как продукты целенаправленных биологических эволюций, порождающих не только определённые биологические виды и их среды, но и их специфические пространственные реальности – как частные модификации и конфигурации более общих типологически географических образов². Локальные сообщества разрабатывают собственные пространственные идентичности как события и одновременно как органические части своей жизни, чьи образно-географические параметры являются, по сути, чистой биологией земного пространства в его топографической феноменологии.

Всякие вновь возникающие отдельные национальные и региональные истории, предполагающие столь же отдельные и своеобразные географии, заключают в себе когнитивные ядра биологических приспособлений, адаптаций; эти ядра постоянно трансформируются, позволяя локальным воображениям

¹ Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 1. М.: Музей кино, Эйзенштейн-центр, 2002.

² Ср.: Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000; Он же. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007; Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

выбирать те когнитивные траектории, которые обеспечивают на данный момент/ эпоху оптимальные биологические стратегии выживания, развития, расширения, экспансии. Если же попытаться в первом приближении осмыслить те вариации развития человеческих сообществ, которые описаны и исследованы в рамках культуры Модерна (по крайней мере, на протяжении XVIII – XX вв.), то пространственные идентичности, вполне возможно, оказываются неким образным компромиссом между очевидным стремлением сообществ и отдельных личностей биологизировать пространственные среды, становящиеся конкретными социальными проектами, и наличием устойчивого, по всей видимости, глубинно-психологического фундамента (явившегося, возможно, предметом доисторического/догеографического консенсуса в рамках человеческих сообществ), предполагающего телесные характеристики земного пространства исключительно внутренними, интровертивными по отношению к любой могущей последовать когнитивной интерпретации¹. Иначе говоря, пространственные идентичности могут как бы накапливаться, нагнетаться соответствующими сериями художественных, научных, интеллектуальных осмыслений, социокультурных и социополитических проектов и манифестаций, оставаясь при этом всякий раз предметом индивидуального биологического выбора/решения.

В сущности, именно телесные практики, выходящие за собственные пределы в качестве социальных репрезентаций, и обеспечивают минимально возможные локальные образы, становящиеся в дальнейшем, в ходе широких социально-проектных мультиплицирований, географическими образами стран. То, что, безусловно, даёт возможность подобных мультиплицирований – это мощные технологии закрепления и преобразования памяти/памятей, являющиеся изначально

¹ Ср.: Юнг К. Символическая жизнь. М.: Когито-Центр, 2003; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Слотердаик П. Сферы. Макросферология. П. Глобусы. СПб.: Наука, 2007.

пространственными¹. Кино, видео, фотография, Интернет, визуальные искусства стали в эпоху Постмодерна тотальными пространственными реальностями, заменяющими и закрывающими неэффективные способы опространствления памяти. Любая страна становится в таком случае своей собственной памятью о наиболее массовых пространственных реальностях, фиксируемых её географическими образами.

Евразия как остров-материк: проблемы метагеографического структурирования

Евразия – материк, чей географический образ требует размещения, соотнесения с другими географическими образами на метауровне, в метагеографическом пространстве. Метагеография Евразии учитывает особенности ее географии – физической, культурной, политической, социально-экономической – однако прямого соответствия здесь нет. Есть определенные автономные особенности и законы метагеографического развития Евразии, тем более что сами термин и понятие Евразии по своей содержательной сути – метагеографические – опирающиеся на мощные геокультурные традиции воображения Европы и Азии в их давних и древних противопоставлениях, нераздельностях, неслиянностях и взаимозависимостях, но следующие в своей онтологической разработке некоей, безусловно, внутренней идее.

Осознание выходящей за рамки традиционной географии идеи Евразии происходит, как известно, в эпоху позднего европейского/западного модерна – сначала благодаря возникновению и концептуальному развитию геополитики,

¹ Ср.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007; Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Флюссер В. За философию фотографии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.

имеющей очевидные, в том числе, империалистические и идеологические корни, а затем благодаря пересекающимся и взаимодействующим с ней гуманитарно-идеологическим утопиям с различными национально-консервативными оттенками как научно-идеологического, так и художественно-идеологического планов. Здесь мы не будем подробно касаться историко-генетического пласта данной проблемы¹; наша задача – попытаться исследовать в первоначальном приближении некоторые структурные основания метагеографии Евразии – так, как они могут быть выявлены и/или явлены в контексте концепций и теорий локальных цивилизаций. Следует учесть, тем не менее, что мы не придерживаемся каких-либо жестких классификаций и типологий локальных цивилизаций², предпочитая использовать более или менее устоявшиеся географические образы нескольких вполне зримых в своем феноменологическом облике цивилизационных целостностей.

Главная метагеографическая идея Евразии – так, как она обнаружилась уже в геополитических штудиях первой половины XX века – это идея "мирового острова" или острова-материка. С одной стороны, Евразия, наследуя, собственно, европоцентристской традиции, мыслилась центральной сушей, ядерным материком Земли, что оправдывалось развитием на ее географической территории большинства крупных и хорошо известных локальных цивилизаций. С другой стороны, период завершения географических открытий, практически

¹ Цымбурский В.Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Он же. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 419—441; Он же. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Там же. С. 441—464. См. также: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004.

² См. более подробно об основных современных теориях и концепциях локальных цивилизаций: Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998; Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

покончивший с *terra incognita* на карте Земли, содействовал пониманию относительности географических размеров Евразии на фоне пространственного преобладания океанов (существенно, однако и то, что Евразия уже не могла рассматриваться как фактически единственный, более или менее известный, огромный сухопутный мир, как это происходило в античности, средневековье, да и на стадии раннего модерна; Африка, а позднее Америка еще не могли обладать сколько-нибудь значительным метафизическим "весом" по сравнению с Евразией, спекулятивное воображение которой хотя еще и довольствовалось традиционным бинарным разделением на Европу и Азию, но уверенно развивалось в сторону единых евро-азиатских ментально-мифологических и образно-географических конструкций)¹. Другими словами, Евразия начинает конструироваться как амбивалентный географический образ, трансцендирующий своё содержание в метагеографической плоскости довольно двусмысленно: гигантский, самый большой материк Земли воображается как остров, остров-материк, некое "двупространство" или "бипространство" в онтологическом смысле; он выглядит как своего рода сама прерывистость пространства, явленная дискретно пульсирующим материковым континуумом.

На метагеографическом уровне пространство Евразии оказывается самоподобным, фрактальным: внутри острова-материка появляются образы отдельных островов, материков, иногда сцепляющихся друг с другом опять-таки в острова-материки; можно говорить здесь о метафизических структурах евразийского пространства, ориентированных на достаточно протяженные в историческом времени цивилизации-образы (например, Китай, Индия, Европа, Россия). Вне всякого сомнения, что такие структуры могут рассматриваться как

¹ Это характерно уже для начала эпохи Просвещения в Европе; см., например: Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе счисления. М.: ИФ РАН, 2005; также: Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008.

когнитивный аналог современной физической картины мира, складывавшейся в течение последних 100-200 лет – физическое строение материи, принцип дополнительности Нильса Бора и квантово-корпускулярная теория света являются образными, ментальными "лекалами", которые могут служить исходными формами для анализа метагеографии Евразии. Кроме того, конкретная физическая, политическая, социально-экономическая география отдельных районов Евразии может выступать как определенная метагеографическая "подложка", позволяющая в дальнейшем вырабатывать, представлять устойчивые образы-архетипы, участвующие в метагеографической "игре" на мезо- и микроуровне: так, Англия на протяжении XIX – начала XX века становится благодаря своим имперским достижениям "мировым островом" на микроуровне, неким очевидным метагеографическим фракталом всей Евразии; Индия на протяжении как минимум трех тысячелетий воспринимается как отдельный "материк" – первоначально, конечно, вследствие, своих территориальных размеров, сочетающихся с физико-географическими преградами, как бы охраняющими ее, а затем, благодаря огромному этнокультурному и цивилизационному разнообразию, как бы воспроизводящему на мезоуровне подобное разнообразие самой Евразии.

Китай и Россия в метагеографическом смысле могут быть восприняты как острова-материки: их масштабные цивилизационные целостности воображаются как большие пространства с мощной внутренней социокультурной и политической энергетикой; наряду с этим, обе эти страны-цивилизации периодически выступают как периферийные или пограничные пространства, отделенные от "большого"/остального мира как внутренними центростремительными интенциями, иногда хаотического характера, так и стремлением изолироваться от остального или внешнего мира. Цивилизационное самосознание и Китая, и России во многом можно назвать "центрально-пограничным" –

метагеографическая амбивалентность данных цивилизационных целостностей в их диахронии, похоже, хорошо соответствует общей идее Евразии как острова-материка.

Метагеографические водоразделы Евразии

Если попытаться представить себе метагеографическую структуру Евразии исходя из образно-географической дихотомии остров-материк, то мы можем отчетливо увидеть две метагеографические оси, тянущиеся примерно параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток (можно сказать и наоборот: с юго-востока на северо-запад, но определенного направления здесь нет). Первая ось – евро-индийская (индоевропейская), начинающаяся на крайнем северо-западе Европы (Британские острова, Нидерланды), идущая далее через Южную Европу и Средиземноморье на Ближний Восток и заканчивающаяся собственно в Индии. Вторая ось – российско-китайская, начинающаяся на Кольском полуострове, продолжающаяся на Русском Севере, проходящая далее через Урал, юг Западной Сибири, частично Казахстан, Алтай, Центральную Азию и заканчивающуюся, собственно, в Китае. Перефразируя известное выражение Уинстона Черчилля, можно назвать эти две метагеографические оси "мускулами евразийского мира". Другое возможное название – *метагеографические водоразделы Евразии*.

Понятно, что невозможно мыслить подобные оси как некие тонкие прямые линии, точно проведенные и обозначенные на обычной географической карте Евразии. По всей видимости, это осевые пространства, воображаемые "коридоры", задающие образно-географическую энергетику материка¹. Можно мыслить также евразийские "водоразделы" и как своего рода большие геократические пояса, воздействующие на геополитические и геокультурные ритмы Евразии, а, возможно, и всего мира.

¹ Наиболее очевидный аналог – понятие осевого времени К. Ясперса.

Как связаны эти "водоразделы" между собой – если представлять Евразию как единое метагеографическое целое? В первом приближении, обе оси как бы уравнивают запад и восток Евразии в рамках общего географического воображения. В то же время эти метагеографические оси связываются между собой относительно небольшим цивилизационным ядром, тяготеющим к географическому центру Евразии – Ираном, чья несомненная и протяженная во времени цивилизационная устойчивость является, с одной стороны, "крепким орешком" с точки зрения внешних цивилизационных влияний Европы, Индии, Китая, а, с другой стороны, Иран, несомненно, выступает в качестве определенной цивилизационной перемычки, связующей две мощные осевые структуры. На уровне историко-цивилизационного, этнокультурного, языкового генезиса роль Ирана как места цивилизационного транзита очевидна, однако мы хотели бы обратить внимание на другое обстоятельство: Иран не может претендовать в метагеографическом смысле на образ острова, материка или острова-материка – тем не менее, ему можно отвести образное место плато, плоскогорья; это пустынное возвышенное пространство, собирающее и сохраняющее, иногда и порождающее, некоторые наиболее важные для Евразии в целом символы, знаки, архетипы, ментальные паттерны – довольно архаичные и в то же время онтологические¹. Иран, возможно – метагеографическая "кунсткамера" Евразии.

¹ См.: Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972; Грюнебаум, фон Г.Э. Классический ислам. Очерк истории (600 – 1258). М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988; Корбен А. Свет славы и святой Грааль. М.: Волшебная гора, 2006; Он же. Световой человек в иранском суфизме. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009; Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX – XV вв. М.: Восточная литература РАН, 1997; Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Восточная литература РАН, 1998; Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб.: Диля, 2004; Наср С.Х. Исламское искусство и духовность. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009; Буркхардт Т. Введение в доктрину суфизма.

Между тем, Иран может рассматриваться и как определённый цивилизационный барьер или цивилизационное "сито": в течение исторического времени он неоднократно выступал в качестве серьезного препятствия на пути мощных кочевых миграций и завоеваний; известная мифологическая оппозиция Ирана и Турана¹ – одно из свидетельств подобного, одновременно и историко-географического, и метагеографического обстоятельства. Наряду с этим, географический образ Ирана может моделироваться, в терминах геоморфологии, как "бараний лоб" – возвышенное место, гора с выпуклой вершиной, на которую трудно забраться. Иначе, говоря, на метагеографической карте Евразии Иран является в образном смысле цивилизационным "тормозом", как бы предохраняющим пространство Евразии от слишком опасных центробежных движений, он – масштабная территория ретардации межцивилизационного взаимодействия.

Структура и ритмика метагеографии Евразии

Выделенные нами метагеографические оси, или водоразделы, Евразии имеют свою внутреннюю структуру и ритмику. Существенное сходство между ними состоит в очевидных "разломах" – пространствах, находящихся образно-географически примерно посередине между концами этих осей и продуцирующих, инспирирующих, производящих, порождающих постоянные, в пределах исторического времени, сильные геокультурные, геоидеологические и геополитические флуктуации и турбулентности. К таким пространствам или районам можно отнести, несомненно, Ближний и, частично, Средний Восток, включая восточную часть Малой Азии и практически всю Месопотамию (это геократический "разлом"

М.: Ирби, 2009 Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма: Генезис и эволюция. М.: Языки славянской культуры, 2009 и др.

¹ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древни арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983.

евро-индийской оси)¹, и пространство Центральной Азии, включающее в данном случае Синьцзян и прилегающие к нему Тибет, Западную Монголию, возможно, с включением некоторых современных районов Казахстана, Киргизии и Афганистана (север и северо-восток) – как геократический "разлом" российско-китайской оси. Ведущим признаком для выделения или оконтуривания таких метагеографических разломов может служить наличие геоидеологического синкретизма или сочетания взаимно противоборствующих религиозных и культурных идей, при этом физическая, экономическая и культурная география указанных районов выступает в качестве яркой образной подложки подобной идеологической борьбы – будь то столкновения религий, сект, кочевого и оседлого образов жизни, геополитических интересов крупных держав и империй². Наверное, уместно будет назвать эти разломы, используя метеорологические образы, "глазом бури", концентрирующим всю отрицательную энергетику межцивилизационных взаимодействий в их геокультурном выражении, и взрывающимся периодически геополитическими и военными катаклизмами. Так или иначе, вне очевидных физико-географических, геополитических и геокультурных различий исходных районов, данные метагеографические разломы оказываются мощными регулирующими механизмами описываемых нами евразийских осей.

¹ О понятии геократии и спектре его интерпретаций см.: Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71-90.

² Как в случае Ближнего и Среднего Востока, так и в случае Центральной Азии вполне очевиден масштабный и долговременный характер подобной идеологической борьбы – как религиозной (контроверзы геоистории таких религий, как иудаизм, христианство, ислам, манихейство, буддизм – даже не рассматривая собственно «пучок» более древних религий и культов), так и политической – начиная с эпохи эллинизма и заканчивая геополитической ситуацией начала XXI в. См., например: Восточный Туркестан в древности в раннем средневековье. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.

Если попытаться более детально представить описанные выше метагеографические разломы, или перевести их в другую метафорическую систему, то можно говорить о них как о неких локтевых сгибах, локтевых "косточках", меняющих ориентацию всей метагеографической "руки. Внутри таких локтевых "косточек" можно обратить внимание на наиболее важные точки – это районы Ливана и Палестины на евро-индийской оси¹ и территории Западного Синьцзяна и северо-востока Афганистана². По всей видимости, малейшее приведение в действие этих метагеографических "косточек"-узлов может иметь следствием существенные трансформации метагеографической карты всей Евразии: по крайней мере, продолжительные межрелигиозные, межкультурные и международные взаимодействия, происходившие и происходящие в данных районах, ведут как бы к растяжению, расширению географического образа Евразии в целом: со второй трети XX века Евразия уже стала ключевым элементом американоцентричных геополитических схем, в то же время ключевые точки метагеографических евразийских разломов оказываются масштабными общемировыми символами и знаками непрекращающейся и постоянно актуализируемой идеологической борьбы (между империализмом и третьим миром, коммунизмом и демократией, исламом и сионизмом, демократией и авторитарными режимами, мировым терроризмом и западными государствами и т.д.).

По сути дела, речь идет о своеобразных метагеографических шарнирах, опосредованно работающих на

¹ См., например: Аттас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М.: Изд-во «ЛОРИ», 2002; Меламедов Г.А., Эпштейн А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М., Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2008; Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915 – 1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы / Предисл., вступит. Ст., комментарии и перевод Д.Л. Шевелёва. М.: РОССПЭН, 2008 и др.

² Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года // М.: «Памятники исторической мысли», 1995; Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. М.: ИВ РАН, 1998.

дистанцирование, геоидеологическое и геочивилизационное отдаление складывающегося образа Евразии как условной метагеографической карты. Геократический характер подобного метагеографического механизма становится ясным благодаря когнитивным стратегиям и дискурсам прямого воображения конкретного пространства как судьбоносного, экзистенциального или даже онтологического. Если религиозные, народные или элитарные утопии домодерных эпох или раннего модерна могли проецировать свои образы в сферы очевидных тогда *terra incognita*, то уже начиная со второй четверти XX века, когда закрытие практически всех "белых пятен" на географической карте мира стало бесспорным фактом, начинается формирование (поначалу, возможно, бессознательное) метагеографических проектов, ориентированных на "параллельные пространства", как бы надстраиваемые над уже достаточно хорошо известными территориями или районами. Тем не менее, в пределах Евразии это метагеографическое проектирование, базирующееся на понятии сопространственности¹, использует, прежде всего, географические образы территорий, обладающих мощной мифологической, геокультурной и идеологической аурой. Сюда, безусловно, можно отнести район Ближнего Востока, а по некотором размышлении и территорию Центральной Азии в широком смысле.

Метагеографическое моделирование Евразии: ключевые образы

Попробуем описать в самых общих чертах метагеографическую модель, в рамках которой будут понятны системные трансформации евразийских осей. Воспользуемся, по аналогии, метеорологической моделью переноса воздушных масс, несущих с собой либо тепло и влагу, либо сухость и

¹ См.: Замятин Д.Н. Образный империализм // Политические исследования. 2008. № 5. С. 45—55.

отсутствие осадков. По всей видимости, специфические системы географических образов, присущих определенной локальной цивилизации, развиваясь, включают в себя новые географические знаки и символы, находящиеся за физико- и политико-географическими пределами этой цивилизации¹. Можно назвать такие образно-географические цивилизационные системы "влажными", они создают как бы влажные образно-географические "ветры", дующие в сторону территорий и пространств более сухих, более замкнутых на себя с точки зрения цивилизационного развития и самосознания. Однако только этого недостаточно. Подобные "влажные" образно-географические переносы должны дополняться системами цивилизационно-географических образов другого рода, а именно: "областями низкого давления", обладающими мощными и разветвленными, и в то же время довольно статичными географическими образами, склонными к "застыванию", статуарности, "оледенению". Эти образно-географические системы могут как бы постоянно втягивать в себя какие-либо чужеродные идеологические образования, формируя для них новые когнитивные ячейки в рамках гибких идентификационных механизмов. Создаются своего рода метагеографические "насосы", удовлетворяющие потребности образно-географических систем как одного типа, так и другого. Естественно, что описанные нами выше метагеографические оси Евразии работают именно как "насосы"; их непрерывное функционирование – это циркуляция специфических географических образов, постоянный образно-географический взаимообмен, порождающий те самые "параллельные пространства", необходимые для полноценного развития любой локальной цивилизации на определенном уровне ее развития. Существенно, тем не менее, заметить, что конкретные локальные цивилизации могут в течение сравнительно

¹ Замятин Д.Н. Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 99-109.

протяженного исторического времени как бы подбирать себе подходящего метагеографического партнера, "нащупывая" свою метагеографическую ось.

Мы можем мыслить метагеографические оси Евразии как условно прямые "водораздельные пространства", в пределах которых происходит образно-географический взаимообмен. Ранее, однако, мы уже говорили, что выделяемые евразийские оси имеют своего рода метагеографические "шарниры", обуславливающие их некоторую непрямоту, изгиб, кривизну. Такая кривизна объясняется не только наличием обнаруженных нами очевидных метагеографических разломов в условных центрах самих осей, но и отклонениями концов осей — локальных цивилизаций, тяготеющих время от времени к образно-географическим циркуляциям не только вдоль собственных осей, а также в "перпендикулярной плоскости" — к цивилизационным образно-географическим системам соседних осей. Тогда в самом общем приближении метагеографическая карта Евразии в ее динамике выглядит так: в качестве статичных "втягивающих" образно-географических систем можно выделить индийскую и китайскую цивилизации, соответственно, европейская и российская цивилизации выступают в качестве "областей высокого давления", активно иррадирующих специфические географические образы в сторону своих прямых цивилизационных партнеров. В то же время эта первоначальная простая картина осложняется двумя обстоятельствами: метагеографическими разломами, возмущающими и искажающими столь прямой образно-географический взаимообмен, а также наличием периодических, или циклических, метагеографических связей между европейской и российской цивилизациями, с одной стороны, и между индийской и китайской цивилизациями, с другой. Тут следует заметить, что в обоих случаях образно-географические системы евро-индийской оси являются "областями высокого давления" по отношению к таким системам российско-китайской оси: европейская цивилизация в течение длительного

исторического времени активно "излучала" свои образы в сторону российской, способствуя формированию ее идентичности¹; примерно то же, хотя, возможно, и в меньшей степени, осуществляла индийская цивилизация по отношению к китайской². Иначе говоря, концы евро-индийской метагеографической оси приближались к концам российско-китайской оси, происходило и ответное образно-географическое движение; в результате сами оси можно было бы изобразить как два симметрично расположенных по отношению друг к другу "лука". Тем не менее, если вернуться к фундаментальной идее расширения образа Евразии посредством формирования ее метагеографической карты, не эти изгибы являются главными – они, безусловно, способствовали оформлению самих цивилизационных образно-географических систем (и продолжают способствовать), однако основной, базовый источник образно-географического расширения Евразии – это идеологические циркуляции в рамках самих метагеографических осей.

¹ Зимин А.И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2000; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001.

² Гране М. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2008; Он же. Китайская мысль. М.: Республика, 2004; Фитцджеральд С.П. Китай: Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1998; Васильев Л.С. История религий Востока. М.: Высшая школа, 1983; Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов. В 3-х тт. Тт. 1, 2. СПб.: 1991, 2005; Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае / Сост., иссл. И коммент. А.А. Маслова. М.: Сфера, 2000; Александрова Н.В. Путь и текст: Китайские паломники в Индии. М.: Восточная литература РАН, 2008 и др.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕЙ ИБН ХАЛДУНА И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ

Р.М. Зиганьшин - кандидат философских наук, научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН, Москва (Россия).

Арабо-мусульманский мир, куда издавна входит Таджикистан, в Средние века был центром науки и просвещения, тогда как на территории современной Европы тогда царил мракобесие и невежество. Труды античных философов очень почитались мусульманскими философами, особенно Платона и Аристотеля, несмотря на то, что эти философы с точки зрения ортодоксального Ислама считались язычниками. Именно арабо-мусульманский мир стал посредником передачи грандиозного наследия античных философов Европе, где они были фактически утеряны после крушения Рима и Византии. Именно арабо-мусульманскому миру Европа обязана эпохой Возрождения и зародившейся позднее философией Нового времени. Рассказывая об этой философии, я всякий раз отмечаю студентам, что наследие мыслителей Нового времени до сих пор недооценено по достоинству. Они вероятнее всего что-то знали и понимали больше, чем знаем мы сейчас.

Недооценено по достоинству западным миром и наследие арабо-мусульманских мыслителей, самым загадочным и недооцененным из которых можно назвать Ибн Халдуна. В то же время он, пожалуй, и самый актуальный и востребованный, его мысли не утратили своего значения до сих пор. Он значительно расширил горизонты развития философской мысли своего времени, применив исторический и социальный методы исследования государства, положив в основу поиск объективных причинно-следственных связей общественного развития. Он задолго до Адама Смита создал трудовую теорию стоимости. И этим вклад великого философа далеко не ограничивается!

Студентам часто задаю риторический вопрос: А. Смит сам додумался до своего учения или многое позаимствовал у Ибн Халдуна? Далее продолжаю: Если заимствовал, то молодец – адаптировал идеи великого мыслителя для современного ему европейского общества. Ну а если сам додумался, то вдвойне молодец!

Вклад Ибн Халдуна в арабо-мусульманскую историческую и философскую мысль заключается прежде всего в том, что им была предложена принципиально новая концепция мировой истории, связывавшая исторический процесс с динамикой развития структур человеческого общества. Ибн Халдун перешел от «истории пророков и царей» (парадигма, заложенная еще ат-Табари) к истории человеческих сообществ, попытавшись выявить некоторые закономерности развития этих сообществ и объяснить их объективными причинами, кроющимися в природе людей. Поставленная Ибн Халдуном задача «исследования основ» и «принципов» общественной жизни позволила ему заявить о создании «новой науки», которая и является истинной историей. Он определил ее как важнейшую ветвь философии, т. е. отнес к рациональным наукам. Методами же этой науки должны были стать критический анализ исторических сообщений с точки зрения здравого смысла и проверка достоверности содержащейся в них информации. В результате Ибн Халдун приходит к построению динамической модели исторического процесса, в которой развитие человеческих обществ протекает неравномерно и оказывается обусловленным целым комплексом факторов биологического и социально-экономического порядка. Наиболее известна его теория политических циклов, которая в наиболее общем виде выглядит так: дикость – кочевье/сельская жизнь – городская жизнь/цивилизация [1, 10-11]. Таким образом, он высказал эту идею задолго до Моргана, выделившего аналогичные три стадии развития человечества: дикость, варварство, цивилизация.

Х.Х. Зикиров отмечает, что на наследие этого мыслителя в подтверждение своих точек зрения ссылаются не только

передовые исследователи, но и религиозные фанатики, экстремисты, многие реакционно-настроенные теологи. Он считает, что более глубокое изучение и критический анализ мировоззрения, творческого наследия и особенно социально-политических воззрений Ибн Халдуна поможет определить, насколько творчество этого выдающегося мыслителя Среднего и Ближнего Востока отвечает требованиям нынешнего этапа развития Республики Таджикистан. Это тем более важно, что сегодня вопросы, которые стояли в XIV столетии, оказались весьма актуальными для Таджикистана, особенно в контексте формирования и развития политической власти, развития государства, национального самосознания и религиозных чувств таджикского народа. События, происходящие в современном таджикском обществе, свидетельствуют о том, что традиции, в том числе традиционные формы правления имеют глубокие корни в сознании таджикского народа, в жизни и быте нашего общества и продолжают играть огромную роль, которую необходимо учитывать при разработке и принятии нормативно-правовых актов и долгосрочных государственных и общественных программ [1, 6]. Исследование синтеза восточных и западных идей по проблемам сущности истории человечества в философско-политическом учении Ибн Халдуна – это попытка своеобразного решения назревших проблем социально-политического характера в современном таджикском обществе [2, 25].

К творчеству Ибн Халдуна сегодня проявляется живой интерес со стороны социологов, политологов, журналистов. Ими усматриваются поразительные сходства между тем, что изображает Ибн Халдун, и тем, что сегодня происходит в мире (конфликт сельской местности и города, кризис государств, разложение нравов). Несмотря на то, что эти сходства часто являются поверхностными, они привлекают внимание и порождают интерес к Ибн Халдуну за пределами философского и востоковедного сообщества [3, 4-5]. Вообще, Ибн Халдуна именовали историком, социологом, экономистом и т.п. В таких

случаях творчество мыслителя рассматривается под каким-то из этих углов. Это ведет к тому, что лишь один из аспектов творчества Ибн Халдуна абсолютизируется, а другие остаются в тени [3, 3]. Таким образом, современные специалисты какой-либо конкретной области знаний зачастую вырывают из контекста какие-то аспекты его цельного органичного учения, которые считают важными именно для их специализации. Но с недавнего времени уже никто не оспаривает мысль, что новое открывается именно на стыках наук – идет тенденция к синтезу накопленных знаний и именно синтетическое изучение трудов Ибн Халдуна может многое нам раскрыть в его великом наследии.

Многие исследователи рассматривали Ибн Халдуна как философа истории. Так, пакистанский историк Будда Пракаш сравнивает Ибн Халдуна со Шпенглером. Индийский автор А. Манзур заостряет внимание на городах в концепции Ибн Халдуна. Американский историк философии и исследователь арабо-мусульманской мысли Л.Е. Гудман сравнивает Ибн Халдуна с древнегреческим историком Фукидидом. Британский медиевист и исследователь арабской литературы Р. Ирвин сравнивает Ибн Халдуна с культурологом А. Тойнби. Непосредственно к этому примыкает исследовательское направление, рассматривающее Ибн Халдуна как предшественника Маркса, политэкономии и исторического материализма. Здесь также в центре внимания оказывается философия истории, а особое внимание уделяется экономическим вопросам ал-Мукаддимы. Одним из ярких представителей этого направления являются франкоязычные авторы И. Лакост и Н. Нассар [3, 7-8].

История изучения творчества Ибн Халдуна показала, что понятия его концепции очень трудно переводимы на европейские языки (а, значит, и с трудом понимаемы). Их перевод чаще всего сводится к объяснению их приблизительного содержания, или же они подгоняются под близкие по значению понятия западной традиции. При этом теряется оригинальная

многогранность понятий Ибн Халдуна, перевод отражает лишь одну из их граней, и их значение может остаться несколько затемненным для европейского читателя. Например, взаимосвязь некоторых понятий ал-Мукаддимы является отражением оригинального способа смыслополагания, присущего арабско-мусульманской культуре [3, 4]. По этой причине нам остаются непонятными многие существенные оригинальные аспекты мысли великого философа. Мы отделены не только огромным временным промежутком – через 11 лет весь мир будет отмечать 700-летие со дня рождения Ибн Халдуна. Нас разделяет также разница культур, нам во многом непонятна методология его рассуждений, исследований и творческих исканий.

В XIV столетии в мусульманском обществе, в рамках доктрины Ибн Халдуна, появилась философско-социологическая теория, фактически независимая от религиозной традиции и не связанная с дальнейшим развитием восточного перипатетизма. Ибн Халдун создал учение о государстве, которое по своей значимости вышло далеко за рамки той исторической эпохи, в которой он жил и творил. Государство, по замечанию мыслителя, является не просто естественным и необходимым человеческим учреждением, в котором действует закон причинности, но и той политической и социальной единицей, которая только и делает возможной существование человеческой цивилизации. Именно эта человеческая цивилизация и является предметом анализа и исследования Ибн Халдуна. [2, 28-29]. Отличительной особенностью учения Ибн Халдуна о государстве и политике является соединение философского и юридического подходов к государству на основе историко-социологического анализа. Прежде всего, в своей научной концепции Ибн Халдун ставит перед собой задачу выявить «естественные законы» становления, развития и падения государства, которое он рассматривал в качестве показателя, формы, критерия и проявления человеческой цивилизации [2, 100].

Особенно актуальны, рассмотренные Ибн Халдуном в ал-Мукаддима основные причины падения государств в системе, которую строит. Первая причина – распад спаянности. Теряя спаянность, бывшая элита теряет силу, спаянность ее исчезает, а это ослабляет государство, оставляя его беззащитным перед сторонними спаянностями. Вторая причина состоит в экономическом кризисе, неизбежно постигающем государство при формирующемся дисбалансе между налоговыми поступлениями и затратами правителей. Государственная элита в определенный момент начинает ощущать нехватку средств. Ее расходы на роскошь оказываются слишком велики (в больших городах «связанное с потребностью дорого»). Тогда, чтобы восполнить эту нехватку, государство налагает на товары пошлины. Это делает товары более дорогими, т.к. пошлина входит в их цены. Расходы горожан на товары увеличиваются, переходя в расточительство из-за высоких цен. Все их сбережения расходуются, люди беднеют. На рынке начинается застой из-за их неспособности покупать, что влечет за собой ухудшение состояния города. Все это происходит в последний период существования государства, и за упадком города следует упадок государства. Третья причина – моральная деградация горожан. Роскошь и богатство портят и развращают людей, формируют у них новые и новые потребности. Расцветают ложь, коварство, воровство, ростовщичество среди купцов, практикуется открытый разврат. В сексуальном поведении жителей государства появляются девиации: расцветают прелюбодеяние и гомосексуализм. Это приводит к «прекращению рода», т.е. к демографической катастрофе, а, значит, и к гибели государства. Четвертая причина падения государства – психологические изменения в менталитете элиты. Новые ее поколения воспитываются в обстановке роскоши и богатства. При этом они теряют первоначальные ценности своих предков и ту мощь, которая позволила их предкам образовать государство [3, 33-34]. Таким образом, мы здесь видим явное

влияние идей Платона, которые изучены и восприняты в рамках исламской традиции.

Рассматривая политическую функцию религии, Ибн Халдун в противовес мусульманским мыслителям полагает, что религия не является необходимым институтом общества. Он доказывает это тем, что в истории можно найти примеры таких обществ, которые нормально функционируют и при этом не знают религии. Ибн Халдун признает роль религии в процессе формирования властных институтов и отдельных государств, однако отводит ей функцию стимулятора социальных сил – в той мере, в какой религия, в идеологическом плане ферментируя объединение людей вокруг некоего возвышенного идеала, может этим силам содействовать [2, 29-30]. Веря в существование Бога, загробный мир, пророков, Ибн Халдун считал религию делом нравственного самоусовершенствования человека. В развитии общества он отводил ей роль политического фактора, способствующего сплочению групп людей, связанных единой религией. Причем духовный фактор, религию, Ибн Халдун считал слабее фактора, способствующего такому сплочению, – кровнородственных отношений, «асабийи» [2, 73]. Упадок же асабийи – важнейшая, но не единственная причина разложения власти и государства, так как в сложную сеть причин этого у него включены также экономические, природно-климатические и демографические факторы [2, 117].

Ибн Халдун выделял три формы правления в мусульманском мире: а) «естественную» монархию; б) «политическую» монархию и в) халифат. Сущностью первой из них, по его мнению, является управление подданными, исходя лишь из корыстных личных побуждений правителя, его субъективных оценок и прихотей. Иначе говоря, «естественная» монархия – деспотический режим личной власти, не связанный с какими-либо, кроме субъективных, интересами. В отличие от данной формы, для «политической» монархии характерно такое правление, которое основывается на рациональных, «разумных» критериях, проведении политики защиты «земных» интересов и

противодействию всему тому, что наносит «вред» подданным. Ибн Халдун оценил эту форму двояко: с одной стороны, он подчеркивал ее позитивные стороны (осуществление «рациональной» справедливости), с другой – критиковал за то, что политика правителей при данной форме не связана с религиозными ценностями. Что же касается халифата, то здесь этот недостаток устранен, поскольку власть халифа над подданными опирается на мусульманско-правовые основы и одновременно направлена на защиту веры и вершение земных дел. Иными словами, «законом» халифата являются не субъективные желания правителя или чисто «рациональные» принципы, а принципы священного мусульманского шариата, в которых - и только в них - идеальным образом учитываются все без исключения интересы подданных, даже такие, которые не могут быть поняты рационально [2, 121-122].

Ибн Халдун немалое внимание уделяет человеку, как составной части общества и государства, и его способностям. По его мнению, восприятия человека не могут охватить всего бытия, оно выходит за пределы того, что человек может воспринять своим разумом. Но это обстоятельство не может порочить человеческий разум и его восприятия, наоборот, разум – это точные весы, и суждения его достоверны. Однако человек хочет взвешивать на них такие вещи, как единство божье, дела другого мира, сущность пророчества, истинность атрибутов Бога и тому подобное, – это бесполезное желание, это все равно, как если бы человек на весах, которыми взвешивают золото, захотел бы взвесить горы. Это указывает не на то, что весы неверны, а на то, что разум имеет предел, у которого он останавливается [2, 66]. Говоря о том, что человек не может доказать с помощью разумных доводов наличие трансцендентного мира и Бога, Ибн Халдун, однако, не сомневается в их существовании. Ибн Халдун верит в бессмертие человеческой души, причем обосновывает свою веру чисто логическим рассуждением; существование человека в этом мире, говорит он, настолько разумно и осмысленно, что абсурдна мысль о том, будто бы

смерть означает полное его уничтожение. Все в мире, считает мыслитель, связано друг с другом и целенаправленно. В связи с этим, он задает вопрос о том, что зачем было бы наделять человека мыслью и способностью к духовным восприятиям, если бы все это уничтожалось смертью? [2, 69-70].

Х.Х. Зикиров исследуя наследие великого философа отмечает, что общество и государство преобразуются, как свидетельствует история, в том числе и идеи Ибн Халдуна, не по составленным «мудрыми» людьми схемам, не в строгом соответствии с теоретической заданностью, а с большой долей импровизации, где большую роль играет выбор пути развития со всей заключающейся в любом выборе непредсказуемостью. История – не авторское произведение, она никогда не будет дописанной и от нас, живущих здесь и сейчас, зависит, какими будут ее очередные страницы. Демократические преобразования в постсоветском Таджикистане можно понять, как стремление покончить с социальными мистификациями, как фактическое признание того, что историю нельзя подчинить воле тех или иных людей. Здесь весьма к месту будут слова Ибн Халдуна, который призывал не искать магические знаки в истории, а руководствоваться здравым смыслом и реальными событиями эпохи [2, 132-133].

Таким образом, древнее учение великого мыслителя до сих пор актуально и востребовано, имеет практическое значение. Здесь именно тот случай, когда уместен лозунг Мао Цзэдуна: «Поставить древность на службу современности». В статье рассмотрены лишь небольшие аспекты великого наследия, в действительности же они гораздо шире и глубже! Например, недооценка и недостаточное внимание на Западе к своим выдающимся философам Нового времени значительно обедняет западную общественно-политическую мысль и культуру. Исследование же связи и влияния на нее арабо-мусульманской философии могло бы восполнить здесь значительные пробелы в изучении духовного наследия того недооцененного нами до сих

пор времени, а также помочь в решении новых возникших глобальных проблем современности.

Библиография:

1. Алексеев И. Л. Возвращаясь к Ибн Халдуну// Рах Islamica, 1/2008, сс.5-14.
2. Зикиров Х.Х. Социально-политическая философия Ибн Халдуна: дис. ... кандидата философских наук: Душанбе, 2009. 160 с.
3. Золотухин В. В. Философия Ибн Халдуна: автореферат дис. ... кандидата философских наук: Москва, 2009. 41 с.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК

Махаматов Т.М., д.ф.н., Профессор Финансового
университета при Правительстве РФ, Профессор
Дипломатической академии МИД РФ
Makhamatov.tair@mail.ru

Мы живем в начале эпохи неоглобализации, когда импульсы мировой эволюции исходят не из одного – западного – центра, что было лет 20 назад, но исходит из восточных и южных центров. В этом и одна из сущностных особенностей эпохи неоглобализации, т.е. в переходе из однополярного мира к многополярности современного мироустройства, в котором в диалектическом взаимодействии находятся восточная и западная цивилизации.

Качественность, устойчивость и гибкость каждого из мировых центров зависит от осмысленной интеграции каждой страны в тот или иной центр неоглобализационного процесса.

Согласно философу Спинозы, свобода есть познанная необходимость. Народы Центрально-азиатских стран, коим относятся таджики, туркмены, узбеки, казахи, россияне и другие национальности и народности, осмысленно, на основе своих исторических культурно-цивилизационных достижений, потому и свободно включаются в евразийский интеграционный процесс.

У таджиков, одного из древнейших народов Центральной Азии, имеется огромная культурно-цивилизационная основа для интегрирования народов этого региона. Ведь персо-язычные народы были своего рода катализаторами образования центров науки и культуры Центральной Азии – Бухары, Самарканда, Хорезмского ханства.

Благодаря творчеству Аль Бируни, Ибн Сина, Омар Хайяма, Джелалидина Руми, политике Самани и других, формировался фарси-мусульманский цивилизационный мир –

центр философии, науки и поэзии. Под влиянием поэтического, градостроительного, политического и хозяйственного творчества этого мира начал образовываться тюрко-мусульманский цивилизационный мир, где языком поэзии долгое время оставался таджикский язык. Как известно, учителем и старшим другом Алишера Навои был великий таджикский поэт и мыслитель Абдурахман Джамии. В поэмах своей «Хамсы» А. Навои многократно упоминает великого Джамии как льва поэзии, как своего наставника.

Как свидетельствуют центрально-азиатские эпосы «Гуругли», «Сказание о Сиявуше» «Манас», «Алпамыш» и другие, на торжества или обсуждение важных проблем собирались соседние народности –таджики, туркмены, узбеки, казахи, киргизы и другие.

В наше время, как закономерное продолжение нашего интеграционного прошлого, в научной, литературно-художественной и хозяйственной областях продолжается тесная взаимосвязь. Но она сегодня происходит на основе государственной политики, опирающаяся на взаимное уважение национальной идентичности.

Здесь, на наш взгляд следует рассмотреть логику основных этапов эволюции национально-этнической идентичности.

Первым этапом формирования национально-этнической идентичности было формирование литературы на языках народов Центральной Азии [1: 2020]. Например, благодаря творчеству Аль Бируни, Ибн Сина, Омар Хайяма, Джелалиддина Руми формировалась таджикско-мусульманская идентичность. Как известно, язык в его философской, научной и, особенно, поэтической формах лежит в основании национально-этнической идентичности.

Вторым этапом можно считать образование в составе СССР союзных республик, названия которых отражало титульную нацию и, благодаря чему, хотя и в сильном подчинении центральной власти, на карте мира возникают

Казахская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская республики. До этого периода названия государственных образований не были связаны с этническими названиями населения этих государств. Поэтому принадлежность выдающейся личности определялась только его языком, на котором он говорил и писал. С образования среднеазиатских республик национальная принадлежность деятелей искусства и науки определяется не только родным языком и языком его творчества, но и своим гражданством. Если, например, первоначально великий таджикский писатель Садриддин Айни считался таджикским писателем Самарканда, с образованием Таджикской ССР он стал считаться писателем Таджикистана.

Создание суверенных государств в рамках СССР способствует также системному формированию национально-политической идентичности.

Третий этап национальной идентичности народов центрально-азиатских республик начинается с приобретением полной независимости, превращением их в субъекты мировой политики.

Дальнейшее развитие полноценной национально-политической, культурно-цивилизационной идентичности этих народов определяется во многом активным включением в евразийскую интеграции, превращением в равноправного члена евразийских международных организаций.

У народов центрально-азиатских государств имеется огромная культурно-цивилизационная основа для интегрирования. Как свидетельствуют центрально-азиатские эпосы «Манас», «Алпамыш», «Гуругли», «Сказание о Сиявуше» и другие, на торжества или обсуждение важных проблем собирались соседние народности – киргизы, таджики, туркмены, узбеки и другие. Здесь очень важно узреть достижения соседей, учиться их опыту, всегда быть готовым помочь в беде, что и происходит в центрально-азиатских странах в настоящее время. Эти страны, в том числе и Республика Таджикистан становятся открытыми обществами.

Следует отметить еще один важный момент, необходимый для позитивного и диалектического единства национально-этнической, политической идентичности и интеграционного процесса как в постсоветском центрально-азиатском регионе, так и во всей Евразии. Это касается роли России. Она была и остается политико-экономическим, культурно-цивилизационным пространством, способствующем реализации внутренних потенциалов всех народов постсоветского. Она была и остается пространством освоения достижений и учета недостатков процесса вхождения в современную демократию и рациональной либерализации общества. На наш взгляд, действительная прогрессивная и демократическая интеграция должна, прежде всего, опираться на интеграционные связи с Российской Федерацией.

Использованная литература.

1. Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира. // Век глобализации. № 4(36), 2020. С. 36-46.

ПЕРСПЕКТИВЫ МЯГКОСИЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА НА БАЗЕ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДВУХ СТРАН

*А.Х. Махмуд - соискатель на степень кандидата наук
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, Москва, Россия.*

После распада Советского Союза образовалось 15 новых независимых стран, с ещё достаточно шаткой внутренними и неустоявшимися внешними ориентирами. Бывшее союзное пространство стало напоминать разорвавшееся лоскутное одеяло. Для каждого из новых независимых государств (ННГ) первоочередной задачей явилось выбор и построение не только собственной экономики и политики, но и собственной «независимой» идеологии, которая бы отвечала не бывшим советским канонам, а новым национальным интересам свободных государств и выражала бы волю уже свободного демократического независимого населения, включиться в мировое экономическое пространство и перестроить свои экономики из плановых на капиталистические модели.

Ещё в 1990-е гг. Российская Федерация взяла курс на сближение с Западом и вступление в «круг ведущих держав», практически полностью забыв про налаживание политических и экономических связей с бывшими братскими республиками, рассматривая политику в зоне «ближнего зарубежья» как второстепенную. Что позволило Западу и другим крупным игрокам (Китай, Турция, Иран и пр.) активизироваться на постсоветском пространстве, в том числе и в самой России, которая до начала 21 века играла по правилам Соединенных Штатов Америки.

Из-за разрушения единой и достаточно сильной социалистической советской идеологии в странах постсоветского пространства возник идеологический вакуум, на месте идей конца 80-х–начала 90-х о возрождении национальной идеологии и борьбы за свободу и демократию,

после распада СССР, получив эту самую свободу и независимость, внутри ННГ возник кризис идей о том, на какой идеологии строить новую государственность. Здесь как раз подошла достаточно успешная западная модель постепенного стирания идентичности, индивидуализма и «макдонелизации», доказывающая свою продуктивность и жизнеспособность тем, что её блоковый конкурент не выжил. Даже те страны, которые внешне придерживаются более закрытых режимов, вынуждены были встать на путь капитализма и рыночной экономики для выживания, что тоже ведет к постепенной культурной унификации.

После того, как прошёл период становления стран новых независимых государств, мы можем говорить о том, что начинает появляться почва для нового формата межгосударственного сотрудничества, который будет базироваться не только на памяти о том, что мы все входили в состав СССР, а, скорее, на сотрудничестве равноправных государств, построенном на взаимном интересе и взаимной выгоде. Это даёт почву всем странам постсоветского пространства выработать для себя новые и более позитивные модели межгосударственного сотрудничества. Поэтому, с нашей точки зрения, немаловажным было бы рассмотреть перспективы такого сотрудничества на базе научной интеграции, используя инструменты мягкой силы, между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан.

Международное сотрудничество России и Таджикистана на базе научной интеграции стран

После распада СССР между РФ и Республикой Таджикистан был заключён ряд договоров о межгосударственном сотрудничестве, которые создали институциональный базис для кооперации стран в разных областях. Так в 1992 г. был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений, Соглашение между

Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном учреждении торговых представительств, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан (соглашение о свободной торговле). В 1993 г. был подписан 1993 г. договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией». В 1995 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма. В 1997 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об условиях учреждения и деятельности в г. Душанбе Российско-таджикского (Славянского) университета, а также а также договор «О союзническом взаимоотношении между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией, ориентированном на XXI век» от 16 апреля 1999 г.[5] и др. Приведённый выше перечень документов позволил создать достаточную институциональную базу для укрепления и углубления межгосударственного сотрудничества, в том числе и интеграции в области науки, образования и культуры.

О необходимости и важности невоенного межгосударственного сотрудничества с конца 90-х – начала 2000-х гг. начинает говорить всё больше учёных и политических деятелей, а 2021 г. показал что существуют глобальные угрозы такие как вирусы и эпидемии, с которыми человечество может бороться только при условии совместной научной работы, поддержки и волонтерства. О несиловых методах влияния, в том числе, путём научной интеграции, на протяжении всей истории человечества говорилось достаточно

много. Одну из последних, наиболее современных концепций несилового влияния на международной арене выдвигает американский учёный, Дж. Най-мл.

В 1991 г. Най даёт толчок новой концепции мягкой силы, в основе которой лежит понимание и утверждение того, что государствам необходимо диверсифицировать свои инструменты влияния и, кроме рычагов военного и экономического воздействия, использовать рычаги воздействия «силы привлекательности» государства. Эту «силу привлекательности» он и называет мягкой силой или *soft power*.

Как пишет Джозеф Най, - мягкая сила не является, так называем «вторым ликом власти», подразумевающим использование экономических методов, таких как угрозы или подкуп для достижения своей цели. Мягкая сила отличается тем, что главным её смыслом является достижение своих целей на внешнеполитической арене посредством того, что является предметом восхищения и одобрения со стороны окружающих. Политические и культурные ценности страны формируют её образ так, что другие готовы вдохновляться, подражать и следовать за этой страной в своей внутри- и внешнеполитической деятельности. [1, 192].

Активное использование термина «мягкая сила» идёт и в политических кругах Российской Федерации. Сама концепция мягкой силы ни раз обсуждалась на всех уровнях государственной власти и находит отклик в выступлениях главы государства и главы правительства РФ. Так ещё в 2012 году президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что «образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он искажен часто и не отражает реальную ситуацию ни в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку и культуру» и использование мягкой силы необходимо для формирования правильного образа за рубежом [6]. В 2014 году на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» президент отметил, что он не сомневается в том, что роль таких гуманитарных факторов как образование,

здравоохранение, наука и культура на международной арене будет расти, «в том числе потому, что ресурс так называемой мягкой силы будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощённости пропагандистских приёмов.» [7]

8 мая 2018 года, выступая на заседании Государственной Думы РФ, на тот момент, кандидат на пост премьер-министра России (и исполняющий обязанности премьер-министра РФ), Дмитрий Медведев подчеркнул, что на данный момент Россия не в полном объеме использует свои ресурсы мягкой силы, отмечая недостаточное количество школ по изучению русского языка за рубежом и недостаточное количество квалифицированного персонала: высококвалифицированных преподавателей по русскому языку в странах ближнего и дальнего зарубежья. А также слабое использование российского научного потенциала и культуры в качестве инструмента мягкой силы. [2]

В свою очередь, в Концепции внешней политики Республики Таджикистан (Концепция) нет прямых упоминаний о необходимости использования инструментов мягкой силы во внешней политике страны. Однако же Н.А. Салибаева говорит о том, что в Концепции закреплены «отдельные составляющие “мягкой силы”, такие как двухсторонняя, многосторонняя, культурно-гуманитарная и информационная дипломатия» [8, 18].

Академик Адуджаббора Рахмонзода говорит о том, что в Таджикистане язык, наука, литература, культура, образование и информация входят в инструменты мягкой силы страны, в следствие чего растет и международный имидж государства [3]. Также Адуджаббора Рахмонзода отмечает, что «Образование также стало мягкой силой в нашей стране в последние годы: десятки талантливых молодых людей обучаются в развитых странах Европы и Азии по международной стипендии «Дурахшандагон», некоторые из которых продолжают учебу в аспирантуре и докторантуре для популяризации таджикской

национальной культуры и образования. В то же время использование информационных и коммуникационных технологий и активных социальных сетей укрепляет дружеские отношения между таджикскими студентами и студентами региона, а участие во всемирных олимпиадах повышает престиж образования в Таджикистане. Создание филиалов престижных российских и белорусских университетов в Душанбе и открытие Международного университета Центральной Азии в Хороге также вносят свой вклад в развитие мягкой силы. За последние несколько лет развивается научно-техническое и инновационное сотрудничество между Таджикистаном и развитыми странами, значительно увеличилась совместная научно-исследовательская работа. Сегодня астрофизическими обсерваториями нашей страны пользуются ученые из других республик, и их выводы распространяются среди ученых в этой области. Подобное сотрудничество наблюдается в математике, физике и химии. Это новый процесс дружеских отношений в области науки, который способствует укреплению новых сил и культурной дипломатии в Республике Таджикистан.» [3]

Важно будет отметить, что российский учёный Неймарк М.А. в своей работе «Мягкая сила в мировой политике» выводит «стратегическую триаду» мягкой силы, где основными элементами этой концепции являются культура, образование и наука. [4]

Исходя из всего вышеперечисленного мы можем сделать вывод, что сотрудничество двух государств в области науки и образования имеет достаточный институционально-правовой фундамент и является одной из наиболее перспективных сфер развития межгосударственных связей. Что немаловажно, именно взаимная интеграция двух и более государств постсоветского пространства может сильно увеличить престиж этих государств на арене мирового научного сообщества.

Мы полагаем, в данный период времени во всех странах постсоветского пространства, в том числе в РФ и РТ, идут

процессы принятия западных систем и моделей в науке и образовании (в частности, переход на болонскую систему, стремления публикаций в журналах Scopus, переименования ступени «кандидат наук» в PhD и т.д.), что, с одной стороны – показывает желание научного сообщества бывшего СССР влиться в международную систему и стать неотъемлемой его частью, с другой – лишает эти научные системы своей идентичности.

Как нам видится, благодаря общему историческому прошлому и общности русского языка, Россия и Таджикистан имеют огромный потенциал для научной интеграции, в том числе на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета и Академий наук двух стран. Совместные программы в области естественных, точных и гуманитарных наук с совместными межгосударственными публикациями и обменом молодых учёных усилит научную интеграцию двух государств и также позволит улучшить имидж как Таджикистана для российской аудитории – так и России среди стран Центральной Азии.

Важным фактором в международном научном сотрудничестве государств должны также стать современные методики популяризации науки и образования. К сожалению, в данный момент мы видим, что основой политики мягкой силы между странами в большей степени является именно формат конференций и круглых столов, которые редко заканчиваются реализацией действенных программ, рассчитанных на углубление интеграции.

Для того, чтобы оптимально реализовывать все потенциальные инструменты мягкой силы, которые есть между двумя странами, нам видится необходимость как раз научной интеграции и научного кураторства, на базе которого можно реализовать ряд перспективных программ, например таких как:

- проведение культурных площадок на базе двух стран и не только в столичных регионах, где бы участвовали видные деятели науки и культуры России и Таджикистана. Формат

таких мероприятий должен носить именно популяристический и прикладной характер, а не исключительно научный, где за рамки научного сообщества все инициативы не выходят;

- проведение научно-технических выставок, где бы были представлены достижения и разработки двух стран, с обязательным освещением в СМИ и приглашением школьников и студентов двух стран на подобные мероприятия;

- совместные медицинские разработки, обмен и обучение медицинских кадров между странами;

- популяризация таджикского языка в РФ как альтернатива западноевропейским языкам;

- обмен учителями и научными кадрами с достойным окладом для мотивации к труду;

- популяризация поп-культуры двух стран и создание позитивного образа через понятные молодёжи и массам населения инструменты;

- популяризация туризма двух стран, организации правительственных грантов для туристических компаний РФ и Таджикистана, занимающихся развитием направлений туризма по линии Россия-Таджикистан;

- разработка совместных систем школьного и вузовского образования, отвечающего современным реалиям и углубляющего интеграционные связи государств;

- постоянная работа онлайн в области популяризации науки и культуры двух стран (создание образовательных онлайн программ в области литературы, искусства, музыки, театра и т.д. двух стран).

Таким образом страны могут достичь высоких темпов научного развития и создать задел для формирования своеобразного научного межгосударственного кластера, в который можно привлекать как государственные – так и частные инвестиции, включать все страны бывшего СССР, вести и внедрять разработки, которые могли бы конкурировать с Западом и Китаем.

Список Литературы:

1. Nye J.S.Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs. 2005. – 192 p.

2. Медведев: РФ пока применяет «мягкую силу» в мире в недостаточных объемах // ИТАР ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/5184987> (дата обращения 25.09.2018).

3. Мягкая сила и культурная дипломатия как фактор укрепления позиции таджикистана в стране и за рубежом. Размышление академика Абдуджаббора Рахмонзода // НИАТ «Ховар». 23.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://khovar.tj/rus/2020/11/myagkaya-sila-i-kulturnaya-diplomatiya-kak-faktor-ukrepleniya-pozitsii-tadzhikistana-v-strane-i-za-rubezhom-razmyshlenie-akademika-abdudzhabbora-rahmonzoda/> (дата обращения 20.04.2021).

4. Неймарк М. А. «Мягкая сила» в мировой политике. Дип. Академия МИД России - Издательско-торговая компания «Дашков и К°». Москва. 2017

5. Официальный сайт МИД РФ. Перечень основных российско-таджикских межгосударственных и межправительственных договоров. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/tj/-/asset_publisher/VfByAd5UOwu3/content/id/447440 (дата обращения: 22.04.2021).

6. Путин призывает дипломатов активнее осваивать новые технологии работы // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/politics/20120709/695256662.html> (дата обращения 25.09.2018).

7. Речь Президента РФ, Путина В.В. на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения 25.09.2018).

8. Салабаева Н.А. К вопросу о концепции «мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан // Таджикистан и современный мир. №4(54). 2016. С.18.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕЛОСТНОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА МИРОВОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ, ДВУХСТОРОННЕМ, И ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА

В.М. Немчинов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела Сравнительного Культуроведения Института востоковедения Российской академии наук, Москва

Международная конференция, собравшая мнения специалистов и экспертов, в юбилейный год Республики Таджикистан и Шанхайской организации сотрудничества, отмечаемый под председательством Душанбе, дает удобную возможность обсудить спектр научной проблематики, перспективы и нынешнее состояние дел в интеллектуальной сфере. Попробуем кратко очертить сегодняшний потенциал когнитивной и технологической динамики, представить панораму исследовательских проектов, наметить ближайшие перспективы развития и определить долгосрочные цели научной интеграции.

Начать разбирать приоритеты научной интеграции имеет смысл с констатации того, какие радикальные изменения произошли в нашей общей картине мира. Когда три десятилетия назад в советском мегарегионе накопились критические проблемы, вызванные экономическими трудностями и политическими амбициями, наиболее актуальными оказались задачи этнического самоопределения. Тогда вопрос о научных контактах, а тем более интеграции знаний, не стоял на повестке дня. Сегодня происходит принципиально иная общецивилизационная технологическая и гуманитарная трансформация. В ее основе лежат изменения, связанные с массовым распространением достижений новейшей четвертой промышленной революции. Искусственный интеллект, облачные хранилища антропогенной информации, интернет умных вещей, мощное компьютерное быстроедействие обеспечивают ранее недостижимую мгновенную обратную

связь, сократив в цифровом режиме время и пространство. Соответственно, многократно возросла доступность и скорость получения колоссального объема данных. Эти коммуникативные перемены, носят планетарный характер и с ними сталкиваются все страны, независимо от их местоположения, размера территории, численности населения и даже уровня развития. Разумеется, практика поиска приемлемых и реализуемых решений общих для всех вызовов будет неизбежно отличаться от страны к стране, но для нас важно то, что задача интеграции знаний любого уровня сложности открывает новые возможности и стала осознаваться как насущная, вполне достижимая перспектива саморазвития. С учетом того, что на разных этапах эта перспектива может реализовываться как немедленно, так и планироваться на долгие годы вперед, попробуем обсудить некоторые векторы научной интеграции, существенные для Республики Таджикистан.

Во-первых, существует широко известный круг глобальных политологических проблем мирового масштаба, первостепенных для теории международных отношений (ТМО) сверхдержав. Несмотря на якобы присущий им всеобщий характер, мы сразу выносим их за скобки данной статьи. Я это говорю потому, что, на уровне обращения к глобальной проблематике, сильная сторона ученых Таджикистана будет состоять не в следовании интересам полярных игроков и не в разработке западной мир-системной логики крупномасштабной центросиловой конфликтологии, а в совершенно ином ракурсе понимания задач, стоящих перед всем человечеством.

Общество, способное поставить на первое место именно эти интересы, окажется на самых передовых позициях. Оно сможет правильно видеть, распознавать, ставить и решать задачи будущего. Вклад ученых вашей страны видится, прежде всего, в осмыслении и постановке принципиально важных актуальных проблем планетарного уровня. Главным образом, в формулировании экологических, природо- ресурсо- человеко- и культуро-сберегающих задач нового типа. С порога «Крыши

мира» по-иному видятся те антропогенные опасности и стереотипы старого блокового противостояния, с которыми как бы сжились многие общественные институты и сложившиеся научные школы в промышленно развитых странах.

Поэтому перед современной наукой стоит общая неотложная задача формирования обучающегося общества на всех его уровнях. Именно такое целеустремленное общество позволит использовать появляющиеся ключевые возможности самого современного развития и сопрягать их с достижениями своей самобытной культуры. Особо отметим, что начавшись с практики научной интеграции, созвучное духу времени внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь граждан, вполне возможно, будет воспринято не только как важная общегосударственная задача, но и как необходимый прогрессивный целевой вектор долгосрочного развития страны и всего общества. Если это взаимодействие науки и общественной практики будет реализовываться, то на национальном уровне произойдет заметный подъем благосостояния всех слоев народа. На международном уровне уже в среднесрочной перспективе можно ожидать, что влияние малых и средних стран в мировом человеческом общежитии также начнет динамично возрастать.

Сегодня в обществе, основанном на быстро меняющемся знании, доступном самым разным по социальному положению группам людей, наука утрачивает свою старую избранническую роль «башни из слоновой кости». Она становится, при всей своей внутренней сложности, простым и надежным гуманным инструментом, предлагающим каждому удобные в работе готовые технологии, доступные и дехканину и торговцу и школьному учителю. Это можно наглядно себе представить примерно так, как совсем недавно каждому водителю неожиданно стала доступна новейшая индивидуальная спутниковая автоматическая навигация с голосовым сопровождением. Такого рода интеграционную стратегию в целом можно охарактеризовать как прыжковое развитие,

минуящее исторически последовательные шаги постепенного накопления критической массы нововведений.

Одновременно с этим следует отметить, что природно-климатическое своеобразие страны позволит Таджикистану опережающими темпами осваивать элементы «умных» городов, больших данных, цифровой агрикультуры, внедрять высокоинтеллектуальные технологии мирового уровня в экологически безопасном и органически чистом лекарственном, нутрицевтическом, фитосанитарном, ветеринарном и специализированном плантационном сельскохозяйственном производстве. Научная интеграция в этой сфере позволяет доводить до отдельных, даже небольших по размеру хозяйств использование результатов онлайн космического мониторинга и применять наиболее эффективные стандарты современного природопользования.

Ученые многих стран заинтересованы в том, чтобы передовые достижения международного уровня активно распространялись по всей цепочке от региона, области, района, дистрикта, города, поселения и вплоть до семейных и индивидуальных агентов хозяйствования. То, что даже в конце XX века казалось научной фантастикой, сегодня крайне быстро становится повседневной реальностью. Поэтому интенсивное расширение каждодневного сотрудничества, обмен передовым опытом и технологическими решениями – это уже не экзотика, а когнитивная возможность, интеллектуальная потребность и настоящая общественная необходимость.

Во-вторых, в сферу приоритетов научной интеграции входит широкий круг региональной проблематики. С каждым годом она становится все более тесно связанной с активным участием Таджикистана в перспективных направлениях всего спектра многостороннего регионального развития Шанхайской организации сотрудничества, включая проработку, анализ и демонстрационное распространение передовых и тагетированных пилотных технологий, передаваемых коллегам их партнерами по ШОС. Разумеется, интеграция это

двухсторонний процесс, который потребует напряженной подготовки, поддержки и продвижения одаренных местных профессионалов и целевых поисковых команд. Разные по своим размерам, гибкие узкоцелевые, временные и сборные научные отделения, группы и отделы будут востребованы на всех тематических направлениях, начиная с чисто академических, проектных, тематических, проблемных исследовательских групп, вплоть до прикладных, лабораторных, производственных и эксплуатационных коллективов. К ним примыкают целевые инфраструктурные программы поддержки микро-, малого и среднего бизнеса, технопарков, стартапов, коворкингов, нетворкингов, групп студенческого и молодежного творчества.

Опираясь на тематику телекоммуникационных инноваций, эти разновозрастные коллективы опытных и молодых специалистов способны вносить ценный вклад в распространение передового опыта применительно к удаленным, труднодоступным, отсталым и аридным аграрным территориям. Им по плечу по-новому решать вопросы обеспечения и сохранения жизненного благополучия традиционной большой семьи, стимулирования участия женщин в экономике, обеспечивать диалог в удаленном домашнем образовании, поддерживать практику отходничества кормильцев, содействовать их миграционной трудовой занятости, гарантировать их правовой статус, переподготовку и последующую возрастную и этно-социальную реинтеграцию.

Эта стратегия поддержки индивидуальной, семейной и бригадной самозанятости включает в себя обеспечение комплекса благоприятных условий для развертывания микро- и малого предпринимательства, народной медицины, традиционных промыслов и розничной торговли. Успех от использования плодов научной интеграции в хозяйственной и социальной практике на первых этапах будет почти всецело зависеть от моральной, организационной и публичной поддержки новых инициатив органами власти и местного самоуправления. Практика показала, что механизм запуска

жизненно важных обратных связей между инициативами ученых и вниманием к ним со стороны органов власти возможен при наличии артикулированного политического запроса на приращение знаний. В противном случае индифферентность и безразличие к исследовательской мысли будет оборачиваться неизбежным социальным застоєм и «утечкой мозгов».

Необходимо активно использовать и продвигать инициативы и готовность стран региона к усовершенствованию механизма академического, научно-технического, инновационного и культурного сотрудничества. К числу создаваемых международных интеграционных структур можно отнести многие структурные новации: Банк знаний ШОС, Круглые столы по вопросам цифровой экономики, электронной торговли и инноваций, Консорциум экономических аналитических центров ШОС, Деловой совет, Конклав молодых ученых, Молодежные конкурсы инноваций и предпринимательства, Университет ШОС, предоставление грантов и стипендий, программ обмена в научной сфере, организацию стажировок и курсов повышения компетенций IT-администраторов, специалистов, наставников и пользователей.

Их квалифицированные знания и навыки, несомненно, окажутся востребованными не только в работе самих ученых, но окажутся безусловно востребованными и для распространения цифровой грамотности среди самых широких слоев населения, особенно в удаленных сельских и горных районах страны. Не случайно страны-участницы ШОС поставили в качестве актуальной задачи объединения результатов научных разработок цель преодоления цифрового неравенства, ставшую сегодня особо значимой. На 19-м саммите ШОС была утверждена концепция развития удалённых и сельских территорий, призванная обеспечить более достойный уровень жизни в самых отдалённых и труднодоступных районах.

Сюда же нужно отнести ту необходимую узкоспецифическую часть научно-практической интеграции –

общественной, социальной, благотворительской, медицинской и волонтерской, которая должна быть нацелена на создание более достойных условий в пространстве повседневной жизни людей. Она в первую очередь будет обращена к наиболее уязвимым депривированным ментальным (деменция) и материальным (нищета) группам пожилого и обездоленного населения. Для постоянного внимания к этим вопросам участники саммита ШОС приветствовали создание специальных групп по борьбе с бедностью. Российская Федерация предложила «партнёрам новый проект – Банк лучших решений в этой сфере. Он объединил свыше 140 идей в области инфраструктуры, социальных услуг, сельского хозяйства, образования, здравоохранения»[1]. Международная гуманитарно-техническая научная интеграция в этих и в других жизненно важных сферах открывает серьезные перспективы для практико-ориентированных исследований и результативного многостороннего сотрудничества.

В-третьих, несмотря на то, что по всему миру уже широко распространены единые формы стандартизации, существует важное междисциплинарное научное направление опоры на местную этнокультурную специфику, внимания к взаимодействию локальных, сопряженных территорий и отдельных сообществ; придания значимости кросс-региональным парадигмам самобытного существования и развития. К этому целевому направлению в полной мере следует отнести и практику глокализации, в которой наблюдаются две различные по ориентации тенденции. Глокализация, изначально выступает как социо-культурное движение, противоположное по своей направленности всепоглощающей западоцентричной универсализации. В этом случае значимая часть собственного культурного наследия начинает активно передаваться, восприниматься, трансформироваться и применяться за пределами исторических районов его возникновения и локусов современного фольклорного бытования. Эту тенденцию к обогащению

культурного наследия человечества следует всемерно поддерживать. Особенно в огромной ценнейшей сфере человеческой самобытности. В местном искусстве, ремеслах, в народной мудрости, в особом отношении к пожилым людям и к воспитанию детей, в музыке и поэзии, во всем том, в чем проявляется современный дух и традиции народа. Роль научного обмена исследовательскими технологиями и результатами постижения памятников культуры здесь трудно переоценить.

Зеркальным отражением такой центробежной обогащающей все человечество культуртрегерской динамики является противоположное стремление к проникновению на локальные рынки с использованием привычных для конечных пользователей культурно-бытовых потребительских стереотипов. Центростремительная региональная адаптация глобальных и транснациональных товарных потоков, стратегия приспособления своих маркетинговых практик под местные алгоритмы самобытности не несет в себе значимого потенциала, являясь, по сути, обычной торговой экспансией.

С учетом этих обстоятельств можно сделать вывод о том, что межкультурная коммуникация оказывается самым востребованным и ценным ресурсом научной интеграции для малых по размерам своей территории стран. Она, прежде всего, относится к сфере изучения культурного наследия, истории повседневности, национальной самобытности и гуманитарных исследований общественного благополучия, поскольку здесь историческая общность малого или бывшего большим сложного географического региона позволяет проводить плодотворную работу по установлению и разработке множественных научных точек активного взаимодействия.

В-четвертых, речь идет о двухстороннем научном общении. Это сама по себе огромная и, пожалуй, одна из наиболее эффективно структурированных интеграционных сфер, необходимая каждому исследователю и науке в целом. Важнейшей особенностью этой сферы является возможность

поддержания реального научного диалога, ныне доступного в широком диапазоне от традиционных (ныне индексируемых) академических публикаций до сетевых ультрасовременных обменных систем «дата-озеро», которые выгружают тестовые результаты научной работы в режиме «день в день». Здесь имеются в виду новейшие проекты BD2K (Большие Данные Знанию), которые сводят воедино усилия рабочих групп из любой страны, что уже реально обеспечивает связанность исследуемых параметров и возможность онлайн научной интеграции в таких важных областях как биоинформатика. У специалистов возникает практическая возможность быть интегрированными в единый распределенный научный коллектив.

В традиционном же офлайн научном общении ключевыми являются давно устоявшиеся академические рецензируемые публикации в периодических изданиях таких, как например, «Доклады Академии наук Республики Таджикистан» [ISSN 002-3469] в области технических и физических наук, «Известия Академии наук Республики Таджикистан» [ISSN 0002-3477] в области биологии и сельскохозяйственных наук или «Здравоохранение Таджикистана» [ISSN 0514-2315]. В необъятной печатной инфосфере роль поисковых агрегаторов традиционно выполняют библиотекари, библиографы и авторы информационных рефератов. Но продолжать возлагать на них синергетические задачи было бы маниловщиной. Успех научной интеграции самого ближайшего времени будет зависеть от того, сможем ли мы активно и полновесно воспользоваться всеми доступными формами коммуникации; насколько интенсивно удастся обеспечивать необходимые облачные аналитико-когнитивные процессы дата-сайентистам – этим представителям новейшей высокотехнологичной интеграционной научной специальности. «Как правило, технологический вызов возникает из-за очередной неготовности общества и индивидуумов осмысленно и своевременно воспользоваться тем, что оказалось у нас под рукой. Взрывное развитие технических средств

передачи информации, объемов генерируемых данных и новое коммуникативное состояние жизнедеятельности человека, имеющие планетарный масштаб, не сопровождаются качественными сдвигами в системе личностных, интерперсональных и общественных отношений. Мы по-прежнему лениво относимся к собственному наработанному системообразующему культурно-информационному потенциалу и не любопытны к тому поколению, что идет нам вслед. Ценнейший элемент национального достояния – диалог между поколениями, оставаясь социально не востребованным, превращается в разрыв между поколениями» [2, 175].

Здесь, в конце обсуждения, мы переходим к самому главному пятому индивидуальному уровню, и ключевому ресурсу научной интеграции. Им, как это всегда было и будет, остается значимая личность ученого. Ученого, который общается со своими коллегами, где бы они ни находились. Учителя, с которым всегда может находиться в контакте молодой специалист. Таков непрерывный процесс познания, живой обмен знаниями. Подлинная научная деятельность по своей сути диалогична. Задача научной интеграции не может быть решена без налаживания постоянного творческого диалога и регулярного рабочего взаимодействия профессионалов. В каждом действенном научном коллективе, готовым к интеграционному взаимодействию на каждом из обрисованных в статье уровней, определяющим будет оставаться диалог профессионалов. Мы имеем богатую традицию такого плодотворного общения. Достаточно вспомнить неформальные журфиксы Георгия Гамова, еженедельные семинары для сотрудников Льва Ландау, открытые личные беседы с коллегами Петра Капицы или еженедельные научные диспуты в Дубне, организованные Дмитрием Блохинцевым. Два десятка неформальных доброжелательных встреч-обсуждений в год, которые сегодня могут проходить в удаленном режиме в самое ближайшее время заложат фундамент для целостной научной

интеграции, которая делает востребованным имеющийся в стране человеческий капитал.

Литература и источники

1. Заседание Совета глав правительств государств – членов ШОС, 30 ноября 2020 года <http://government.ru/news/40979/> (электронный ресурс. Дата обращения 27 апреля 2021 г.)

2. Немчинов В.М. Человекоразмерность новейших коммуникативных и информационных технологий: на пути к диалогическому знанию XXI века. //в Сборнике материалов конференции «Наука. Философия. Религия»: Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий (г. Дубна, 21—22 октября 2013г.). – М.: Фонд Андрея Первозванного, 2014. – 504 с.

КОСМОПОЛИТИЗМ БУХАРСКОГО НАКШБАНДИЯ

Нурулла-Ходжаева Наргис Т.- Докт.фил.н., доцент кафедры
Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им.М.В.Ломоносова

Абстракт:

В данной статье мы предлагаем обсудить, и возможно напомнить, что поиск истинного понимания и абстрактного знания реальности, это универсальный поиск. Суфии-накшбандия интуитивно догадывались о гравитационном притяжении атомов и масс материи, но вместо того, чтобы объяснять его механической динамикой, они обращаются к иному более масштабному видению мира. Возможно поэтому человек для суфия оставался основой истины: сгустком характеристик, без географических, культурных границ, чье мировоззрение выстраивалось на многозначности, которая может интерпретироваться как указание на то, что изначальная природа человека совместима с исламом.

Ключевые слова: Суфизм, Накшбандия, космополитизм, Центральная Азия, Хорасан

Abstract:

We would like to propose to discuss and possibly to “recall” meaning of search for the true understanding and abstract knowledge of Reality. It is a universal search. Intuitively the great Sufis predict about the gravitational attraction of atoms and masses of matter, but instead of mechanical dynamics of those particulars, they often referred to love as the main drive that creates attraction and relationship. For some Sufies, the Human remained the basis of truth: a bunch of characteristics, without geographical, cultural boundaries. Human’s worldview is built on multilateralism, which can be interpreted as an indication that the original nature of Human is compatible with Islam.

Keywords: Sufism, Naqshbandiya, cosmopolitanism, Central Asia, Khorasan

Пост-пандемная субъективность постепенно выводит исследователей на поиск новой интеллектуальной парадигмы, иных форм культуры и знаний. В таких поисках большинство продолжают фокусироваться на экономике и политике, часто без попыток понять истоки и смысл возникшей неопределенности. С другой стороны, этот пост-пандемный традиционный стереотип связан во многом с тем, что Джон Эспозито однажды назвал «светский фундаментализм», т.е. это когда религия имеет значение только как система убеждений частного характера. Такое политико-экономическое «упрямство» рассматривает синтезирование религии и политики как что-то неизбежно иррациональное. В данной статье мы предлагаем обсудить и возможно напомнить, что поиск истинного понимания и абстрактного знания реальности, есть и будет универсальным поиском. Это то, на чем выстраивается суфизм (тасавуфф).

Часть интерпретаторов суфизма на Западе считают такого рода поиск угрожающим и высокомерным. Дело в том, что признание поиска без попыток разделить мир на две сферы: светскую и религиозную, подразумевает, что все люди по своей сути понимают истину, но их постоянная склонность к границам, и к фрагментарным истинам скрывает поиск. Это во многом связано с преобладанием в современном мире негативной конструкции политического лица ислама.

Возможно интересно, что термин «фундаментализм» не значится ни на одном из языков, относящихся к исламу, т.е. такого слова нет ни на арабском, персидском, тюркском, или урду. Кроме того, продолжение курьеза в том, что все практикующие мусульмане принимают Коран и Сунну как нормативные модели «жизни», соответственно в самом понятии фундаменталист закладывается отсутствие различий среди мусульман. Все это напоминает о том, что, если убрать

многозначимость в исламе, мы, сами того не ведая, стимулируем агрессивность по отношению к религии.

В качестве образца можно сослаться на известный многим пример с понятием «джихад». Сам термин, может быть «сердцем», «языком», «руками» и только при определенных условиях, может переводиться как «меч», это когда выживание ислама находится под угрозой. Более того, в суфизме термин джихад сопровождается другим, вновь известным термином «муджахид». Большинство политологов уверенно переводят его как «борец за веру», тогда как «муджахид» это для обозначения того «кто искренне стремится к мистической жизни», кто следует заветам Пророка, что великая война, это «искреннее стремление к самопознанию», и оно морально выше, чем все войны против неверных вместе взятые. Однако с многозначностью в Исламе сложно работать, ее непросто осознать. Именно по этой причине на протяжении истории возникают исламские духовные практики, такие как суфизм, фикх и специфичная исламская историография.

Гегель и Руми

Из истории науки, большинству из нас хорошо известно, что Ньютон (1642-1727) объяснил движение небесных тел физическим гравитационным притяжением, а Кант (1724-1804) выдвинул небулярную гипотезу, которая объясняла происхождение небесных тел из раскаленного тумана. Гегель (1770-1831) используя эти идеи решается объяснить постоянно прогрессирующий динамизм как Природы, так и Разума. И в «Энциклопедии философских учений» Гегель писал: «Если хотят .. рассматривать сознание Единого не с точки зрения расчленения его в индуизме, с одной стороны, на чуждое всякой определенности единство абстрактного мышления, а с другой, на утомительное, даже становящееся скучным усмотрение его в частностях бытия, но созерцать его в его прекраснейшей чистоте и возвышенности, то тогда нужно обратиться к магометанам. Если, например, у превосходного Джелаледдина Руми на первый

план особенно выдвигается единство души с Единым» (5, 399) Такая цитата позволяет помочь понять, что Гегель интуитивно догадывался что механическая динамика не может объяснить гравитационное притяжения атомов и масс материи. Поэтому для него важно сослаться на мусульман, которым Джалалиддин Руми (1207-1273) объяснял, что «Каждый атом-частица своим танцем знаменует день, притягивается к своему партнеру магнетическим притяжением любви. Небесные тела в приветливых объятиях притягивают к себе землю» (Ei ruz, baro, ki zarraho raqs kunad; Jonho zi hushi be saru ro raqs kunad.. на персидском-таджикском). Согласно Руми, любовь является созидательной силой Единого, и она создает небесные тела из туманностей, образует звезды, планеты и системы, она же порождает жизнь. Атомы, через противоположность, образуют конгломераты в молекулах, и в ходе дальнейшей эволюционной циркуляции возникают как жизненные клетки, которые сначала появляются в растительности, а затем продвигаются к животному.

Гегель настаивал (и в этом ему следуют марксисты), что творение происходит через синтез противоположностей. Однако у Руми картина шире: эти кажущиеся противоположности являются родственными, так как в них циркулирует любовь, чье начало в Боге и все противоположности движутся к Богу, который по сути является творцом. На такой матрице на Евразийском пространстве оформлялся суфизм (тассавуф). Человек для суфия оставался основой истины: сгустком характеристик, без географических, культурных границ, чье мировоззрение выстраивалось на многозначности, которая может интерпретироваться как указание на то, что изначальная природа человека совместима с исламом (то о чем говорил В.В.Наумкин в своем докладе на недавней II Международной X Всероссийской научно-практической конференции; Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России).

Суфий: смысл и этимология термина

Существуют разные и расходящиеся мнения о возникновении термина «суфий». У самих суфиев ушло три поколения, чтобы представить свою версию этого слова. Своего рода обобщение сделал Али ибн Усман аль-Худжвири (ум. 1071) заявивший о том, что «Некоторые утверждают, что суфи назван так потому, что носит шерстяную одежду (jáma'-i súf); другие, что он назван так, потому что он находится в первом ранге (saff-i awwal); другие говорят, что это потому, что суфи заявляют о своей принадлежности к Ашаби Суффа [в Медине] которым Бог будет доволен! Другие, опять же, заявляют, что это имя происходит от слова safá (чистота). Эти объяснения истинного значения суфизма далеки от удовлетворения требований этимологии, хотя каждое из них поддерживается множеством аргументов.... Я думаю, что safá (чистота) противоположна kadar (нечистоте), а kadar - одно из качеств человека. Истинный Суфи - это тот, кто оставляет нечистоту ... «Суфи» - это имя, которое давалось и ранее давалось совершенным святым и духовным адептам ... «Тот, кто очищен любовью, чист, и тот, кто поглощен Возлюбленным и оставил все остальное, есть «Суфи». Имя не имеет производного происхождения, отвечающего этимологическим требованиям, поскольку суфизм слишком возвышен, чтобы иметь какой-либо род, от которого он мог бы быть получен» [17]. На такой «возвышенности» происходит эталонирование многозначимых суфийских проектов, синтезирующие экзотерику и эзотерику.

В одном из первых руководств для суфиев, в «Адаб ал-Муридин» (Этикет последователей) написанное Абу ан-Наджиб ас-Сухраварди (1097–1168) говорится о статусе главы суфийского братства, т.е. шейха (или пир-а); оно было наделено всеведением [16]. Силсила, т.е. священная генеалогическая связь становится устоявшимся инструментом для присоединения шейха к одному из первых четырех халифов. Данная тенденция была развита Абу Нуаймом аль-Исфахани (ум. 1038) [2]. С того периода число традиций, в которых использовались слова,

приписываемые Богу (хадис кудси [7]), в отличие от слов Пророка (хадис набави [3]) начинают увеличиваться.

Божественные изречения носили скорее назидательный характер и касались в первую очередь, духовной жизни верующего и его/ее отношения к Богу. Таким образом, суфии одобряли их как источник вдохновения и могли стать проверенным способом подтверждения силы шейха и повышения его морального авторитета. Наджм ад-Дин Кубра (1145–1220) был одним из первых кто выдвинул теорию связи с Богом, воспоминания о нем – Зикр [15, 59]. Эти и другие маркеры идентичности и ритуалы считались важнейшими в построении новых и растущих общин, которые постепенно превратились в братства вдоль многочисленных городских центров, где устраивались ханака или могильные комплексы мастеров мистического пути (тарики). Их заместители и преемники (халифы), а также их последователи и ученики (мюриды) гарантировали духовную преемственность, которая позволяла представлять ордена как непрерывную цепь преемственности Пророка.

Принципы Накшбандия

В Центральной Азии это ярко представили суфийские братства: Ясавия [10], Кубравия [8], и позднее Накшбандия [4]. Через призму установившихся церемоний и обрядов в этих суфийских институтах происходило переплетение мистического индивидуализма и общинной солидарности.

Принципы Накшбандия были оформлены тремя ключевыми фигурами ордена: Юсуфом Хамадани, Абдула Халика Гидждувани в XII веке, и Бахауддином Накшбанди (1318-1389) (от последнего идет и название ордена). Имя – Накшбанд - можно интерпретировать как «создатель узоров», или «связанный с создателем изображений».

Принципов было одиннадцать, и все они вместе отражают многомерный масштаб отношений человека и его/ее мира:

1. «Вукуф-и замани» (приостанавливая время), т.е. ценить время. Т.е. для суфия есть лишь «сейчас», «завтра», нет для суфия.
2. «Вукуф-и адади», принцип основан на постоянном декларировании зикра (помнить Бога).
3. «Вукуф-и калби» (фокусирование на сердце), произносить зикр через призму сердца. Т.е. выполнение зикра в сердце до тех пор, пока сердце само не буде напоминать о Боге.
4. «Хуш дар-дам» (концентрация на дыхании), т.е. с каждым вдохом и выдохом чувствовать близость Аллаха;
5. «Назар дар-кадам» (взгляд на шаг), с фокусированием на собственном шаге, и тогда любовь медленно проникает в сердце суфия;
6. «Сафар дар-ватан» (путешествие), путешествуя приобретать знания и приближаться к осознанию постоянного присутствия Богу;
7. «Хилват дар-анджуман» (один в толпе), будучи среди людей, дистанцировать себя от толпы;
8. «Ед-кард» (помнить) — помнить об Аллахе;
9. «Боз-гашт» (возвращаться) — постоянный процесс возвращения к мыслям о Боге;
10. «Нигох-дошт» (сохранять) — защищать сердце от вторжения посторонних ощущений;
11. «Ед-дошт» (сохранять в памяти) — познание глубины ощущений в духовной практике и необходимость защиты достигнутого состояния возврата к Богу.

Богоутдинов-Ходжсон о космополитизме Накшбадия
Историю проектирования и развития суфизма (в особенности накшбандия), без традиционного идеологического камуфляжа, показал известный таджикский философ Алауддин Богоутдинов (1911-1970). Это было в его книге «История таджикской философии», изданной в далеком 1962г. [4]. Интересно, что фамилия Богоутдинов, идет от имени «Бахауддин» (тот самый Бахауддин Накшбанд). Более того, поучительность в том, что

«наш» Богоуддинов обращается в своей книге к масштабной этике и к власти тарика. Уделяя одинаковое внимание обоим направлениям деятельности, философ пытается (по мере возможности) не фокусироваться на временных и пространственных границах, усиливая осознание того, что, их влияние выше, религиозных или культурных ограничений. Такой подход можно проиллюстрировать через термин «Islamicate». На этот раз речь идет о другом известном исследователе ислама – Маршалл Ходжсон (1922-1968). У него Islamicate, это скорее особый смешанный и неоднородный след в истории и культуре, т.е. речь не идет о границе, которая определяет отсутствие или присутствие ислама. Данная пара интеллектуалов Богоуддинов-Ходжсон по-разному, и одновременно по приблизительно схожей схеме, говорят не о фокусировании на разделении и границах, они обеспечивают исследователей пониманием иной конструкции истории мира, где Ислам имеет космополитический характер. И они же доказали, что суфизм в Хорасане, признавался скорее нормативным исламом.

Мы в свою очередь, хотим сослаться на два исторических примера из истории Центральной Азии, которые также прямо или косвенно связаны с представлением космополитизма:

- Например, известный сборник летописей «Джами ат-таварих» (Сборник летописей, на персидском-таджикском), первое историческое исследование, представившее миру концепцию «Евразия». Оно было написано великим визирем государства Хулагуидов (1298-1317) Рашидом ад-Дином Хамадани (1247–1318) [12]. Он же создал огромный институт переводчиков, который оставался центром циркуляции знаний по всей Евразии [18].

- Другой представитель региона, Тамерланг (1336-1405 гг.) спонсировал теоретическое обоснование исламского космополитизма. Это произошло благодаря встрече великого завоевателя с Ибн Халдуном (1332-1406 гг.), у стен Дамаска (в 1492г.) И тогда, и сейчас культура не отделяется от патронажа, и

тогда благодаря возможно этой встрече Ибн Халдун в своей Мукаддима [10] ввел стандарт для представления всей человеческой истории: это заселенный мир, ойкумена, карта региона от Нила до Окса, от Испании до Мавераннахра.

Конечно, космополитизм был греческим know-how, однако исламский космополитизм отличается тем, что он соединил Афро-Евразийскую ойкумену, как центр первой космополитической мировой системы. Это нашло отражение в творческом наследии философов и поэтов всего Дар-ал-Ислам . Удивительно элегантно описал этот процесс Н.И.Голенищев-Кутузов. Он писал: «От Самарканда до Толедо, перешедшего при начале Реконкисты в руки христиан со всеми своими арабскими библиотеками, тянулась одна линия культурного развития» [6, с. 150]. Однако самое интересное, что такая линия, обеспечивалась в большей степени суфизмом. И здесь немного о другой не менее интересной паре, которая также соединяет пространства, и которая во многом повлияла на оформление исламского космополитизма: Ибн Сина и Ибн Араби.

Ибн Сина и Ибн Араби

«Философ бытия» [1, 64], так называли Ибн Сина, возможно самого известного в мире бухарца. В своих трудах он уделял пристальное внимание бытию до вещей, в них самих, и после них. По словам Ибн Сина, сущность “существует независимо от того, существует оно или нет... только в уме, при проведении анализа, каждый объект во Вселенной имеет определенную сущность, к которой добавляется существование» [1,32-33]. На основе развития идей Ибн Сина, Ибн Араби представил единое бытие (Wahdat al wujud на араб). Точнее это сделал его ученик Садриддин Кунави, близким другом Джалалиддина Руми (оба умерли в 1274 в Конии). Вероятно, самой упрощенной формулой Wahdat al wujud является выражения: «Нет Бога, кроме Бога» (на араб. la illah ila allah).

Ибн Араби верил, что человек, в сверхсознательном состоянии интуиции может превзойти многообразия форм и «увидеть», или правильнее «найти» (на араб. wujud) реальность, лежащую в их

основе - единство бытия. Для него, это неизбежный онтологический факт, который происходит через осознания: (1) Неограниченного Существа, или Необходимого Существа, (2) Неограниченного Ничто, которое есть само по себе, и (3) то, что, по сути, есть объединение этих двух вещей, Верховный «Барзак».

Изложения такого видения от Ибн Араби имело глобальный резонанс. Его видели, как человека, «чье постижение универсально, в том Бог явлен более определяющим (хукм)» [14 с.153]. Вероятно, это стало самым важным его вкладом в развитие, поощряя дебаты по такого рода вопроса, по всему миру. О трудах мыслителя говорили и в Бухаре, в кругу учредителя накшбандия Бахауддина Накшбанди. Однако особое и масштабное вдохновение от Ибн Араби получили ученики Бахауддина - Ходжа Мухаммад Парса (ум. в 822/1419г.), и Мавлоно Абдурахман Джамии (1414-1492 гг.). Последний был тем, кто дал поэтическое обрамление идеям Ибн Араби, сделав их понятными и доступными на таджикско-персидском (точикӣ-форсӣ на тадж.) как в большом Хорасане, далее в Персии, в Могольской Индии, Османской Турции.

Интересно, что такая масштабность была присуща Центральной Азии, ее особой центральности. В качестве заключительного аккорда, позвольте сослаться на знаменитую миниатюру с изображением ангела, сидящего на ковре [9]. Завитки на заднем плане этой картины характерны для школ Бухары и Хорасана. Этот очаровательный крылатый ангел сидит на ковре XVI века и держит в одной руке золотую флягу и чашку. Длинный развивающийся пояс, этот элемент костюма заимствован из буддийских изображений небесных существ. В исламской традиции считается, что ангелы созданы из чистого света и олицетворяют силу добра. Художники исламского мира заимствовали художественные условности из сасанидских, христианских и буддийских традиций, чтобы изобразить красивых ангелов с большими крыльями, одетых в украшения и моду того времени.

Два куплета персидской поэзии, обрамляющие ангела, подчеркивают ее красоту через связь с Китаем, которая пользовалась большим уважением в литературе и культуре городских центров Хорасана: Suratkashi zeboi Chin/ Rav, surati khubash bubin./ E surate kash zebo chunin, /E tark kun suratkashi. (на персидском) [Китайский живописец, взгляни на нее/ И если не сможешь так рисовать, брось это занятие; пер.НН].

Смысл стихов таков: если ты не способен понять образы, которые создаются Творцом, не стоит заниматься тем, на что ты не способен.

Заключение

Выдвигаемая в данной статье тема, не означает, что само понятие космополитизм в исламском видении можно легко представить и вернуть в дискурсы исследователей. Здесь скорее о том, что нам необходимо стремиться сделать это. Такой фундаментальный сдвиг возможен с углубленным пониманием «пространства, которое было до», и которое есть «ныне», предлагая на такой основе равные возможности всем людям, и укрепляя одновременно легитимность социальной рыночной экономики. В таком ракурсе можно будет усвоить понимания, что не должно быть компромисса между развитием и процветанием. И главное, таким образом мы возможно сможем уловить необходимость не трансформировать природу, которая все еще дает нам надежду выжить.

Литература:

1. Абуали ибн Сина. Избранное (в 2-х томах). Т.1. Душанбе, Ашгабат: Культурный центр Посольства ИРИ в Туркменистане и Центр культурных и международных исследований, 2003. 451 с.
2. Асфяхани (Абу Ну'айма аль-Асфяхани) «Хильятуль-аулияъ» <https://hadis.uk/drugie-sborniki-xadisov/xilyatul-auliya-abu-nuajma-al-asbahani/>

3. Бухари М. Сахих аль-Бухари [Свод хадисов имама аль-Бухари] (Мухтасар полный вариант): пер. с араб. В. А. Нирша. М.: Умма, 2003
4. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. -Сталинабад.: Таджикгосиздат, 1961. 332с.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. 471 с.
6. Голенищев-Кутузов, Н. И. Творчество Данте и мировая культура / Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. — М.: Наука, 1971. 551с.
7. Избранные Хадисы Кудси. Перевод с арабского. М.: ООО «Издательская группа «САД», Казанский исламский колледж, 2009 г. – 136 стр. (В книге собраны более 30 хадисов-кудси из сборника хадисов Имама Аль-Бухари «Аль-джами ас-сахих»)
8. Маликов А.М. Последователи ордена Кубравия и культурное влияние Хорезма в Центральной Азии и Китае (XIII - XVIII вв.) // Казахи и Хивинское ханство. Каскелен: Университет имени Сулеймана Демиреля, 2020. С.81-117
9. Миниатюра 1948,1009,0.54 в Британском музее; The British Museum https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1948-1009-0-54
10. Мехти С. Путь Ясави и его роль в развитии ислама в Центральной Азии (рус.) // Вестник Челябинского государственного университета : журнал. — Челябинск, 2007. — № 23. — С. 150—159.
11. Мукаддима (араб. “Введение”) «Философская энциклопедия» <http://dic.academic.ru>
12. Наср Сайид Хосейн Философы ислама: Авиценна (Ибн Сина), ас-Сухраварди, Ибн Араби / пер. с англ., предисл. и коммент. Р. Псху. М.: Языки славянских культур: ООО «Садра», 2014. 149с. - (Философская мысль исламского мира. Переводы / Российская акад. наук, Ин-т философии; Т. 3). [Электронный ресурс]. URL: <http://iphras.ru/uplfile/smirnov/mysl/perevod/3/nasr3.pdf> (дата обращения 3.05.2017).

13. Рашид-ад-Дин, Ф. Сборник летописей / Ф. Рашид-ад-Дин ; пер. Л.К. Арендс. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – Т. III. – 989 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=64901> (дата обращения: 14.11.2019). – ISBN 978-5-9989-6872-3 . – Текст : электронный.
14. Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М.: Наука (издательская фирма "Восточная литература"), 1993.
15. Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В.Сагадеева: собр. пер. в 3-х томах. Т.1 / сост. и отв. ред. Н.Ц.Кирабаева. М.: Изд. Дом Марджани, 2009. 272 с.
16. Тримингэм Дж. С. / Пер. Азы Ставиской. Суфийские ордены в исламе https://www.jagannath.ru/users_files/books/Sufiiskie_ordeny_v_islame.pdf
17. Худжвири (Али ибн Усман аль-Худжвири) Раскрытие скрытого за завесой для сведущих в тайнах сердец; Litres, 2021.
18. Шахиди М. Ибн Сина и Данте. К проблеме преемственности поэтики Востока и Запада. Душанбе, 'Дониш', 1986
19. Шахиди М. Мусульманско-христианский диалог в современном искусстве (на примере художественного мышления в Таджикистане. В Мировые религии в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания. ЮНЕСКО; Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии; Санкт-Петербург, 2011, стр. 205-214 https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000214008_rus
20. Paul D. Buell How did Persian and Other Western Medical Knowledge Move East, and Chinese West? A Look at the Role of Rashid al-Din and Others ; 2007 Asian Medicine 3(2):279-295

References

1. Abuali ibn Sina. Izbrannoe (v 2-kh tomakh). T.1.[Favorites (in 2 volumes)] Dushanbe, Ashgabat: Kul'turnyi tsentr Posol'stva IRI

- v Turkmenistane i Tsentr kul'turnykh i mezhdunarodnykh issledovaniy, 2003. 451 p. (In Russian).
2. Asfahani (Abu Nu'ayma al-Asfahani) "Khilyatul-awliya" Available at: <https://hadis.uk/drugie-sborniki-xadisov/xilyatul-aulya-abu-nuajma-al-asbaxani/>
 3. Bukhari M. Sahih al-Bukhari [Code of Hadiths of Imam al-Bukhari] (Mukhtasar): trans. with arab. V.A.Nirsha. Moscow: Umma, 2003
 4. Bogoutdinov A.M. Essays on the history of Tajik philosophy. -Stalinabad: Tajikgosizdat, 1961.332 Pp.
 5. Hegel G.V.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. T. 3. Philosophy of the Spirit. – Moscow: Mysl', 1977. 471 Pp.
 6. Golenishchev-Kutuzov, N.I. Dante's work and world culture / Ilya Nikolaevich Golenishchev-Kutuzov. - M.: Nauka, 1971.551 Pp.
 7. Selected Hadiths of Qudsi. Translated from Arabic. M.: LLC "Publishing group" SAD", Kazan Islamic College, 2009 - 136 Pp.
 8. Malikov A.M. Followers of the Kubraviya order and the cultural influence of Khorezm in Central Asia and China (XIII - XVIII centuries) // Kazakhs and the Khiva Khanate. Kaskelen: University named after Suleiman Demirel, 2020. pp. 81-117
 9. Miniature 1948,1009,0.54 in the British Museum; The British Museum https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1948-1009-0-54
 10. Mekhti S. Way of Yasawi and its role in the development of Islam in Central Asia (Russian) // Bulletin of the Chelyabinsk State University: journal. - Chelyabinsk, 2007. - No. 23. - P. 150-159.
 11. Mukaddima (Arabic "Introduction") "Philosophical Encyclopedia" <http://dic.academic.ru>
 12. Nasr Sayyid Hossein Philosophers of Islam: Avicenna (Ibn Sina), al-Suhrawardi, Ibn Arabi / per. from English, foreword. and comments. R. Pskhu. M.: Languages of Slavic cultures: LLC "Sadra", 2014. 149s. - (Philosophical thought of the Islamic world. Translations / Russian Acad. Sciences, Institute of Philosophy; T. 3). [Electronic resource]. URL: <http://iphras.ru/uplfile/smironov/mysl/perevod/3/nasr3.pdf> (date of treatment 05/03/2017).

13. Rashid ad-Din, F. Collection of chronicles / F. Rashid-ad-Din; per. OK. Arends. - Moscow: Direct-Media, 2010. - T. III. - 989 p. - Access mode: by subscription. – Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=64901> (date of access: 11/14/2019). - ISBN 978-5-9989-6872-3. - Text: electronic.
14. Smirnov A.V. Great Sheikh of Sufism (the experience of paradigmatic analysis of the philosophy of Ibn Arabi). M.: Science (publishing company "Vostochnaya Literatura"), 1993.
15. Medieval Arab-Muslim philosophy in the translations of A.V. Sagadeev: sobr. per. in 3 volumes. Vol. 1 / comp. and otv. ed. N.Ts.Kirabaeva. M.: Ed. House of Mardzhani, 2009. 272 p.
16. Trimmingham J.S./Trans. Azy Staviskoy. Sufi orders in Islam. Available at: https://www.jagannath.ru/users_files/books/Sufiiskie_ordeny_v_islame.pdf (In Russian)
17. Khujwiri (Ali ibn Usman al-Khujwiri) Revealing what is hidden behind the veil for those who know the secrets of hearts; Litres, 2021
18. Shahidi M. Ibn Sina and Dante. To the problem of secessions of poetics of East and West. Dushanbe, 'Donish', 1986
19. Shahidi M. Muslim–Christian Dialogue in contemporary art (through artistic thinking in Tajikistan). World religions in the context of contemporary culture: New perspectives of dialogue and mutual understanding. UNESCO; St.Peterburg's brunch of the Russian Institute for Cultural Studies. 2011, стр. 205-214 https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000214008_rus
20. Paul D. Buell How did Persian and Other Western Medical Knowledge Move East, and Chinese West? A Look at the Role of Rashid al-Din and Others ; 2007 Asian Medicine 3(2):279-295

НАСЛЕДИЕ СУФИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Джафар Холмуминов

доктор философских наук, доцент кафедры "Истоковедение и герменевтики суфизма" Ташкентского государственного университета востоковедения

Абстракт:

Духовное наследие суфизма – общее наследие всех народов исламского мира. Причем это духовное наследие принадлежит всему человечеству. В сегодняшнюю эпоху глобализации, когда малые национальные культуры остаются под сильным влиянием могущественных культур, особое значение приобретает научное изучение суфизма, внесшего огромный вклад в развитие мировой цивилизации на протяжении 1200 лет. Суфизм – это историческая сущность народов региона, ценящаяся как высший способ философского и художественного мышления человека.

Ни для кого не секрет, что сегодняшний человек страдает духовной нищетой и душевным кризисом. Духовные и философские учения, такие как суфизм, являются уникальной вакциной от таких кризисов.

Работа, проделанная мировыми учеными по истории и философии суфизма, подобна капле из моря. Это только начало. В этом отношении предстоит еще много работы, и впереди еще предстоит провести ценные исследования в этой области.

Поэтому естественно, что совместное изучение, исследование и представление этого религиозного, философского, нравственного и эстетического учения как общего наследия наших народов мировому научному сообществу даст положительные результаты.

Ключевые слова:

Суфизм, тасаввуф, духовное наследие, исламский мир, глобализация, национальные культуры, научное изучение суфизма, исследования суфизма, народы региона, современный мир, история, современность, духовность, ценности, история и философия суфизма, фундаментальные исследования, мировоззрение, учения, орден, тарикат, учения Накшбандия, философия Вахдат уль-вуджуд, религиозно-нравственный, суфийско-философский.

Abstract:

The spiritual heritage of Sufism - the heritage of all the peoples of the Islamic world. And this spiritual heritage belongs to all mankind. In today's era of globalization, when small national cultures remain under the strong influence of powerful cultures, the scientific study of Sufism, which made a huge contribution to the development of world civilization for 1200 years. Sufism is the historical essence of the peoples of the region, appreciated as the highest way of philosophical and artistic thinking of man.

It's no secret that today's person suffers from a spiritual poverty and the mental crisis. Spiritual and philosophical teachings, such as Sufism, are a unique vaccine from such crises.

The work done by global scientists by history and the philosophy of Sufism, like a drop of the sea. This is only the beginning. There is still a lot of work in this regard, and there is still valuable research in this area.

Therefore, it is natural that the joint study, study and presentation of this religious, philosophical, moral and aesthetic teaching as the general heritage of our peoples to the world scientific community will give positive results.

Keywords:

Sufism, tasawwuf, spiritual heritage, Islamic world, globalization, national cultures, scientific study of Sufism, research of Sufism, peoples of the region, modern world, history, modernity,

spirituality, values, history and philosophy of Sufism, fundamental research, worldview, teachings, order, tarikat, Naqshbandiya teachings, Philosophy of Wahdat ul-wujud (Unity and Existence), religious-moral, Sufi-philosophical.

Во всем мире начинают признавать, что наследие предков является теоретической основой развития науки и современных знаний. Возрастает необходимость следовать принципу историчности в соблюдении идеалов и норм познания. Изучение наследия предков приобретает актуальное значение для обеспечения преемственности знаний, сравнительного анализа взглядов великих мыслителей на бытие, вселенную, природу, духовность человека применяя современные научные инновации, определения их взаимосвязей и различий.

В ряде научно-исследовательских институтов и центров мира проводятся исследовательские работы на основе сравнительного анализа религиозного и философского наследия мыслителей Востока для раскрытия значения их идей в воспитании современного человека, изучения и изменения мира религиозно-просветительских взглядов, исследования научных аспектов о счастье в двух мирах, раскрытия причин склонности человека к добру и греховности, обоснования необходимости соблюдения культуры примирения (мирного сосуществования) в общественных отношениях при изучении смыслов сур и аятов Священного Корана и Хадисов.

В Узбекистане придается особое внимание исследованию взглядов мыслителей Востока о Вселенной и человеке, бытия и природе, религии и вере, личности и обществе, управлении государством и обществом, образовании и воспитании, семье и браке, а также по использованию их идей, которые соответствуют духу времени. Также, «глубокое изучение, глубокое понимание и широкая популяризация произведений мыслителей Исламского мира – великих предков, их бесценного вклада в развитие всей мировой цивилизации» [12,35] выступает в качестве средства обеспечения преемственности

между поколениями. «Религия призывает нас к миру и доброте, к бережному хранению истинных человеческих качеств. В настоящее время, изучение неопределенного вклада многих ярких деятелей Центральноазиатского Ренессанса в исламскую и мировую цивилизацию»[25] приобретает все большее значение в обеспечении соотношения религиозных и светских знаний, в формировании светского мышления.

Таджикские ученые провели фундаментальные исследования по изучению сущности учения Накшбандия и философии Вахдат уль-вуджуд, по обоснованию факта, что она является специфическим прогрессивным мировоззрением в истории ислама. Надо отметить что в Таджикистане еще в советский период была сформирована научная школа по исследованию истории, философия и литературы суфизма. Научные труды М.Раджабов,[18] А. Мухаммадходжаев[13] и К.Олимов являются из ценных исследований по этой области. В этом направлении труды доктора философских наук, профессор, академика К.Олимов как «Философские и социально-эстетические взгляды Санаи», «Мировоззрение Санои» и «Мировоззрение Абдуллох Ансори» имеют особое значение. К.Олимов после независимости страны продолжал свои исследования в этом контексте и опубликовал свои следующие монографии как «Хорасанский суфизм», «Хорасанский суфизм: Опыт историко- философского исследования» и «Исследование по суфизму», которые считаются большими научными достижениями в области изучения исламской философии.[17]

В исследованиях таких российских ученых-востоковедов, как Е.Э. Бертельс,[2] В.А.Гордлевский,[4] М.Т.Степанянц,[21] А.Д.Кныш[8] раскрыта сущность тарикатов тасаввуф и значение философия ислама.

Ученые-востоковеды Узбекистана Н.Комилов,[10] Б.Валиходжаев,[5] И.Хаккул,[26] Ш.Сироджиддинов,[20] С.Олим,[16] С.Сайфуллох[19] занимались вопросами, связанными с влиянием суфизма на художественное творчество, философы Р.Носиров,[15] Г.Наврузова,[14] Р.Шодиев[24] и

Дж.Холмуминов[23] исследовали философские стороны суфизма, А.Усман,[22] Э.Каримов[9] и Б.Бабаджанов[1] занимались исследованиями истории суфизма и своими монографиями, трактатами и статьями внесли достойный вклад в эту научную сферу.

Сочетающее в себе почти 600-летний теоретический и практический опыт религиозно-философского учения суфизма, тарикат Ходжагон-Накшбандия воплощает в себе самые важные идеи и традиции различных мистических школ, имеет сильное логическое и животворное содержание. Его истоки восходит к пророку ислама Мухаммаду (мир ему и благословение). Следует также отметить, что учение Ходжагон-Накшбандия является последним суфийским орденом в истории исламской философской мысли и суфизма. Все последующие школы суфизма, будь то в Центральной Азии или Индии, Малой Азии или на Кавказе, являются ветвями учения Накшбандия.

За свою почти 900-летнюю историю доктрина Ходжагон-Накшбандия дала огромное духовное наследие исламскому миру и человечеству в целом. Взгляды великих мистиков и мыслителей на образцовую жизнь, нравственность, образ жизни, религию и мир, мир и человека, науку и просвещение, любовь и привязанность, научные и литературные произведения по различным наукам и темам занимает особое место в истории мысли.

Ходжа Бахауддин Накшбанд переработал многовековые обычаи и ритуалы коренных жителей Мавераннахра как таджики и узбеки, на основе Корана и Сунны и вернул их людям в прекрасном порядке. Другими словами, в учении Накшбандия религиозные обряды были локализованы. Кроме того, термины и концепции суфизма, которые по-прежнему в основном арабские были разработаны на персидско-таджикском языке, который был понятен и близок сердцам населения.

Учение Накшбандия поднялось до уровня истинного духовного наставника народов Мавераннахра. В нем говорится, что «главное требование – очистить сердце от пыли мира, найти

свет в душе, сражаясь с самим собой, и вышить имена Аллаха в сердце. Зикри хафи (тайное воспоминание Бога) служил этой цели. «Быть с людьми извне, с Истиной изнутри», совершая каждый вздох с воспоминанием о Боге, делать каждый свой шаг ради благих дел, делать добрые дела, путешествовать по родине, посещать могилы святых, пробуждать невежественных от плохого, и достигать бодрости души были основными методами воспитания Накшбандия».[11,294] Все это, несомненно, оказало положительное влияние на формирование национальной идентичности, менталитета, образа жизни и образа мышления современных таджиков, узбеков и других народов, проживающих в Мавераннахре. Иными словами, учение Накшбандия не только духовно и морально объединила тюркоязычные и персоязычные народы региона, но и приняла активное участие в процессе их формирования как нации. Сохраняя память о Боге в сердце, благочестие, человечность, веру, доброту, уважение к родителям, старшим и учителям, усердие, гармония, терпимость, воспоминание о прошлом, человеческое достоинство, регулярно работая в различных сферах общественной жизни, уважение ценностей, патриотизм, честность, порядочность, чистый образ жизни и тот факт, что сотни других благородных ценностей и великих человеческих качеств прочно укоренились в умах народов региона, также основаны на священной религии ислама и учении Накшбандия.

Некоторые думают, что суфизм – это устаревшая наука, которая не нужна современному человеку. С этой точки зрения, в то время, когда наука и технологии развиваются на высоком уровне, кажется, что такие знания действительно не нужны. Но жизнь и действительность показывают, что это не так.

К сожалению, современный человек страдает духовной бедностью и живёт духовным кризисом, несмотря на развитие и восхождения. Человечество, отчужденное от своей изначальной природы, все больше становится похожим на Мерсо Альбера Камю, который тихонько курит и хочет выпить кофе, хороня свою мать («Чужой»). Суфизм – это такой образ

мышления, что он никогда не сеет со временем. Потому что он тесно связан с природой человека, его психикой и внутренним миром. Потому что это вселяет в человека уверенность в завтрашнем дне, дает ему духовную силу и поддержку. В этом смысле мистицизм - это учение, которое существовало и может существовать в разные времена и в разных местах.

Посолько религия является великим компенсатором духовного мира человека, религиозно-духовные и философско-этические учения, такие как суфизм, являются полезной вакциной от таких кризисов.

Наследие суфизма – это общее духовное наследие всех народов исламского мира, включая узбекских, таджикских и других народов Центральной Азии. Причем это духовное наследие принадлежит всему человечеству. Потому что замечается очень много сходства между суфизмом и философской мысли Запада. Надо отметить, что «формально оставаясь на почве Корана и довольствуясь аллегорическим толкованием его слов, суфии в действительности стояли гораздо ближе к домусульманским учениям. «Представление суфиев о божестве и средствах сближения с ним более всего напоминает учение последних представителей античной философии, неоплатоников, неопифагорийцев; замечаются также сходства с европейской Каббалой на Западе, с буддизмом и вообще индийским отшельничеством на Востоке».[7,18]

В сегодняшнюю эпоху глобализации, когда малые национальные культуры остаются под сильным влиянием могущественных культур, особое значение приобретает научное изучение суфизма, внесшего огромный вклад в развитие мировой цивилизации на протяжении 1200 лет. Суфизм – это историческая сущность мусульманского Востока, ценящаяся как высший способ философского и художественного мышления человека и познания мира. По словам крупнейшего русского востоковеда Е.Э.Бертельса, «Не изучив суфийской литературы, нельзя составить полное представление о культурной жизни средневекового мусульманского Востока».[3,54] Когда идёт

речь о значении такого интеллектуального феномена, как суфизм, хочется напомнить слова Е.Э. Бертельса о том, что «в истории европейской культуры период IX-XIII вв. представляет собой время глубочайшего упадка, то нельзя не прийти к выводу, что именно труды восточных философов вывели европейские народы из тупика и указали им путь дальнейшего развития».[3,27]

Как отмечает известный ученый Н. Комилов, «Суфизм – специфическое учение, развивавшееся во взаимосвязи с религией и шариатом с одной стороны, философией и мудростью с другой».[10,245]

Работа, проделанная мировыми учеными по суфизму, подобна капля из море. Это только начало. В этом отношении предстоит еще много работы, и впереди еще предстоит провести ценные исследования в этой области.

Поэтому естественно, что совместное изучение, исследование и представление этого религиозного, философского, нравственного и эстетического учения как общего наследия наших народов мировому научному сообществу даст положительные результаты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛИТЕРАТУР

1. Бабаджанов Б.М. Политическая деятельность шейхов накшбандия в Мавераннахре (1 пол XVI в.): Автореф. дисс... канд.ист. наук. – Ташкент, 1996.

2. Бертельс Е.Э. Навои и Джамии. – Москва, 1965; Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. // Изб. труды: Т.3. – Москва, 1965.

3. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. – М.: “Наука”, 1965. – С.54.

4. Гордлевский В.А. Бахауддин Накшбанд Бухарский. Изб. Соч. Т.3. – Москва, 1962. – С.369-386.

5. Валихўжаев Б. Хўжа Ахрори Вали. – Самарқанд: “Зарафшон”, 1993; Валихожаев Б. Хожа Ахрор тарихи. – Тошкент: “Ёзувчи”, 1994.

6. Жузжоний Ш. Тасаввуф ва инсон. – Тошкент: “Адолат”, 2001.
7. Ислам в современной политике стран Востока. – М.: “Наука”, 1986. – С.18.
8. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. / Пер. с англ. М.Г.Романов. – СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2004; Knish A.D. Sufism: A New History of Islamic Mysticism. – Michigan, 2017.
9. Каримов Э. Некоторые аспекты политической и религиозной-философской практики накшбандия в Мавераннахре XVв. / В сб: “Из история суфизма. Источники и социальная практика”. –Тошкент: “Фан”, 1991.
10. Комилов Н. Тасаввуф. – Тошкент: “Мовароуннахр” – “Ўзбекистон”, 2009.
11. Комилов Н. Накшбандия. / ЎзМЭ, 6. – Тошкент: “Ўзбекистон Миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2003. – Б.294.
12. Мирзиёев Ш. Миллий тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириб, янги босқичга кўтарамиз. – Тошкент: “Ўзбекистон”, 2017. – Б.35.
13. Мухаммадходжаев А. Гносеология суфизма. – Душанбе: “Дониш”, 1990; Мухаммедходжаев А. Идеология накшбандизма. – Душанбе: “Дониш”, 1991.
14. Наврўзова Г., Сафарова Н. Амир Кулол ва Баҳоуддин Накшбанд дунёқарашлари. – Бухоро, 1996; Наврўзова Г. Накшбандия тасаввуфий таълимоти ва баркамол инсон тарбияси. Фалс. фан.док. ... дисс. автореф. –Тошкент, 2002; Наврўзова Г. Баҳоуддин Накшбанд. –Тошкент, 2011.
15. Носиров Р. Тасаввуф таълимоти, унинг моҳияти ва аҳамияти (Ўқув кўлланма). –Тошкент, 1996.
16. Олим С. Навоий ва Накшбанд. – Тошкент: “Ўқитувчи”, 1996.
17. Олимов К. Философские и социально-этические взгляды Санои. Дис... канд. философ. наук. – Душанбе, 1970; Олимов К. Мирозрение Санои. – Душанбе, 1973; Олимов К.

Чаҳонбинии Абдуллоҳи Ансорӣ. – Душанбе, 1988; Олимов К. Хорасанский суфизм. – Душанбе, 1994; Олимов К. Хорасанский суфизм. – Душанбе, 1994; Олимов К. Хорасанский суфизм: Опыт историко - философского исследования. – Ташкент, 1994; Олимов К. Баррасиҳо дар тасаввуф. – Душанбе, 1999.

18. Раджабов М. Абдурахман Джамии ва таджикская философия XV века. – Душанбе, 1968.

19. Рафиддинов С. Мажоз ва ҳақиқат. – Тошкент: “Фан”, 1995; Сайфуллоҳ С. Буюклар ҳалқаси (олтин силсила валийлари). – Тошкент: “Noshirlik yog`dusi”, 2011.

20. Сироҷиддинов Ш. Ўзбек адабиётининг фалсафий сарчашмалари. – Тошкент: “Янги аср авлоди”, 2011.

21. Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. – Москва: «Наука», 1987; Степанянц М.Т. Восточная философия. – М., 2001.

22. Усман Ариф. Крупнейшие суфийские братства Центральной Азии. – Самарканд, 1999; Усмон О. Нақшбанд ва унинг таълимоти ҳақида. – Т.: “Университет”, 2003; Усмон О. Ғиждувоний таълимоти. – Тошкент: “Фан”, 2003.

23. Холмўминов Ж. Жомий ва ваҳдат ул-вужуд таълимоти. – Т.: “Ўзбекистон миллий энциклопедияси” Давлат илмий нашриёти, 2008; Холмўминов Ж. Ваҳдат ул-вужуд фалсафаси ва Нақшбандия таълимоти (Ибн ал-Арабий, Хожа Муҳаммад Порсо, Хожа Аҳрор Валий ва Мавлоно Абдурахмон Жомий қарашлари асосида (Монография). – Т.: “Тафаккур”, 2020; Jafar Kholmuminov. Dschami in Europa. Fus dem Usbekischen von Asror Rakhmonov. – Т.: “Yangi nashr”, 2016; Жаъфар Холмўминов. Нақшбандия таълимоти ва Марказий Осиё халқлари маънавий бирлиги. – Т.: “Янги нашр”, 2018; Жаъфар Холмўминов. Хожа Муҳаммад Порсо Бухорий. Ҳаёти ва фалсафий-ирфоний мероси. – Т.: “Тафаккур томчилари”, 2020.

24. Шодиев Р. Суфизм в духовной жизни народов Средней Азии. Дисс. канд. истор. наук. – Самарканд, 1993;

Бозоров О, Шодиев Р. Ўрта Осиё тасаввуфи ва ахлоқий кадриятлар. – Самарқанд, “Зарафшон”, 1992.

25. Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М.Мирзиёвнинг БМТ Бош Ассамблеясининг 72-сессиясида сўзлаган нутқи. “Халқ сўзи”. 2017 йил, 20 сентябрь.

26. Ҳаққул И. Хожа Ориф Моҳитобон. – Тошкент: “Ёзувчи”, 1996; Ҳаққул И. Тасаввуф ва шеърят. – Тошкент: “Чўлпон”, 1991.

ПОЭТИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Мунира Шахиди- к.ф.н., доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ, чл.корр. Кэмбриджского Университета с 2011г.

Абстракт.

Одним из решающих перемен в глобальной политике последних лет, вызванных пандемией Корона-19, стало изменение панорамы Международных Отношений (МО) и уравнивание прав 'малых' и 'больших' народов перед лицом естественных, природных катаклизмов. И хотя как всегда, в решающие моменты изменения политики МО, Таджикистан прибегает к искусству поэтического слова, такая гибкость в МО, оценённая в научных кругах недавнего прошлого, не могла быть принята как инструмент создания межкультурных отношений иерархией партийной власти 20в.

Данная статья обсуждает роль поэтики ГО, легализованного в Таджикистане президентом страны Эмомали Рахмоном с 1996г., и имеющего весьма определённое влияние на формирование нового межкультурного глобального сообщества в регионе и вне в 21в. И хотя на протяжении десятилетий местное академическое сообщество изнутри освобождается от сдерживающих рамок идеологии недавнего прошлого, критический взгляд местных специалистов и экспертов только начинает привлекать деятелей политической культуры глобального масштаба. Итак, взгляд из Таджикистана.

Предисловие.

Гражданское общество в Таджикистана пережило три испытания с самого начала 90х. Во-первых, страна, как и весь регион ЦА, была выброшена из общего бюджета Советского

Союза группой про славянских политических деятелей. Вторых, шок, вызванный этим вандализмом, вылился в гражданскую войну в Таджикистане, хотя как противостояние разрушительным тенденциям, был создан Общественный Совет при Президенте страны, легализовавший ГО как национальное движение за мир и развитие страны. За этим актом последовала публикация ряда законов, в том числе 'Закон о Культуре', давший деятелям науки и культуры свободу в создании новых контактов в регионе и вне. И хотя указ о политике 'открытых дверей', обнародованный в 2010г. способствовал развитию парадигмы таджикской культуры в регионе и вне, пандемия Корона-19 в очередной раз изменила расклад МО в регионе и в мире, что и стало третьим испытанием в стране, в регионе и в мире.

Решающее значение приобретают такие проекты, как GCGF COMPASS, призывающие к исследовательской интеграции, влиянии на правительственные структуры и устойчивые сообщества через восстановление органической, специфической культуры Таджикистана, больше направленной на объединение и добрососедство, чем на разъединение и унификацию. Как специалист в области сравнительных исследований поэтики Востока и Запада, могу сказать, что хотя одной из главных причин уязвимости ГО в Большой Евразии, является разрыв в глобальной системе знаний, образовавшийся в эпоху колонизации и разделения ЦА и Индии между Царской Россией и Великобританией в эпоху модерна, этот разрыв был постепенно преодолён в МО, благодаря межакадемическим, межуниверситетским взаимодействиям стран ЦА и России. Однако парадокс в том, что во время разделения власти в постсоветском пространстве, вместе с водой из ванночки, был выброшен и ребёнок, которым было межакадемическое, межуниверситетское искусство объединения народов. И хотя CORONA-19, способствуя объединению 'малых' и 'больших' стран в развитии Евразийского взгляда на межкультурные взаимоотношения, активизировала научные разработки именно

в формировании новых межкультурных отношений во имя глобального здоровья планеты, реформы МО, предпринимаемые ООН происходят слишком медленно. И хотя об особенностях ЦА как единого многонационального, много этнического региона, относительно мирно перешедшего от одной системы управления к другой, говорят много, эти особенности сегодня обретают особое значение именно в связи с пандемией.

ЦА, как регион, исторически формировавшийся на перекрестке культур Востока и Запада, обладает уникальной способностью гармонизировать культуры. Практическое использование этой способности, начавшееся в 20-30х гг. прошлого века, сначала 'молчаливо' в контексте концепции ханафитской традиции Исламской цивилизации, а с 40-60гг. через восстановление Бедизизма в академических кругах советского востоковедения, в последние годы вызывает особый интерес к поэтике ГО 'провинций' глобальной цивилизации. И хотя объединение ГО под эгидой Президента страны дало толчок для его развития с 1996г., сегодняшнее состояние ГО требует поддержки Большой Евразии. При этом необходимо учитывать и особенности ГО Таджикистана, которые сегодня легализуются на глобальном уровне в контексте проектов на уровне ЮНЕСКО и других институтов ООН. И хотя Таджикистан, с самого начала появления на карте мира в 1929г. заложил концепцию научного переосмысления формирования регионального гражданского общества, в корне двуязычного и много этнического, формировавшегося в контексте противостояния насильственным, военизированным нападениям извне., а к 50гг. прошлого века такое направление национально-региональной мысли стало обретать реальные, межакадемические связи, то теперь этот процесс обретает глобальный характер, а соответственно требует переосмысления или даже, как говорит президент РАН, Александр Сергеев, 'перезагрузки' в пространстве Большой Евразии.

Однако любая 'перезагрузка' начинается с критического осмысления недавнего прошлого: то есть, как говорили Таджикские мыслители: с отделения зёрен от плевел. В отличие от европейского востоковедения, довольно фривольно осваивающегося литературно-культурные факты классического периода персоязычного мира, в основе востоковедения советского периода было заложено выявление изменения траектории поэтики гражданского общества в контексте соединения культур. Такое направление давало возможность противостоять колониализму извне, сохраняя свободу мысли, заложенную в поэтике ГО, что и помогало преодолевать идеологические рамки советского времени. В отличие от русской оппозиции, открыто выражавшей свои взгляды на ошибки правительственных структур, таджикская оппозиция поддерживала 'скрытые' движения за рубежом, а затем открыто и всестороннее приветствовала результаты борьбы за независимость. Примером чему может служить Индия, завоевавшая мирным путём Независимость в 1947г. Понимание обществом 'Индийского стиля' Персоязычной поэтики ГО, развивала уникальную интеграционную способность Ислама ЦА к, например, к Китайской и Индуистской цивилизациям, объединяя Китай, ЦА и Индию через поэтику ГО.

Поэтика ГО ЦА, Китая и Индии, уходящая корнями в прославлении труда, творчества и искусство общения, определилась в своих основных, генерирующих параметрах в творчестве двуязычного поэта, Алишера Навои (1441-1501). Образ Фархода из поэмы 'Фарход и Ширин', повествующий о внутренней трансформации китайского принца, влюбившегося в Хорасанскую красавицу Ширин и ставшего строителем канала, стал фигурой №1 во времена строительства Ферганского канала в 30-40гг 20в. Как основа формирования нового академического видения международных связей 20в., эта идея дала толчок для создания нового национального театра как в Таджикистане, так и Узбекистане, в том числе, национальной оперы и балета. Основанная содружеством Евразийских творческих сообществ,

эта форма гражданских, межкультурных коммуникаций вылилась в создании национальной оперы Таджикистана, созданной композитором Зиёдулло Шахиди на основе одноимённой поэмы Абдулкадыра Бедила, признанного 'властелином умов' Бухарских реформаторов 19/20вв. И хотя большим препятствием для понимания этого творческого феномена в поэтике Востока и Запада является разница в понимании самого понятие искусства, нужно учесть, что искусство государственного управления пришло в Таджикистан вместе с осмыслением 'Комментарий Ибн Сины на Поэтику Аристотеля', заново открытого автором этих строк в 80е годы прошлого столетия.

Сегодня не только Ибн Сино/Авиценна (р.980, в Бухаре) но целый ряд Таджикско-Персидских мыслителей находится в центре исследований мирового сообщества. Теперь, когда творчество Джалалоддина Руми , родившегося на берегах Вахша, и особенно ' Поэма о секретах' стала бестселлером на Западе, то пора напомнить, что восстановление этой поэтики на территории Восточной Евразии началось в 60гг., прошлого века когда Е. Э. Бертельс заявил, что, если бы Джалалиддин Руми и его целостный взгляд на мир было бы изучен достойно, то его творчество было бы более популярно, чем творчество Вильяма Шекспира. Сегодня Большая Евразия нуждается в таком целостном взгляде, исходящем из внутреннего баланса материального и духовного начал внутреннего мира человека.

Формирование устойчивых параметров гражданского общества в Таджикистане в 20в.

Одним из решающих факторов для создания устойчивости регионального сообщества к вызовам 20в. стала «Антология таджикской литературы», опубликованная Садриддином Айни (1878–1954) с предисловием ирано-таджикского революционного поэта Абулкасим Лахути (1887-

1957). Концепция книги, основанная на принятии нового истеблишмента с новым алфавитом на Кириллице до сих пор вызывает острые споры на местах, однако сохранение двуязычия и энергетики персидской поэтики в ее внутренней, региональной динамике, оказалась единственно возможной для всей системы тогдашнего государственного управления. Изданный на кириллице, он узаконил принципы свободы мысли Востока, с которыми столкнулось недавно родившееся сообщество деятелей культуры, не до конца понимаемой управленцами. Именно в этом заключался 'секрет' вдохновения для строительства новых театров, кинотеатров, издательств и т. д., делая управление скорее искусством, а не партийным поручением.

Книга, начинающаяся именем Рудаки (р. 860, в Пенджикенте, пригороде современного Таджикистана, недалеко от Самарканда в Узбекистане), признанном основоположником классической персидской поэтики, плавно переходит во вторую часть, в которой повествуется о трансформации поэтической мысли в эпоху модерна.

Имена Сайдой Насафи (ум. 1711) и Абдулкадир Бедил (16440- 1720 г.), разрушая границы, установленные российским и британским колониализмом в 19/20вв., говорят о том, что в центр интересов поэтики ГО привносится идея творческого человека, интересы которого иногда гармонируются с интересами власть имущих, а зачастую идут в разрез с ними. Таким образом, формируется идея 'Любовь против Власти', общая для многих культур эпохи модерна. Изучая возможности языка и содержания гражданской поэтики ЦА, чтобы оценить его потенциал в новой системе образования, со всеми ее недостатками и правами, были выявлены, а главное, оценена способность Таджикско-Персидской литературы/культуры нового времени объединять, а не разъединять культуры, создавая новые нормы и меры объединения таджикско-персидского и узбекско-турецкого поэтического миров. Именно эта способность региона во времена Первой и Второй мировой

войн укрепила измерение гражданского общества в регионе и вне, что вызвала волну миграции, среди которых были известные российские, иранские, афганские и европейские ученые, писатели и деятели культуры, создававшие Евразийскую культуру, в целом.

Мигрировав с фронтов Первой и Второй Мировых войн и перенимая местные традиции, многие из деятелей Евразийских культур объединялись в сообщества, осваивая региональный потенциал и делились собственной практикой. При этом, главным козырем оставалось освоение фундаментальных ценностей исламской цивилизации, в том числе исламского суфизма. Политические и официальные ограничения, в том числе испытания ГУЛАГом (сталинским трудовым лагерем) и другими идеологическими наказаниями, превращались в творческие исследования, в том числе исследования суфизма во всех её проявлениях. Эта способность унаследована от регионального просветительского реформаторского движения, специфика которого в его открытости по отношению к Индии, Китаю и Европе, начинаясь от макомных песнопений и до дискурсного характера персоязычной поэтики (по Таджикски: 'гуфто-гуфт'- 'сказала-сказал') поразительна по сравнению с близостью к европейским идеям Просвещения. Однако найти и обосновать эту общность требует дальнейшего межакадемического и межуниверситетского сотрудничества. Следуя этой потребности, формируется новое Евразийское межакадемическое сообщество, которое начинает больше полагаться на человеческий фактор, чем законодательно-правовое поле. И, хотя межкультурное формирование начиналось с нового этапа изучения суфизма/мистицизма в искусстве, суфизм представлялся в советское время как еретическое учение в Исламе. Но в этом была и его завораживающая сила и привлекательность. В этом была его привлекательная сила для преодоления религиозных догм (По-таджикски -Чаҳолат–Невежество по-русски-М.Ш.) для таджикских писателей, композиторов, поэтов, таких как

Садриддин Айни, Абулкасим Лохути, Зиёдулло Шахиди, Абдулла Кахор, Мухтар Ауэзов, Муталь Бурханов, Мухтар Ашрафи и многих других.

В 2016г. под эгидой ЮНЕСКО был осуществлен проект: 'Музыка Нового Шёлкового Пути', созданный Международным Фондом Зиёдулло Шахиди.

Идея проекта заключалась в признании и развитии новой музыки ЦА и, в особенности, Таджикистане, суть которой в синтезе монодийной музыкальной традиции Ислама и Европейской полифонии. В проекте участвовали послы Великобритании и Азербайджана, г-н Хай Филпорт и г-н Аббасали Хасанов, а также представители администрации Московской Консерватории им. П. И. Чайковского в лице А. Каратыгиной. Принимали участие и высокие профессионалы-музейщики, в том числе заместитель директора музея антропологии и этнографии (кунск-камера) Санкт-Петербургского музея Кор...(?) В концерте приняли участие грузинская певица Этери Бериашвили, а американская танцовщица индийского происхождения Тара Пандера исполнила мечту композитора Зиёдулло Шахиди о том, чтобы партию Комде из оперы 'Комде ва Мадан' по произведению Абдулгадаыра Бедила, исполнила индийская танцовщица.

Устойчивое развитие поэтики ГО в Таджикистане 20/21вв.

Поэтика ГО в Таджикистане, как хранилище и источник вдохновения поэтики Евразии была сформирована как сопротивление колонизации умов, выразившаяся, в частности, и в произвольной структуризации региона, как изнутри, так и снаружи. Однако традиционное соперничество и противоречие двух имперских сил в ЦА 19/20вв: Британской и Русской проявляется во многих стереотипах современных МО. И хотя эти стереотипы раскрываются рядом исследователей глобального масштаба, проявляясь, например в националистическом высокомерии, как это отмечает

Ж.Сыздыкова, задача международного сообщества в том, чтобы раскрывать и преодолевать эти стереотипы. Ряд этих проблем активно обсуждались и обсуждаются как местными экспертами в секторе экономических наук, так и авторами новелл, рассказов и постановок театров, кино и даже опер и балетов 20/21вв. И хотя художественное производство оказало решающее влияние на общественное сознание, повлияв на разнообразие культур Центральной Евразии, в конце прошлого века, Таджикистан вместе с другими странами ЦА оказался выброшенным из общего бюджета Советского Союза, что больно ударило, прежде всего, по культурному производству.

В ответ последовала активизация ГО на местах, хотя властные институты время от времени манипулируя местным сознанием, переходящим в приграничные конфликты, давала возможность пополнять экономику с помощью продажи оружия противостоящим группировкам. Опасность такого военизированного управления в Таджикистана существовала в 90х, против чего и сформировался союз Президента Рахмона с академическими кругами и межуниверситетскими исследователями. В ответ на эти требования и был создан проект GCRF COMPASS. Моё согласие участвовать в нём, как члена ОС при Президенте и в статусе национального лидера ТНУ вызвано тремя причинами:

Во-первых, необходимостью внедрять культурный потенциал Таджикистана в современное межуниверситетское образование. Во-вторых: возродить традиционную роль моей страны в примирении культур Востока и Запада. И, наконец, интегрировать находки таджикского национального академического сообщества за последние 30 лет в глобальное межнациональное, межкультурное пространство мира и развития. В этом заключается смысл работы национального лидера, наряду с другими национальными лидерами из Азербайджана, Белоруссии, Великобритании и Узбекистана.

Работа проекта началась в 2018г. и за эти годы десятки профессоров, магистрантов и докторантов участвовали в работе

семинаров и международных конференций в Минске, Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Баку, в Лондоне, Кенте и Кембридже. Одним из направлений проекта является диссеминация работы проекта в другие университеты. Такими университетами являются для нас МГУ им. Ломоносова в Москве и Самаркандский Государственный Университет, где нас представляет Наргис Нурулла-Ходжаева, выпускница ТНУ, а ныне доктор философии и член руководящей группы GCRF COMPASS. Главной задачей национальной группы ТНУ в проекте является усиление глобальной межкультурной устойчивости Центральной Азии и далее Большой Евразии.

Основной метод-разъяснить студентам разных университетов, вовлечённых и вовлекаемых в проект, суть таджикской культуры, которая заключается в культуре общения, в её диалогичности: 'гуфто-гуфт'- 'сказал-сказала', как отмечалось выше. Как эта культура общения развивалась в регионе в 20в., постепенно и целенаправленно действуя на соседей через научную и культурную дипломатию в регионе и далее? Как она 'перезагружает' Евразийскую, по своей сути, систему знаний в последние 30лет, переоценивая глубоко взаимосвязанные межкультурные связи Азии и Европы в ЦА, стараясь не отдавать предпочтения более мощным европейским или азиатским системам знаний? Как сбор, копирование и критическое редактирование, доступное в регионе и за его пределами в тысячах рукописей и литографированных текстах, распространенных по всему миру в частных, государственных и негосударственных архивах и библиотеках способствует новому осмыслению общих ценностей Азии и Европы, которая практически реализовывалась в искусстве и формировала межкультурную устойчивость в глобальных МО? В какой степени «центральное руководство» могло контролировать академические открытия в поэтике МО и как они могли бы реализовываться теперь, когда взаимоотношения 'я' и 'мир' стали свободными и узаконенными?

Данная статья пытается ответить на эти и другие вопросы, параллельно возникающие в ходе исследований.

Изменение международной политики Большой Евразии из-за Covid –19. Голос Таджикского поэта. Слышат ли его государственные институты?

Двигаясь с большой скоростью через всю планету с начала 2020г., пандемия Covid-19 была признана в Таджикистане в апреле 2020. Однако поэтическая интерпретация планетарной болезни была признана безмяннным Таджикским поэтом с самого начала этой вести. В исполнении девочки 7-8 лет и доступная через социальные сети миллионам фарси говорящих любителей поэзии, поэтика пандемии, как и тысячи лет назад, во времена Авиценны, стала духовным объединителем людей разных государственных объединений во время пандемий, тогда чумы, а сегодня названной Covid-19. Поэма под названием 'Бессовестная Корона' (На таджикском 'Тоји Веномус', на англ. 'Dishonest Corona'), играя светом и тенью слов, говорит о состоянии планеты, как едином теле, инфицированной одним вирусом. Летая в воображении поэта через Таджикистан в соседние Афганистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Иран, Индию, Китай, Европу, Америку и Канаду, девочка, возможно дочка поэта или сестра поэта, читает стихи, как будто она душа поэта. Развивая поэтическую традицию региона ощущать планету, как единое целое, а вирус как опасность, угрожающую этой целостности, Таджикский поэт персонифицирует пандемию, как носительницу грехов человечества, а пандемию как опасность в интеграционных процессах. Поэт называет вирус 'kasofat, betamiz, noinsof' – 'несчастливая, бесстыдная, нечестная'.

При этом, он солидарен с Центром по Устойчивости Стокгольма, который призывает работать народы через границы, постоянно совершенствуя устойчивость ГО. (Stockholm Resilience Center, (Центр Устойчивости Через Границы 2020). Однако кто обращает внимание на призывы

рядового Таджикского поэта, переживающего за планету, в целом? Министерство Культуры Таджикистана или Министерство Науки и Просвещения? Вряд ли. И хотя Таджикское академическое сообщество определило основные парадигмы развития ГО на месте, а именно, привлекая созидательный труд в центр поэтических исканий через 'ритм и мелодии', государственные институты глухи к этим призывам ГО, как на местах, так и, впрочем, в Большой Евразии. Как создать институты ГО, взаимодействующие в ЦА, России и ЕС, учитывая целостный взгляд и призывы действовать совместно, формируя глобальный Разум, ведомый Любовью?

Ответ был сформулирован в 20в. в основном через управление обществом посредством искусства общения. И, хотя сегодня общим языком науки является больше английский, парадокс в том, что Британская система образования остаётся более виртуальной и иерархичной, чем Русская. Одной из причин в том, что в России ГО живо и с надеждой воспринимает старания местных деятелей науки и культуры в деле возрождения межкультурных связей и пока владеет общей Евразийской интеллектуальной собственностью. Однако это искусство нуждается в постоянных субсидиях, иначе оно превратится в один из ржавых инструментов подавления общественного сознания.

Тем не менее, Узбекистан и Таджикистан были первыми в регионе странами, обменявшимися гуманитарными грузами во время пандемии. Однако художественной интерпретации этого акта как проявления жеста добрососедства ни в театральной форме, ни в киноверсии не последовала и поэтому он остался сугубо политическим жестом. Тем не менее, страны предпринимают серьёзные политические и практические шаги для восстановления регионального добрососедства, но эта политика требует общей межкультурной продукции, как это было во второй половине 20в., когда народы мира интегрировали между собой в антифашистском, антирасистском

движении. Вот тогда и начиналась глобализация и её родиной традиционно была ЦА.

Такое инновационное отношение к ближайшему прошлому возглавлялось новым поколением Таджикских поэтов, во главе с Мумином Каноатом (1932-2018). Человеческая жизнь для Таджикского поэта, это 'Безбрежное море с неисчислимым количеством бриллиантов' и создание собственного пути в глобальный мир начинается с мастерского вылавливания бриллиантов мудрости в добрососедстве. И эта концепция несет в себе скорее моральную нагрузку, а не стремление к сиюминутному экономическому доходу или созданию геополитической меры для 'своей' национальной культуры.

Однако такое определение может быть принятой глобальным академическим сообществом, если мы сможем связать его с концепциями современных азербайджанских, белорусских, британских, узбекских и других европейских и азиатских поэтов, музыкантов и художников. Критический анализ их национальной специфики в новом искусстве управления могло бы инициировать новую теоретическую дискуссию, наметив пути ее практического воплощения. Такой тип межкультурной интеграции, связывающий текущие процессы в междисциплинарных исследованиях, мог бы способствовать взаимопониманию молодого поколения исследователей в контексте глобальной межкультурной устойчивости. Было бы еще привлекательнее, если бы те же наблюдения были сделаны в музыкальной поэтике. Хотя современная и постмодернистская музыка СА это не что иное, как последовательность импульсов, которые сходятся в направлении соединения культур, близких и далеких, это понимание региональной музыки только набирает обороты, чтобы быть признанной глобально.

Переосмысливая и обсуждая взаимосвязь поэзии в азербайджанской, узбекской и таджикской музыкальной традиции (известные как 'макамы' или 'мукамы'), обогащенную за счет овладения техникой русско-европейской полифонии в течение 19-20 вв., современные исследователи высветили специфику синтезированной поэтики музыкальной техники этого периода. Межкультурная устойчивость в МО ЦА и Кавказа, как инструмент интеграции в мировое музыкальное пространство, оставаясь сугубо межрегиональной интеллектуальной собственностью, ещё не интегрирована в глобальную межкультурную устойчивость. Эта одна из причин, из-за которой ведущие исследователи Европы поднимают проблему уязвимости глобальной устойчивости межкультурных отношений.

Однако эта проблема уже с прошлого века обсуждается в Восточном Евразийском межакадемическом сообществе. Решение предлагается в

сравнительном исследовании индийских, таджикских, узбекских и китайских опер, связанных посредством овладения евразийской теперь техникой полифонии, хотя оно по-прежнему отсутствует в рамках текущих глобальных дискуссий о межкультурной устойчивости МО. Отправной точкой представляется точки соприкосновения таджикской, узбекской, русской и других культур, развитие этих исследований в Большой Евразии и глобальном пространстве и, что важно, отражение этих взаимодействий в искусстве театра, кино, опер и балетов. Финансирование таких проектов со стороны России, Кавказа и ЦА было бы достойным ответом Российско-Кавказско-ЦАского межкультурного сотрудничества. Эти проекты будут способствовать росту молодых специалистов широкого профиля!

Поэтика ГО Центральной Азии была сформирована как сопротивление колонизации умов, как изнутри, так и снаружи. Однако именно эта суть поэтики осталась за бортом

современной системы знания. Несмотря на то, что сегодня эта проблема переросла из идеологической сферы в экономическую, поскольку регион рассматривался как поставщик хлопка в конкуренции России с США, а соответственно выстраивалась банковская система и предпринимательство, то переосмысление этих проблем в художественной мысли, а именно ростовщичество, паломничество и межрегиональная взаимосвязь, получили свое художественное осмысление в таджикских романах, театре и кино 20в. Хотя это художественная палитра оказало решающее влияние на поэтику ГО, формируя способность гармонизации культур Центральной Евразии, изучение механизма этой способности было исключено из глобального пространства. Освобождение национального / регионального духа от «ментальных границ» через академическое сотрудничество, потеряв свой бюджет перерастает в приграничные конфликты, наиболее яркими на сегодняшний являются таджикско-киргизские отношения. Между тем, преодоление разрыва в глобальной системе знаний требует нового, энергичного и смелого поколения молодых учёных. Подготовка такого по-новому мыслящего поколения требует новых проектов по формированию нового, по-настоящему многоязычного, многокультурного сообщества учёных и исследователей. Это сообщество, продолжая переосмысление текстов, распространенных по всему миру в частных, государственных и государственных архивах и библиотеках, частично изучено в Таджикистане, блестящим примером чему могут служить работы Мукаддимы Ашрафи. Однако в какой степени государственные институты владеют сегодня знаниями, чтобы поддерживать внутренние, региональные открытия и интеллектуальные коммуникации Большой Евразии? Такая поддержка нуждается в более тесных и равноправных связях ГО и государственных институтов.

Вместо заключения.

Согла-19 повлияла не только на теорию и практику ГО, но повлияла на характер госчиновников, напомнив межакадемическому обществу Восточной Европы на недавнюю практику создания общего пространства современной индустрии искусства в России и ЦА.

Межкультурное взаимопонимание и межкультурное компетенция важны как никогда, так как они делают возможным улыбаться друг-другу, петь в общем хоре песни, знакомые с детства и держать общий танцевальный ритм.

Меняющиеся реалии вызывают необходимость срочную необходимость переосмысления миниатюр, путешествующих из Китая через ЦА в современную Европу с зачастую неподражаемым изменением цвета, отражающего изменение характера из-за контакта с чем-то или кем-то 'другим'. Но в каком виде и в каком сиянии они возвращаются из Европы через ЦА обратно в Китай? Это еще одна причина, по которой нам всем необходимо развивать межкультурную компетенцию. Способность понимать друг друга, просто говоря «салам» или «добрый день», несмотря на все разнообразие мелодий, поворачивая головы и общаясь, необходимо для того, чтобы наши разнообразные сообщества или демократические общества работали вместе и поддерживали друг друга. Эта взаимосвязь и взаимопроникновение, проходящие через историю Шелкового пути, иногда романтизируются, но иногда воспринимаются просто как история прошлого. Хотя глобальный проект «Новый Шелковый путь» был предложен десять лет назад и с нетерпением встречен мировым сообществом, включая поэтов, музыкантов, художников Центральной Евразии, его развитие натолкнулось на глобальный экономический кризис, усугублённый пандемией. Межкультурная компетенция как гармонизация экономики, политики и культур редко обсуждается в государственных учреждениях, как связь, объединяющая местные и глобальные

ценности, поэтому межкультурную компетенцию необходимо создавать и поддерживать во всех общественных организациях, способных принимать решения. Чем больше инвесторы устают от колебаний в акциях, валютах, золоте, нефти, газе или процентных ставках, тем больше будет опасность для творческих способностей в Центральной Евразии (чаще всего будет страдать человеческий фактор, как основа ГО и духовное питание человеческого творчества). Почему? Потому что, по мнению многих экспертов, их цены никак не коррелируют с вертикалью власти и финансовых рынков. И эти активы могут служить для интеграции человека в человечество через настоящее искусство и развитие целостного видения глобального мира.

Список литературы:

1. Мунира Шахиди. CORONA-19 и объединение сил в регионе (?) Ташкент, 2020;
2. Документы по «развалу Союза»; Кравченко (Белоруссия);
3. Мунира Шахиди. Corona –19 и изменение международных отношений в мире., Ташкент, 2020
4. Elena Korosteleva and Irina Petrova.
5. А.Сергеев. Интервью с президентом РАН.
6. Основоположниками научного направления переосмысления Бухарского потенциала считаются С.Айни (род. в 1878, Бухара) и Е.Э.Бертельс (1890, Санкт-Петербург).
7. Мунира Шахиди. Ибн Сино и Данте. Душанбе, 1986
8. Бертельс, Е. Э. Персидской суфизм в Бухаре. Москва, 1960г.
9. <https://tajmedun.tj/ru/vzglyad-na/obshchestvo/a-ayni-svetoch-tadzhikskoy-literatury-i-p>
10. Свен-Ерик Лидман
11. Мунира Шахиди. GCRF COMPASS и меж

12. Ж.С. Сыздыкова, интервью газ. Аргументы и Факты.
13. Замминистра МО Белориссии
14. В этом и заключается задача основанного мною ж. 'Фонус', выходящего с 2001г. и объединяющего сегодня учёных ЦА и глобального мира.
15. А. Раджабов. В кни. Мероси Бадеъии Зиёдулло Шахиди. Душанбе, 2015
16. Chandler, D. (2021) 'Becoming resilient otherwise: decolonizing resilience approaches via Glissant's poetics of relation', Cambridge Review of International Affairs (under review, as a part of the Special Issue)
17. См. Последнее выступление главы Киргизии,
18. Ашрафи Мукаддима Мухтаровна. Бухарская миниатюра XVІv.и традиции живописи Тимуридского времени. А/Рна соискание учёной степени доктора искусствоведения. Москва,1985

ОПОЛЗНЕВЫЕ УГРОЗЫ КАСКАДУ ГЭС НА Р.ВАХШ

А.В.Шварц - Институт геологии, сейсмостойкого строительства и сейсмологии Национальной Академии наук Таджикистана

Освоение и использование гидроресурсов в сейсмически активных горных областях Таджикистана требует тщательного изучения не только надёжности гидросооружений, но и учёта вторичных последствий землетрясений, таких как оползней, обвалов, селей. Для каскада ГЭС в долине р.Вахш наибольшую опасность представляют оползневые явления, способные привести к катастрофическим последствиям как для отдельной станции, так и для всего каскада в целом. Как было представлено в работе [1] в рассматриваемом районе оползневые явления широко развиты. Оползневая поражённость долины р.Вахш в среднем и верхнем течении составила 8,95%, а ориентировочный объём оползневых накоплений равен 1,25 млрд. м³.

С геологической точки зрения, долина р. Вахш проходит в породах Южно-Тянь-Шанской герцинской структурно-фациальной зоны и Таджикской депрессии. Породы структурно-фациальной зоны Южного Тянь-Шаня слагают дно и правый борт долины верхнего Вахша. Они представлены гнейсовидными сланцами, кварцитами, кремнистыми породами и гранитоидами верхнего палеозоя, которые прорывают каменноугольные известняки и сланцы. Меловые и палеогеновые осадочные отложения Таджикской депрессии распространены по обоим бортам долины р. Вахш в её среднем течении. Они представлены толщей переслаивающихся песчаников, алевролитов, аргиллитов и известняков с прослоями гипсов. Простирание пород параллельно долине, и они падают вглубь склона под углом 30-40°. В основании склона залегает, согласно с меловым комплексом, верхнеюрская соленосная толща, мощностью до 400 м. Она приурочена к

зонам разрывных нарушений и ядрам антиклинальных структур, а также слагает соляные купола.

Долина р.Вахш в своём верхнем течении течёт по древней широкой долине, борта которой сильно изрезаны боковыми протоками. Правый борт сложен палеозойскими породами, левый – меловыми породами.

Река Вахш ниже устья р.Оби-Гарм течёт в верхнеплейстоценово-голоценовой V-образной долине, с крутыми склонами. Склоны и русло долины сложены меловыми и палеогеновыми породами, фрагментарно перекрыты четвертичными отложениями небольшой мощности. На большом протяжении долина ориентирована параллельно простиранию пород, причём на правом берегу они падают в сторону реки под углом 50-70°, на левом – вглубь склона под углом 30-40°. По обоим бортам долины отмечаются сложные тектонические структуры со сложными складками с многочисленными разрывами. Повсеместно в мезокайнозойских слоистых породах развиты две системы коротких, узких тектонических трещин. Одна из них субвертикальна и простирается ортогонально долине, вторая – соответствует простиранию пород, но при этом на левом берегу долины они наклонены к реке, а в правом падают вглубь склона. Падение трещин этой системы различно, углы варьируют от 30° до 70° [2].

Оползни в скальных породах описываемого района можно разделить на два типа – консеквентные и инсеквентные, которые различаются механизмом формирования. К первому типу относятся оползни, поверхности, смещения которых совпадают со слоистостью пород, а отчленение массива происходит по системе трещин. Они преимущественно развиты по правому борту верхнечетвертичной долины Вахша, в пределах которого слои падают в сторону реки. В описываемом районе эти оползни наиболее распространены; объём отдельных оползней не превышает десятков тысяч м³.

Ко второму типу относятся оползни, поверхности, смещения которых находятся под некоторым углом со

слоистостью пород. Инсеквентные оползни получили в районе более широкое распространение и имеют различные объёмы – от первых десятков до миллионов кубических метров. По механизму формирования инсеквентные оползни могут быть разделены на два типа [2]. Оползни первого типа образуются на крутых, чаще выпуклых частях склонов при условии, что тектонические трещины наклонены в сторону русла реки под углом меньшим, чем угол склона долины. Их объёмы редко превышают 100 тыс. м³. Оползни второго типа имеют объёмы до сотен млн. м³ и широко распространены. Поверхности скольжения оползней этого типа закладываются по тектоническим трещинам, которые направлены в сторону русла реки под углами большими, чем крутизна склона долины. В верхней и средней части оползня поверхность скольжения формируется как у оползней первого вида, а в нижней части она образуется по новым трещинам растяжения (отрыва).

Среди всех многочисленных оползневых склонов, развитых в среднем и верхнем течении р.Вахш, на наш взгляд, наибольшую опасность представляют 4 оползневые участка представленные на рисунке 1.

Наиболее интересным, с научной точки зрения, представляет собой правобережный склон в нижнем бьефе Рогунской ГЭС (атипичная структура с оползневыми отложениями) (рис.2). Первые изыскания, проведённые в начале семидесятых годов двадцатого века, показали, что в целом, склон находится в устойчивом состоянии. При этом была принята следующая модель склона, представленная на рисунке 2 [3]. Следует отметить, что данная модель склона, была предложена только на основе визуальных геологических исследований и геологических аналогий, но без данных геофизических исследований и бурения. Основная идея заключалась в том, что верхняя часть склона разрушилась и сползла вниз, образовав при этом характерный бугристый оползневой рельеф.

Расчёты устойчивости, проведённые автором в 1981 году, по данной модели склона с использованием метода конечных элементов [4], показали, что без учёта сейсмичности оползневой массив находится в устойчивом состоянии. При 8-9 балльном сейсмическом воздействии склон будет находиться в неустойчивом состоянии, при этом расчёты проводились без учёта обводнения пород.

Дальнейшие исследования, проведённые в 2008-2013 гг. с привлечением различных геофизических методов (сейсморазведка методом преломлённых волн, микрогравиметрии), геодезического мониторинга, а также бурением 4 скважин от 110 до 217 м на склоне показали иную интерпретацию строения склона (рис.5) [5].

Основной вывод этих исследований показал, что данный склон, не является следствием оползневых процессов, а результат тектонической деформации под действием соляной тектоники.

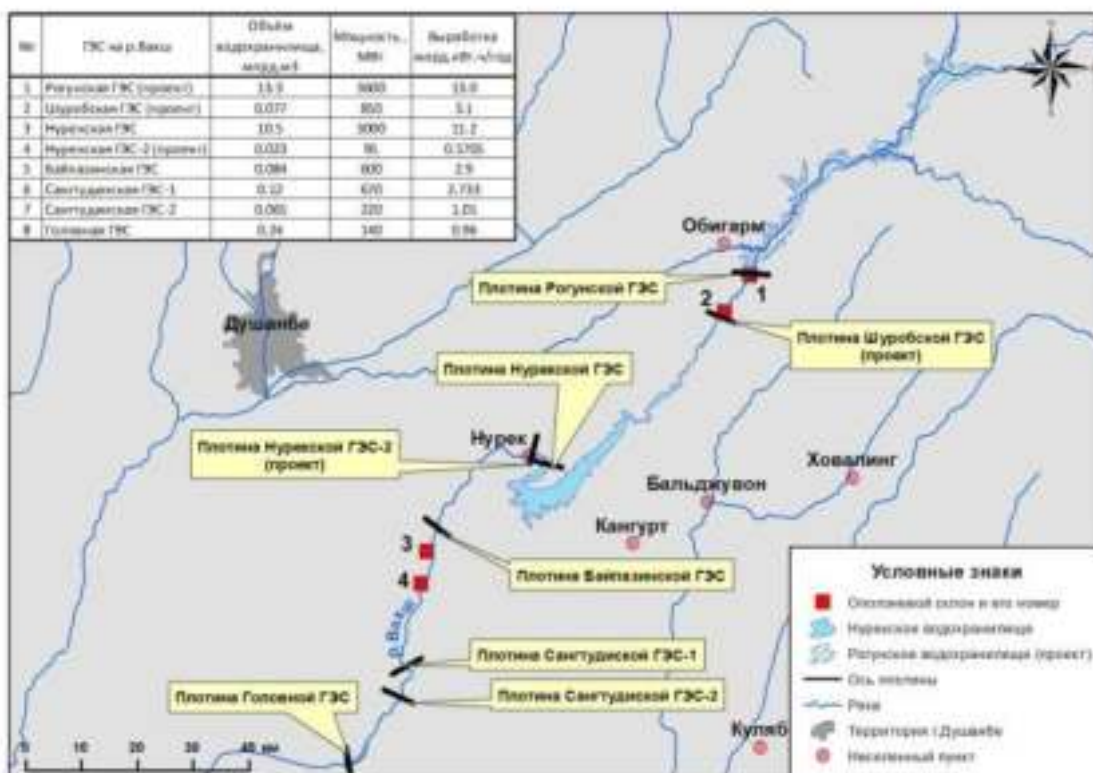

Рис.1. Наиболее опасные оползневые склоны в верхнем и среднем течении р.Вахш и характеристика действующих и проектируемых ГЭС.

1 – правобережный склон в нижнем бьефе Рогунской ГЭС (атипичная структура с оползневыми отложениями); 2 – левобережный оползневой склон в верхнем бьефе проектируемой Шуробской ГЭС; 3 – правобережный Байпазинский оползень; 4 – правобережный Куккутальский оползень.

Вследствие чего, рассматриваемый склон назван склоном с атипичной структурой. При этом на основании имеющихся данных и полевых наблюдений, нет никаких факторов, которые могут вызвать серьёзные структурные движения частей склона [5].

Однако, на наш взгляд, существует риск сползания поверхностных частей склона, для наиболее крутой нижней части склона. Вероятность этого особенно возрастает при совпадении неблагоприятных факторов, таких как сейсмичность и повышенная водообильность отложений (весенний период). Для уточнения этого вопроса были выполнены ряд расчётов устойчивости с модификаций различных факторов.

Исследования показали, что при расчётах коэффициентов устойчивости реакция склона, следующая:

а) с круглоцилиндрической поверхностью скольжения:

- без учёта повышенной влажности и сейсмичности склон находится в устойчивом состоянии ($K_{уст.} = 1,29$);

- с учётом повышенной влажности или только при воздействии 7 балльного землетрясения ($KC=0,1$) склон достигает предельного равновесия ($K_{уст.} = 1,02-1,10$);

Рис.2. Оползневой склон с атипичной структурой в нижнем бьефе Рогунской ГЭС (Космоснимок из Google Earth от 7.07.2017 г.).

- при воздействии 7 балльного землетрясения ($KС=0,1$) и с учётом повышенной влажности, склон переходит в неустойчивое состояние ($K_{уст.} = 0,96$);

- при воздействии 8 балльного землетрясения ($KС=0,2$) и более высокого сейсмического влияния, но без учёта повышенной влажности, склон также переходит в неустойчивое состояние ($K_{уст.} = 0,95$);

б) с прямыми отрезками разной крутизны:

- без учёта повышенной влажности и сейсмичности склон находится в устойчивом состоянии ($K_{уст.} = 1,79$);

- в состоянии предельного равновесия склон переходит при повышенной влажности грунтов и при воздействии 8 балльного землетрясения ($KС=0,2$) ($K_{уст.} = 1,06$);

- при воздействии 9 балльного землетрясения ($KС=0,4$) и без учёта повышенной влажности склон уже переходит в неустойчивое состояние ($K_{уст.} = 0,89$).

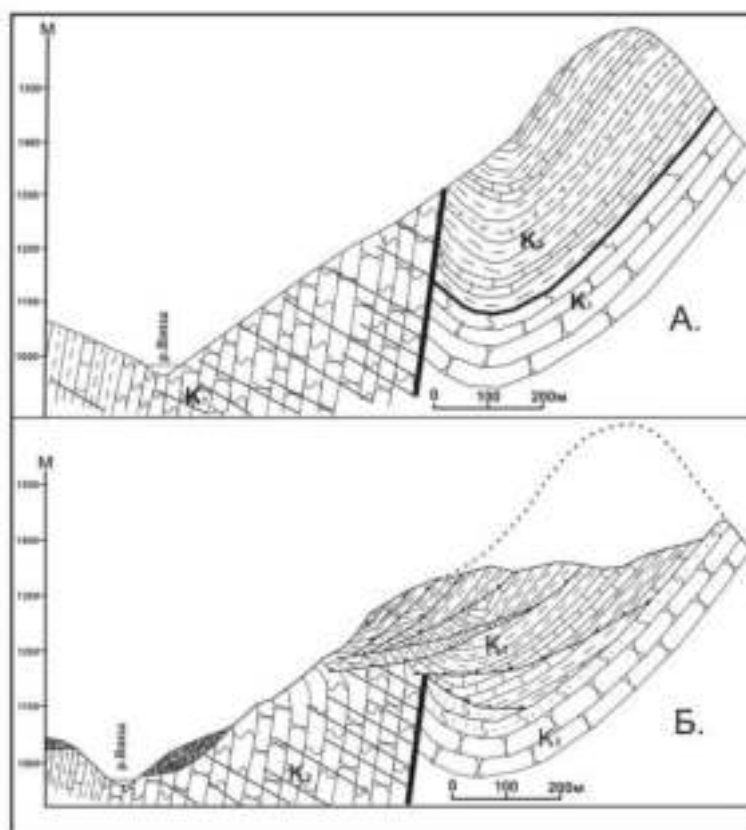

Рис.3. Строение правобережного склона в нижнем бьефе Рогунской ГЭС по данным [3]. Вид по направлению течения р.Вахш (ЮЗ).

А – склон до оползания, Б – после оползневого процесса.

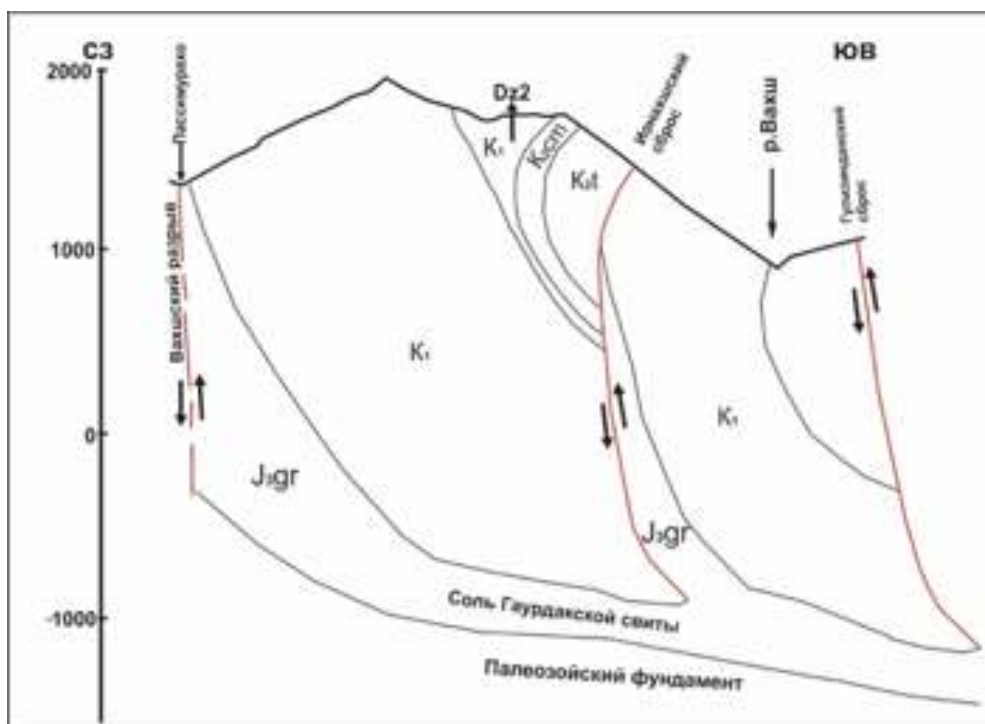

Рис. 4. Строение правобережного склона в нижнем бьефе Рогунской ГЭС по данным работы [5].

Ещё один оползневой участок, представляющий потенциальную угрозу каскаду ГЭС – это оползневой склон районе предполагаемого строительства Шуробской ГЭС (рис.5). В работе [6] подробно описаны исследования, проведённые на данном склоне. Основные выводы, следующие:

- подсчитанный суммарный объём 11 оползневых тел при средней мощности от 2 до 5 м составил от 778609 до 1 946522 м³. т.е. примерно от 800 тыс. м³ до 2млн.м³;

- коэффициент оползневой поражённости, являющийся отношением суммарной площади всех оползней рассматриваемой территории к площади данной территории, составил 0,257. В пересчёте на проценты это составило 25,7% площади рассматриваемого оползневого склона подверженного оползневым процессам, что представляет собой потенциальную угрозу при освоении данной территории и возможному временному перекрытию р.Вахш;

Рис 5. Оползневой склон в верхнем бьефе проектируемой Шуробской ГЭС (Космоснимок из Google Earth от 7.07.2017г.).

- расчёты коэффициента устойчивости одного из оползневых тел (№1) показали следующее: оползневое тело находится в устойчивом состоянии, но без учёта обводненности пород и влияния сейсмичности; при сейсмичности равной 7 баллов оползневое тело находится в состоянии предельного равновесия; при сейсмичности свыше 7 баллов оползневое тело переходит в неустойчивое состояние, даже без учёта влияния повышенной влажности; при суммарном воздействии повышенной влажности и сейсмичности, оползневое тело уже при 7 балльном землетрясении переходит в неустойчивое состояние;

- аппроксимируя полученные результаты расчётов одного из оползневых тел на весь оползневой склон, можно отметить, что основное воздействие на устойчивость данного склона будет оказывать сейсмичность региона, в меньшей степени обводнённость пород. Несомненно, что оползневые тела, расположенные в нижней части склона, будут сильнее подвержены сползанию, чем оползни на более высоких отметках, из-за повышенной степени замачивания пород (при

заполнении уровень воды Шуробского водохранилища подымится до отметки 977 м);

- при освоении рассматриваемой территории (строительстве транспортного туннеля), необходимо учитывать сложное геологическое строение данного склона, осложнённого Гулизинданским разломом и оползнями. При этом необходимо учесть, что из-за оползневых процессов зона интенсивного выветривания пород, а, следовательно, и зона повышенной трещиноватости пород может достигать значительной глубины.

Самым известным среди инсеквентных оползней долины р.Вахш является Байпазинский оползень, расположенный в 4,5 км ниже плотины Байпазинской ГЭС (рис.6) [7-9]. Активизация данного оползня, входящего в состав более крупного оползневого склона, происходила неоднократно. Ещё в конце 30-40-х годов прошлого столетия в результате сильного переувлажнения на оползневом склоне происходили оползни с угрозой для кишлака Обитуг с разрушением жилья и гибелью людей. Весной 1969 года оползень вновь активизировался и перекрыл р.Вахш, что вызвало подъем воды в нижнем бьефе Байпазинского гидроузла до абсолютной отметки 600 м. Этот уровень держался в течении нескольких недель.

Рис. 6. Байпазинский оползень (Космоснимок из Google Earth от 17.10.2019г.).

Ещё раз Байпазинский склон потребовал внимания в 1992 году, когда из-за обильных осадков произошли оползневые подвижки и сформировали в мае того года активный оползень, перекрывший р. Вахш и вызвавший подъём воды. В марте 2002 года, после землетрясения, Байпазинский оползень вновь активизировался. Эпицентр этого землетрясения находился в Афганистане в 290 км от оползня, магнитуда составила 7.4, глубина гипоцентра равнялась 200 км, в районе оползня интенсивность колебаний достигала 6 баллов. Оползень продолжал активно двигаться и весной 2007 года. Он перекрыл русло на несколько часов, создав угрозу подтопления Байпазинской ГЭС и ухудшив режим водоподдачи в нижележащие регионы. Обследования в 2011 и 2013 годов показали, что подвижки на оползневом склоне в той или иной степени продолжают, причём наиболее активизировалась нижняя часть склона.

Расчёты устойчивости оползневого склона показали следующее [10]:

- нижняя часть Байпазинского оползневого склона находится в состоянии близком к предельному равновесию и коэффициент устойчивости близок к единице. При водонасыщении зоны скольжения и уменьшении соответственно величин прочностных характеристик даже на 10%, коэффициент устойчивости по обеим методикам становится меньше единицы;

- при воздействии сейсмичности интенсивностью 6 баллов и более, оползневой массив, также переходит в неустойчивое состояние, как без учёта, так и с учётом обводнения оползневых накоплений;

- учитывая нынешнее состояние Байпазинского оползневого склона, можно предположить, что и в дальнейшем будут происходить смещения пород по всей протяжённости оползня, особенно в весенний период. При этом, необходимо учесть сейсмичность территории Таджикистана, так как даже при колебаниях от 6 баллов (по 12-балльной шкале) и выше и при водонасыщенном состоянии грунта на склоне, будут возникать деформации в виде оползней и обвалов. Данные процессы, здесь,

наиболее вероятны в весенне-летний период (май-июнь), при наибольшем количестве дождевых осадков:

Ещё один, значительный по объёму инсеквентный оползень (Куккутальский) расположен между створами Байпазинской и Сангтудинской гидроэлектростанциями. Оползневой участок расположен на восточном склоне хребта Каратау, имеет протяжённость около 0,8 км (рис.7). Морфологически оползневой участок расположен в краевой части древнего оползневого тела и занимает весь восточный склон хребта Каратау. Форма древнего оползневого цирка округлая, размером около 3,5×3 км. В нижней части древнего цирка видны остатки древнего оползня, который выходил к реке Вахш и перекрывал её. Активизация данного оползня из-за атмосферных осадков происходила весной 2003 и 2004 годов. Ориентировочный объём Куккутальского оползня примерно составляет 700-800 тыс. м³[11].

В дальнейшем развитие Куккутальского оползня, скорее всего, пойдёт по следующему сценарию: накопленные оползневые массы грунта ниже стенки срыва в аномально влажные годы будут насыщаться водой и смещаться вниз небольшими порциями, которые не могут вызвать угрозу перекрытия реки Вахш. Сзади стенки срыва оползня будет продолжать развиваться промоина и способствовать снижению стенки срыва и её уничтожению. Всё это, в конечном счете, приведёт к стабилизации Куккутальского оползня и вполне вероятно к его постепенной ликвидации. Однако, при дальнейшем активном техногенном воздействии (земледелие) выше оползневого склона, вполне вероятно, оползень может захватить всё большую площадь, что может привести к его очередной активизации.

В заключении, необходимо отметить следующее:

- все четыре оползневых склона представляют потенциальную угрозу всему каскаду ГЭС на р.Вахш;
- активизация оползневых процессов будет зависеть от трёх основных факторов: сейсмичности, осадков и техногенной деятельности человека;

Рис.7. Кукугутальский оползень (Космоснимок из Google Earth от 17.10.2019г.).

- на наш взгляд, в настоящее время, особое внимание нужно уделить влиянию техногенной деятельности человека на правобережные склоны долины р.Вахш. Здесь, ежегодно на приводораздельных и водораздельных частях хребтов Сурку и Каратау осваиваются новые земли под садоводство и земледелие, что несомненно повлечёт за собой нарушение устойчивости нижележащих участков склонов, вследствие чего необходимо проводить мониторинг соответствующих участков не менее двух раз в год.

Литература

1. Шварц А.В., Ищук Н.Р. Оползни и сели среднего и верхнего течения р. Вахш. В сб.: «Геологическая корреляция и геодинамика складчатых областей Душанбе, «Дониш», 2015, с.112-121.
2. Количко А.В. Филь В.Н. Оползни в прочных осадочных породах в районе гидроузлов на реке Вахш (Таджикистан). В сб.: Геологические закономерности и взаимообусловленность развития

оползней, обвалов и селевых потоков в горно-складчатых областях-основа прогноза и борьба с ними. Вып.2, М.:МГУ, 1976, с.48-56.

3. Рогунская ГЭС на реке Вахш, технический проект. Гидропроект Ташкент 1978.

4. Белгородская Г.Н., Морочник В.С., Шварц А.В. Применение метода конечных элементов для оценки сейсмической инерционной нагрузки при расчётах устойчивости обвальноползневых горных склонов. Деп. в ВИНТИ 21 апреля 1981 г., №1767-81, 20 с.

5. Отчёт № P002378 RP29 “Геологические исследования Правого берега – 2012” Рогун, 2013 г.

6. Шварц А.В. Устойчивость оползневого склона в районе строительства Шуробской ГЭС при сейсмическом воздействии. В сб.: «Современные проблемы геологических и сейсмологических исследований Таджикистана». Душанбе, «Недра», 2013, с.170-186.

7. Арифов Х.О., Шварц А.В., Винниченко С.М. Инженерно-геологические исследования на Байпазинском оползневом склоне. В сб.: Инженерные проблемы охраны и рационального использования водных ресурсов Таджикистана. Душанбе, Ирфон, 2003, с.6-8.

8. Ищук Н.Р. Байпазинский оползень на реке Вахш. Водные ресурсы Центральной Азии. Вып.2, 2005, с.81-101.

9. Шварц А.В. Оценка дальности смещения Байпазинского оползня при сейсмическом воздействии. Труды международной конференции, посвящённой шестидесятилетию со дня Хаитского землетрясения 1949 года. Душанбе, 2009, с. 231-235.

10. Шварц А.В. Устойчивость нижней части Байпазинского оползневого склона на р.Вахш при сейсмическом воздействии. В сб.: «Безопасность гидротехнических сооружений в сейсмически активных районах». Душанбе, «Недра», 2013, с.71-80.

11. Шварц А.В., Ищук Н.Р. Строение и динамика Куккутальского оползня. В сб.: «Геология и вопросы сейсмичности территории Таджикистана». Душанбе, «Недра», 2014, с.163-175.

ФОРМИРОВАНИЕ КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНОГО И КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Пулат Шозимов (д.ф.н., профессор) - И.о. директора
Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета
Центральной Азии

Абстракт

Эта статья раскрывает условия и параметры формирования кросс-культурного и кросс-дисциплинарного дискурсов в образовательном пространстве Центральной Азии как на теоретическом, так и практическом уровне. В ней также анализируются ключевые концептуальные философские категории, которые лежат в основе данного дискурса, при этом все это подкрепляется практическими примерами деятельности Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии в образовательном пространстве Центральной Азии с 2012 по 2021гг.

Ключевые слова: кросс-дисциплинарный дискурс, примордиализм, рациональный инструментализм, социальный конструктивизм, универсальность, партикулярность, сингулярность.

Abstract

This article reveals the conditions and parameters of the formation of cross-cultural and cross-disciplinary discourse in the educational space of Central Asia at both the theoretical and practical levels. It also analyzes the key conceptual philosophical categories that underlie this discourse, all of which are supported by practical examples of the Aga Khan «Humanities» Project of the University of Central Asia in the educational space of Central Asia from 2012 to 2021.

Keywords: cross-disciplinary discourse, primordialism, rational instrumentalism, social constructivism, universality, particularity, singularity.

В образовательном и интеллектуальном пространстве стран Центральной Азии проходили и происходят процессы, связанные с кросс-культурным направлением. Вопрос состоит в том, насколько эти процессы концептуально структурируются и осуществляются в соответствии с достижением поставленных высоких целей. На мой взгляд, это возможно при условии поддержания этих процессов посредством формирования постоянных и устойчивых интеллектуальных площадок, на которых собственно и формируются общие дискурсы вокруг данных проблем.

Насколько это важно сегодня?

Мир все более усложняется вместе с институтами, инструментариями и системой сосуществующих ценностей. Эффективно функционировать и артикулировать свои идеи в этом многолинейном и многоуровневом пространстве, будь-то на индивидуальном, национальном, региональном или международном уровне, невозможно без понимания этих процессов, а это в свою очередь зависит от нашей способности подбирать соответствующие инструментарии и подходы для более точного анализа происходящего.

Вся система международных отношений в большинстве своем покоится на универсальной системе ценностей, которые в какой-то мере закреплены в законодательных актах и индивидуальных правах каждого национального государства. В свою очередь сегодня мы можем наблюдать, что эти казалось бы уже устоявшиеся ценности начинают дополняться новыми реформаторскими интерпретациями в соответствии со своей системой национальных или региональных ценностей как на межгосударственном уровне, так и внутри самого государства.

В этой связи важно, чтобы природа данного дискурса была понятной для большей части образованного сообщества того или иного государства. Это возможно только при создании дискуссионных интеллектуальных площадок не только для ученых, но и для преподавателей, общественных деятелей, и, конечно же, самих студентов - для формирования общего дискурса, принятого большей частью образовательного сообщества. Это обеспечивает понимание, интерпретацию и апплицирование к основным современным вызовам. Все три уровня в какой-то мере должны быть задействованы в ходе дискуссии, ибо в противном случае неполный дискурс опять будет возвращать нас к начальной точки вопрошания.

С нашей точки зрения, кросс-культурный и кросс-дисциплинарный подходы позволяют осуществлять данную связь, включающую в себя разнообразные инструментарию в анализе той или иной проблемы. Здесь уже важно не просто понимать, но и быть способным артикулировать это понимание на языке рационального и общепонятного дискурса, при этом имеется в виду также и иные рациональные позиции, основанные на своей системе ценностных ориентаций. Понимание иных ценностей позволяет увидеть также и универсальное, так как оно лежит в основе ценностей. В данном случае универсальное связано прежде всего с системой ценностей, которые покоятся на метафизических (онтологических) законах. Если перевести ценности на язык онтологии, чтобы доказать их универсальность, то можно в этом случае использовать удачное концептуальное понятие «принцип онтологического равенства», введенное современным итальянским философом Лучано Флориди¹.

¹ Floridi L. Foundations of Information Ethics [Электронный ресурс] // The Handbook of Information and Computer Ethics /ed. by Kenneth Einar Himma and Herman T. Tavani. Hoboken, New Jersey: Published by J. Wiley & Sons, Inc., 2008. P. 3-24.URL:
http://www.cems.uwe.ac.uk/~pchatter/2011/pepi/The_Handbook_of_Information_a

Различие же проявляется в другом пространстве, а именно, в интерпретации или индивидуальности. Здесь большую роль играют рациональные инструментарии, выраженные через философскую категорию сингулярности. Эти два уровня тогда достигают эффективности и действенности, когда выходят на уровень аппликации или институционализации, что отражает категорию партикулярности.

В этой связи для формирования эффективного кросс-дисциплинарного и кросс-культурного дискурсов важны следующие моменты:

1. Общность системы ценностных ориентаций («онтологическое равенство») – категория универсального;
2. Система выверенных рациональных инструментариев и подходов для артикуляции системы ценностей на языке современной социальной и экономической практики. Здесь большую роль играют система аргументаций, основанных на фактологической и статистической базе – категория сингулярности;
3. Общность институциональной и законодательной базы для закрепления и защиты первых двух уровней.

И, наконец, главными вопросами являются - Что мы собираемся осуществить? И какие цели достичь?

На национальном уровне мы обычно начинаем с базовой системы ценностей, ее артикуляции на рациональном языке и далее - институционализации.

Учитывая тот факт, что современные международные процессы исходят от другой базы, а именно экономической или рационально-инструментальной, то движение идет не от ценностей к их институционализации через категорию

nd_Computer_Ethics.pdf (дата обращения: 14.10.2015); Floridi L. On the Intrinsic Value of Information Objects and the Infosphere // Ethics and Information Technology. 2003. No. 4 (4). P. 287-304.

различия, а от экономической составляющей к ценностям, но уже не национального, а регионального уровня, в нашем случае - Центральной Азии. Таким образом получается, что на национальном уровне вроде бы все государства Центральной Азии имеют свою систему ценностных ориентаций, выраженную через национальные символы, отраженные в памятниках, национальной валюте, литературе и т.д. Тогда как система ценностей на региональном уровне все еще открыта или находится в процессе обсуждения. Да, есть идея тюркского мира или же персидского – тоже региональная конструкция, но выходящая за пределы Центральной Азии. Скорее всего она отражает этнонациональные параметры, которые зачастую выходят за пределы государственно-национальной существующей границы. Если в этносе границы государства определяются границами культуры, то в нации границы культуры определяются границами государства. Однако в современном мире есть также и экономический параметр, а именно, совпадение интересов стран, входящих в один Центрально-Азиатский регион. Если в основе лежат экономические интересы, то последующими этапами могут быть институциональное закрепление этих интересов, и далее на основе этого происходит формирование новой системы ценностей данного регионального союза, который должен быть выработан также и через систему рационального и образовательного дискурса на разных интеллектуальных площадках.

Вопрос заключается в том, насколько дискурс второго уровня (рациональная аргументация, основанная на экономических интересах, ее институционализация и выхода на новую систему ценностных ориентаций уже в общерегиональном контексте) возможен без успешного прохождения первого уровня дискурса на национальном уровне: ценности – рациональная аргументация (различие) и институционализация этих уровней. Здесь возникает концептуальный вопрос - могут ли страны с разной готовностью

включаться полноценно в данный формат взаимоотношений? Не возникнет ли ситуация, когда одни страны будут работать по ожидаемому сценарию первого уровня конфигурации, а другие – по второму?

В любом случае региональный дискурс второго уровня уже нужно начинать, так как это позволяет определить - кто где находится, что является очень важным. Знать, что не знаешь - лучше, чем незнание границ своего незнания.

В настоящее время можно констатировать, что экономически страны Центральной Азии достаточно взаимозависимы по таким параметрам как: водные ресурсы, экология, экономика, общность культурной и политической истории, включая государственную независимость после распада Советского Союза.

По-видимому сейчас настал момент формирования общего экономического пространства Центральной Азии, его институционализации и нахождения на базе общего социального капитала системы ценностей, отражающей эти изменения и помогающей адаптации к новой социально-экономической и геополитической ситуации в мире.

В любом случае в данном контексте важны определенные подходы для формирования необходимой линии развития. Полагаю, что кросс-культурный и кросс-дисциплинарный подходы отражают потребность в формировании подобного уровня дискурса, где бы обсуждались одновременно экономические вопросы, социальные институты и проблемы формирования общей системы ценностей. К таким площадкам можно отнести публичные лекции, форумы, дебаты, специальные учебные курсы и т.д.

В этой связи в качестве примера приведу активности, которые осуществляет Проект Ага Хана «Человековедение» (ПАХЧ) Университета Центральной Азии.

С 2012 года Проект Ага Хана «Человековедение» начал проводить серию публичных лекций в рамках формирования

междисциплинарного дискурса в контексте взаимоотношения гуманитарных и естественно-научных исследований.

В настоящее время публичные лекции охватили три страны: Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. В них принимали участие известные ученые, преподаватели, представители творческой интеллигенции, общественные деятели. Уже опубликованы четыре книги, которые включают материалы лекций с 2012 - 2018гг. В 2022 году планируется публикация пятой книги за период 2019 – 2021гг.

Общая статистика по «Серии публичных лекций ПАХЧ с 2012 до 2021 года»

Страна	Кол-во лекций	Кол-во участников
Таджикистан	Всего: 72 (2012 - 2021)	Всего: 3000 (2012 - 2021)
Кыргызстан	Всего: 20 (2017 - 2021)	Всего: 1000 (2017 - 2021)
Казахстан	Всего: 21 (2017 - 2021)	Всего: 1050 (2017 - 2021)
Total:	115 лекций	5050 участников

Данная серия публичных лекций направлена на содействие профессионального развития преподавателей университетов в трех странах и создание открытой платформы для обсуждения текущих проблем нашего времени, внедрения новых идей и расширения диалога между учеными, интеллектуалами, лекторами и студентами. За девять лет ПАХЧ создал мощную интеллектуальную сеть в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане, которая обеспечивает социальный, человеческий и институциональный капитал для деятельности ПАХЧ в трех странах. На основе этой сети ПАХЧ разработал магистерский курс и электронную этнографическую карту для трех стран, в которой участвовали семь директоров исследовательских

институтов Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана, известных ученых по различным научным дисциплинам¹.

При этом магистерский курс и электронная карта основаны на инновационной концептуальной методологической конструкции, разработанной ПАХЧ. Также мною был создан инновационный Кросс-дебатный формат (КДФ – Метод Пулата Шозимова)², который является новым интеллектуальным продуктом в Центральной Азии, помимо уже созданных классических дебатных форматов США и Великобритании. Новый формат является трехмерным и ориентирован на кросс-дисциплинарном и кросс-культурном подходах, а также включает в свой дискурс не только обсуждение вокруг поставленных проблем или вопросов резолюций, но и предложение наиболее эффективных сценариев для решения многих проблем. Метод и концепция данного подхода были успешно апробированы теоретически на многих интеллектуальных международных, региональных и национальных площадках стран Центральной Азии, России, США, Германии³.

¹Магистерский курс: «Картина мира Центральной Азии: история и современность» – ПАХЧ / УЦА

См: <https://staging.ucecentralasia.org/media/5mphxllw/ma-coursebook-rus.pdf>

Концептуальный указатель магистерского курса: «Картина мира Центральной Азии: история и современность» - ПАХЧ\УЦА

См: <https://ucecentralasia.org/media/gihfx1uh/ma-teaching-manual-rus.pdf>

Этнографическая электронная научная карта Центральной Азии – ПАХЧ\УЦА

См: <https://ca.witharts.kz/>

² См: <https://copyright.kazpatent.kz/> Государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом. Философское учение Пулата Шозимова - Формирование кросс-дисциплинарного дискурса в ЦА как способ сближения различных культур.

³ Данная тема опубликована автором в следующей публикации: «Метод формирования кросс-дисциплинарного дискурса в Центральной Азии как способ концептуального сближения различных культур» // “Вестник” Международный университет Кыргызстана, Бишкек, №1 (34), 2018. – Р. 61-67 [Журнал представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ)

КДФ уже активно функционирует в образовательном пространстве трех стран Центральной Азии, поддерживая кросс-дисциплинарный и кросс-культурный дискурс в различных образовательных и научных институтах и университетах Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана. По данному формату было проведено четыре региональных и три национальных турнира, включая множество тренингов и мини-турниров в разных регионах этих стран. Уже более 1200 студентов прошли тренинги по КДФ и образовали тренинговый состав из числа ведущих дебатеров трех стран. С 2012 по 2021 года ПАХЧ подготовил 34 тренера (по трем категориям) в трех странах по КДФ.

Таким образом серия публичных лекций ПАХЧ создала площадку для обмена идеями и подходами среди

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)]. Стоит заметить, что данный метод рассматривается как одна из форм анализа и поиска наиболее эффективного решения современных проблем в мире. Метод разработан автором статьи, на основе которого была защищена его докторская диссертация в 2006 году. А в 2013 году на базе этого учения было подготовлено концептуальное обоснование кросс-дебатного формата ПАХЧ. Основные идеи раскрываются в следующих работах: Шозимов П.Д. «Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане». – Душанбе, Ирфон, 2013. – 209 стр.; «Философия как методологическая основа для междисциплинарных исследований в 21 веке: вызовы и перспективы» \Сб. материалов: «Серия открытых лекций Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии». - Известия АН РТ. Серия: философия и правоведение. – 2012. № 3; Идентичность и процессы социальных изменений в современном Таджикистане: теория и социальная практика; Философия. Политика. Культура: Материалы школы молодого философа \ Под ред. д.филос. н. С.А. Никольского. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 290 – 295; Герменевтика как метод нового прочтения классических текстов: к вопросу о возможностях диалога между Восточной и Западной школами мысли. - Известия АН РТ. Серия: философия, экономика, правоведение. – 2009. № 3; «Влияние философской системы феноменологии Гуссерля на формирование современной картины мира». - Известия АН РТ. Серия: философия и правоведение. – 2012. № 3; Social Science Research Isolation and Tajikistan. SAIS Review - Volume 25, Number 2, Summer-Fall 2005, pp. 19-26 (The Johns Hopkins University Press, USA)

интеллектуального, общественного и творческого сообщества, которые стали общими и понятными для групп, включенных в данный дискурс. Далее на базе этого ресурса были созданы два интеллектуальных продукта - магистерский курс ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» и электронная этнографическая карта Центральной Азии.

Магистерский курс включает в свою учебную программу три раздела: историю/культуру – экономику - экологию трех стран: Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. По этой концептуальной конструкции выстроена и электронная карта Центральной Азии, которая включает в себя не только эти три компонента, но и статистические данные.

При этом завершающая часть магистерского курса заканчивается оценкой или проверкой полученных знаний и навыков через использование кросс-дебатного формата, который также выстроен по концептуальной линии первой конфигурации: история/культура – экономика – политика. При этом в зависимости от рассматриваемой темы меняется и порядок выступления спикеров в КДФ. Вся концептуальная и философская методология КДФ позволяет создать правила дебатной игры и решать задачи в зависимости от поставленной в дебатной резолюции проблемы. КДФ очень хорошо зарекомендовал себя в качестве оценки знаний по магистерскому курсу.

Таким образом КДФ становится концептуальной основой, на базе которой создавались магистерский курс ПАХЧ и электронная карта Центральной Азии. Это позволяет создавать не только внутренний дискурс внутри каждого проекта, будь-то магистерский курс ПАХЧ или электронная карта, но и образовывать пространство встречи между собой. Например, дебаты КДФ используют материалы ПАХЧ и данные электронной карты Центральной Азии в своих аргументациях по всем трем позициям: примордиализма (позиция примордиалиста), рационального инструментализма (позиция

реалиста) и социального конструктивизма (позиция конструктивиста).

Все это показывает, что наиболее эффективные результаты в формировании кросс-дисциплинарного и кросс-культурного дискурсов в Центральной Азии достигаются благодаря синергетическому синтезу различных интеллектуальных продуктов через формирование общих площадок для их артикуляции. При этом важно, чтобы этот дискурс был концептуально выстроен не только через теоретические положения, но и через постановку больших стратегических целей и реальных примеров успеха в реализации той или иной идеи или метода в контексте самой Центральной Азии.

Именно в этом случае можно заложить основу для формирования общего центрально-азиатского дискурса вокруг самых важных и стратегических вопросов развития Центральной Азии как на национальном, так и на глобальном уровнях.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. С.У.УМАРОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Ф. Шокир - Директор Физико-технического института им. С.У.Умарова Национальной Академии наук Республики Таджикистана, г.Душанбе

В данном докладе приведены сведения об основных направлениях международного сотрудничества Физико-технического института им. С.У.Умарова Национальной академии наук Таджикистана (ФТИ НАНТ).

ФТИ НАНТ – как Базовая организация государств – участников Содружества Независимых Государств в области подготовки научных кадров по физико-техническим наукам

В наше время одним из ключевых направлений мирового прогресса является развитие исследований и подготовка научных кадров в области естественных, точных и математических наук, поскольку опыт последних десятилетий показывает, что именно результаты точных наук являются основой инновационных достижений и повышения благосостояния населения граждан и занимают центральное положение в этом плане. В связи с этим в мировом сообществе реализуются различные формы развития точных наук посредством разработки государственных стратегий и программ и налаживания международного сотрудничества в этой сфере. На уровне Содружества Независимых Государств, признавая этот факт, с самого начала создания данной международной организации особое внимание уделяется развитию и устойчивости интеграционных процессов в науке. Напомним, что в 2007 году в «Перспективах дальнейшего развития СНГ» определено создание единого научного, образовательного и информационного пространства, как ключевой вопрос гуманитарного сотрудничества между государствами-участниками СНГ. На этой основе созданы и успешно функционируют ряд межгосударственных структур в рамках

СНГ для развития научного сотрудничества, которые решают отдельные вопросы в процессе научного сотрудничества между странами СНГ. В том числе Совет по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников Содружества Независимых Государств, Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах, Межгосударственный координационный совет по научно-технической информации.

Из данных структур, созданных и действующих в рамках СНГ, вопросы развития точных наук и развития сотрудничества между учеными и научно-исследовательскими учреждениями СНГ в целом рассматриваются Советом по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников СНГ. Напомним, что 19 мая 2011 года в Минске прошло заседание Совета глав государств СНГ, в котором было подписано Соглашение о создании Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников СНГ (Совет). В состав Совета входят руководители Академии наук государств-участников СНГ и другие уполномоченные государственных органов.

Опыт научного сотрудничества в рамках СНГ показывает, что одним из наиболее эффективных инструментов сотрудничества в сфере подготовки и повышения квалификации кадров в области фундаментальных наук являются – базовые организации. В связи с этим на V заседании Совета, состоявшемся 21 февраля 2017 года в г. Алматы, рассмотрен вопрос о придании одному из учреждений государств – участников СНГ статуса базовой организации в области фундаментальных наук. Было принято решение членам Совета направить в секретариат Совета предложения о придании одному из учреждений государств – участников СНГ статуса базовой организации в области фундаментальных наук. Со стороны представительства Республики Таджикистан было предложено рассмотрение вопроса о придании статуса базовой организации государств – участников СНГ в области

подготовки научных кадров по физико-техническим наукам ФТИ НАНТ. 12 апреля 2018 г. Исполнительный комитет СНГ принял предложение к рассмотрению. В частности, в рамках рассмотрения проекта Положения о базовой организации государств – участников в области подготовки научных кадров по физико-техническим наукам на VII заседании Совета (28-29 ноября 2019 г., Москва, РАН), а также на заседании экспертной группы по согласованию проектов положений о базовой организации (12-13 февраля 2020 г., Минск, Исполнительный комитет СНГ) участвовал и выступал директор ФТИ НАНТ, который подробно изложил достижения и перспективы развития института. Заметим, что несмотря на сложности в области науки, вызванные распадом Советского Союза, ученые и специалисты физико-технической области Таджикистана сохранили научный потенциал и при сотрудничестве с НИИ и ВУЗами СНГ могут внести вклад в повышении конкурентоспособности и уровня подготовки кадров и достижений физико-технической области.

Участниками заседаний Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств-участников СНГ, а также экспертными группами Исполнительного комитета СНГ была проведена огромная работа, в частности, по согласованию проектов положений базовых организаций и вопросам сотрудничества в развитии фундаментальной науки. Коллектив ФТИ НАНТ признателен Решению Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств от 10 декабря 2020 г. О придании Физико-техническому институту им. С.У.Умарова Национальной академии наук Таджикистана статуса «Базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств в области подготовки научных кадров по физико-техническим наукам».

Следует отметить, что на данном заседании было принято Постановление по 2 НИИ СНГ, согласно которому:

П Институту физики им. П.Н. Лебедева Российской академии наук (ФИАН) – присвоен статус базовой организации

государств – участников Содружества Независимых Государств в области подготовки научных кадров по физическим наукам;

П Физико-техническому институту им. С.У.Умарова Национальной академии наук Таджикистана – присвоен статус базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств в области подготовки научных кадров по физико-техническим наукам.

К основным направлениям деятельности базовых организаций СНГ относятся в частности:

П подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов государств – участников СНГ в различных областях сотрудничества;

П проведение совместных научных исследований заинтересованными государствами – участниками СНГ;

П разработка рекомендаций по гармонизации и унификации нормативной базы, подготовка соответствующих проектов, обмен нормативными правовыми актами;

П проведение международных научно-практических конференций, семинаров и симпозиумов;

П подготовка научных, методических, информационно-аналитических материалов и другие.

Следует отметить, что до принятия данного Постановления 10 декабря 2020 года в СНГ статус базовой организации Содружества Независимых Государств был предоставлен более 80 научно-исследовательским институтам, университетам и другим учреждениям, но до вышеуказанного Решения Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств от 10 декабря 2020 г. не было базовых организаций в области подготовки научных кадров по физико-техническим наукам.

На данный момент разработан и утвержден План работы ФТИ НАНТ как Базовой организации СНГ и наш коллектив приступил к своей работе по эффективному ведению научно-образовательной и организационной работы как базовой организации СНГ. У нас много фундаментальных планов и

новаторских идей, и мы надеемся, что в сотрудничестве с научно-исследовательскими, образовательными учреждениями, научно-техническими центрами а также научно-конструкторскими подразделениями промышленных предприятий наукоёмких отраслей государств – участников СНГ внесем вклад в развитии процессов подготовки молодых ученых и специалистов физико-технической области.

ФТИ НАНТ – как основной инициатор и участник Эксперимента “Памир” в Республике Таджикистан

Высочайшие горные системы и особая природа Памира предоставляют уникальные возможности для проведения исследований в области космических лучей и частиц сверхвысоких энергий, которая привлекает ученых и специалистов данной области еще с 20-х годов прошлого века. Космические лучи являются важными объектами научных исследований, так как их максимальная энергия (вплоть до 10^{18} эВ и выше) на несколько порядков превосходят энергии, доступные современным ускорителям на встречных пучках (до 7×10^{12} эВ для Большого адронного коллайдера). Таким образом, исследования в данной области актуальны не только в физике космоса, но также и в физике элементарных частиц.

Учёные и специалисты ФТИ НАНТ с 60-х годов прошлого века совместно с учёными стран ближнего и дальнего зарубежья, в особенности с российскими коллегами участвуют в научных экспедициях по исследованию космических лучей в высокогорных станциях Памира и являются основными инициаторами и участниками данных экспедиций в Таджикистане. Напомним, что одним из самых известных результатов эксперимента Памир является регистрация энергии взаимодействия частиц космических лучей в пределе 10^4 ТэВ (гигантское суперсемейство «Таджикистан»), «Гало» которого в центральной части обладает энергией равной 4.8×10^4 ТэВ, описывающее наибольшую энергию взаимодействия частиц в истории науки, зарегистрированной с помощью рентгено-эмульсионной камеры (РЭК). Также в 70-90 годы прошлого века

в экспериментах Памир были обнаружены и зарегистрированы ряд уникальных событий, в том числе:

П суперсеме́йство гамма-адронов «Ситора» с общей энергией до 2×10^4 ТэВ в экспериментах «Памир 77/78»;

П суперсеме́йство «Татьяна» с предполагаемой видимой энергией 1.1×10^4 ТэВ на установке «Памир-450-73/74»;

П суперсеме́йство «Фианит» с гало сверхвысокой энергии порядка 10^4 ТэВ в экспериментах «Памир-II» и т.д.

Основной целью проводимых ежегодных научных экспедиций Памира является исследование процессов ядерных взаимодействий частиц сверхвысоких энергий. ФТИ НАНТ является ключевым участником научных экспедиций Памира в Таджикистане, начиная с 70-х годов прошлого века.

На современном этапе ежегодно группа, состоящая в основном из молодых ученых и специалистов ФТИ НАНТ проводят исследования в горах Памира в высокогорной станции регистрации космических лучей урочища Ак-Архар (на высоте 4370 м, основная база). На основе полученных результатов разрабатывается проект современной высокогорной научной станции для регистрации и изучения космических лучей. Учитывая оптимальные свойства астроклимата Памира, можно утверждать, что исследования, которые будут проводиться в рамках эксперимента Памир, являются одним из самых перспективных направлений развития физики элементарных частиц и космических лучей в нашей стране.

Заметим, также что в мире функционируют десятки крупных станций по исследованию свойств космических лучей в разных странах мира, в том числе эксперимент Тайга и нейтринная обсерватория Байкал в Российской Федерации, Обсерватория исследования космических лучей LHAASO в Китае (Сычуань, 4410 м), комплекс черенковских телескопов HESS в Намибии, Auger в Аргентине, Veritas, Cactus, Stacee, Milagro, Blanca&Dice&Casa-Mia, MSU и Telescope Array в США, Basje-Mac в Боливии, HAWC в Мексике, Magic на

Канарских островах и другие, в которых используются технологии регистрации частиц сверхвысоких энергий.

В настоящее время учеными и инженерами ФТИ НАНТ разрабатываются проекты и предложения по усовершенствованию существующих конструкций и систем регистрации космических лучей, а также разработки новых систем с использованием современных устройств. Отметим также, что научные станции регистрации космических лучей требуют значительных инвестиций и часто в международной практике реализуются в виде совместных проектов. Поэтому мы также работаем с нашими коллегами из ближнего и дальнего зарубежья, где рассматриваем возможности создания совместных предложений.

Международный симпозиум физиков СНГ

Учёных и специалистов пространства СНГ объединяет общая история развития в эпоху Союза, научные открытия и разработки которых внесли огромный вклад в мировую науку. Мы уверены и считаем, что данный потенциал сотрудничества сохраняется до настоящего времени, поэтому в текущем году в ФТИ НАНТ (г.Душанбе) 4-6 октября 2021 г. запланировано проведение Международного симпозиума физиков СНГ под названием – “Новые тенденции в физике конденсированного состояния: квантовый транспорт, новые материалы и передовые технологии”.

Целью симпозиума является рассмотрение вопросов:

□ организации эффективного сотрудничества между научными и образовательными организациями, научно-техническими центрами, научно-производственными объединениями, а также научными группами, учеными и специалистами государств-участников СНГ для проведения совместных фундаментальных и прикладных исследований, представляющих взаимный интерес;

□ развитие научных связей между учёными и исследователями научных и образовательных учреждений государств-участников СНГ;

□ совершенствования программ высшего вузовского и послевузовского профессионального образования государств-участников СНГ в области физико-технических наук;

□ изучения международного и передового опыта работы научно-исследовательских и образовательных учреждений в организации прикладных исследований, разработки технологий и инновационных решений в области физико-технических наук;

□ интеграции и сотрудничества учёных и специалистов научных и высших образовательных учреждений государств-участников СНГ для проведения совместных исследований с научными центрами стран дальнего зарубежья.

Основные участники

□ учёные и специалисты научно-исследовательских и высших образовательных учреждений физического и технического профиля государств-участников СНГ и дальнего зарубежья;

□ представители научно-производственных учреждений и комплексов, научно-технических центров, научно-испытательных лабораторий промышленных предприятий государств-участников СНГ.

Надеемся, что данное мероприятие будет способствовать для организации сотрудничества между учёными и специалистами государств-участников СНГ, а также разработки совместных научных проектов объединённых групп учёных СНГ совместно с коллегами стран дальнего зарубежья, участие которых также запланировано в данном мероприятии.

Наряду со странами СНГ ФТИ НАНТ также плодотворно сотрудничает с научными центрами и образовательными учреждениями зарубежных стран, в том числе Германии, Японии, КНР и др.

КУЛЬТУРА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ И ТАДЖИКИСТАНА.

Мунира Юлдашева

Взаимоотношения между народами и между отдельными людьми – это суть жизни. История торгово – экономических отношений Китая и Таджикистана совсем молодая. Несмотря на то, что дипломатические отношения начали с 1992 года, в 2013 году между Китаем и Таджикистаном было установлено стратегическое партнёрство, тем самым началась новая эпоха двухстороннего сотрудничества.

Тем не менее, нужно заметить, что самое важное в партнёрстве – это знать его культуру, язык, характер и все тонкости ведения переговоров. Но самым главным является знание своей культуры торговли и культуру общения. Если бы мы лучше знали свои культурные связи, историю и возможности мы бы чувствовали себя свободнее и увереннее. Китайская сторона уделяет большее внимание тонкостям культуры торговли.

Фактически уровень культуры в торговле говорит о многом, например, насколько ты открыт к сотрудничеству, какие перспективы видишь перед собой и какие цели и задачи поставил в сотрудничестве. Китай имеют свою древнюю историю, как и Таджикистан, разница только в том, что Китай свою историю и культуру считает своей силой и использует это по максимуму в своей экономике и торговыми отношениями. Взять, например, цвет или цифры. Китайцы очень щепетильны к цветам и цифрам. Потому что у каждого цвета и цифры своя история и трактовка, которая в дальнейшем может повлиять так или иначе на деятельность. Так, в современных условиях в сущности у Китайской Народной Республики ничего не изменилось, если только не учитывать профессионализм и этика ведения торговли.

Одним из важных средств повышения культуры торгового обслуживания – это техническое оснащение торговых

предприятий, автоматизация и механизация погрузочно-разгрузочных работ, использование совершенных технологий доставки и продажи товаров и оборудования.

Культура торгового обслуживания – это и хорошо организованная реклама, широкая информация для покупателей о свойствах, качестве товаров и т. д. Таким образом, высокая культура торговых переговоров способствует увеличению товарооборачиваемости, выполнению плана, снижению издержек обращения, увеличению суммы валового дохода, повышению прибыли в торговых предприятиях и понимаю конкурентоспособности.

Немного узнав о деловой культуре Китайской Народной Республики, которая является средством духовного, интеллектуального самовыражения и самоидентификации личности китайского предпринимателя, я пришла к выводу, что их принципиальность и пунктуальность привела их к такой развитой экономике и инфраструктуре. В условиях интернационализации и глобализации экономики она, с одной стороны, подверглась деформирующему воздействию инокультурных влияний, а с другой создала уникальнейший опыт социокультурной, ментальной, этнической, философской систем, сохранив при этом исконные знания китайской традиционной культуры. Примером является, ритуал продажи товаров и обязательный элемент покупки товаров – это торг. И продавец, и покупатель знают об этом ритуале, но пока покупатель не выполнит данный ритуал, который помогает выстроить дружественные отношения между вами. Каким бы смешным не казался данный ритуал, китайцы доказали и показали, что система культурной торговли и этикет ведения переговоров, через налаженные взаимоотношения – это залог успеха любого бизнеса.

Из моего опыта после поездки в Китай и изучения китайской истории, культуры и экономики, я сделала вывод, что ей удалось добиться очень серьезных результатов в борьбе с искоренением бедности и что значат эти достижения для всего

мира. В том числе и для моей страны, так как сейчас политика и экономика Таджикистана начинает постепенно идти такими же темпами, как Китайская Народная Республика.

Как известно, Китай является мировым лидером в области борьбы с бедностью начиная с появления поселковых и сельских предприятий (ПСП) в качестве эффективной институциональной структуры. С момента образования Китайской Народной Республики, в 1949 году республика вывела из-за черты бедности более 800 млн человек, это более 70 % от общего числа людей в мире, избавленных от бедности. Также, в период прохождения семинара преподаватели Уханьского университета сообщили, что Пекин обещал полностью искоренить нищету к 2020 году.

Также, Китай была сплоченная и нацелена на единый результат, без своей корыстной выгоды, а для одной цели – развитие Великой страны. И самым главным является, открытый и устойчивый характер, который ориентирован на удовлетворение потребностей каждого человека в отдельности. Этот проект был уникальным тем, что он был модернизированный и целесообразный на тот момент для экономики страны.

Довольно сложно искоренить бедность даже в масштабах одной страны, не говоря уже обо всем мире в целом. Но это не значит, что это сделать невозможно. Благодаря тому, что Китай на протяжении десятилетий непрерывно достигал больших успехов в этой области и вносит вклад в борьбу с бедностью в глобальном масштабе как своей стране, так и в другие, в том числе и в моей стране. Теперь другие страны мира так же могут воспользоваться опытом китайских товарищей и найти в нем что-то полезное для своей страны.

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ МАВЛОНО: ВОСТОК И ЗАПАД

Муhiba Махмаджонова - доктор философских наук,
Национальная Академия наук Таджикистана

Джалолуддин Балхи Руми (1207-1274) великий мыслитель и ариф - мусульманский мистик, вот уже на протяжении нескольких десятков лет признан наиболее читаемым мыслителем прошлого, наследие которого переводят и пытаются осмыслить тысячи людей на планете Земля. Тайна его популярности в наш век глобализации кроется в очень простой и очевидной вещи: он воспевае человека универсального, лишенного каких либо классовых, расовых, гендерных и иных различий, видя во всех людях просто человека. Поэтому стихи и мысли великого мыслителя так близки и щемяще понятны сегодняшнему поколению людей, уставшему от розни и различий.

При всей популярности на Западе, Руми еще далеко не понят, или же понят не правильно. Сам мыслитель между тем, указывает ясно на то, как его следует понимать и принимать его учение. Он говорит, что он избегает внешнего, второстепенного и стремится к сущностному, первичному:

Мо бурунро нангарему колро,
Мо дарунро бингарему нолро.

Мавлоно Джалолуддин Балхи Руми, будоражающий умы и сердца своих поклонников и всякого, кто знает толк в поэтическом слове, принадлежит к особому направлению в суфизме, названного его именем- Мавлавия. Основу его воззрений составляет «вуджудия», или учение о единстве бытия, основанного его старшим современником Ибн Араби. Его объяснение единства бытия, очень близко по смыслу и содержанию с объяснением Ибн Араби. Между тем особенностью позиции Мавлоно является его сдержанность, нейтральность, стремление к универсализации, обобщению явлений. Он радикален в этом, то есть, последовательно

стремится к универсальности, стиранию различий между людьми. Его позиция в этом крайне близка к позиции Диогена, провозглашавшего, что видит вокруг людей, но не видит человека. Кредо Мавлоно в поисках человечности является то, что он приводит пример великого античного мыслителя, шествующего с факелом в руке и посвятившего себя поиску Человека.

В объяснении идей «единства бытия» - «вахдати вуджуд» Мавлоно придерживается сдержанной позиции и не подобен тем, кто в позиции единства бытия допустили излишества и перешли грань «хулула» - единения и «вахдати мавчуд» - единства творения. Несколько примеров из его наследия иллюстрируют его позицию:

Мунбасит будему як чавҳар ҳама,
Бесару бепо будем он сар ҳама
Як гуҳар будем ҳамчун офтоб
Бегирах будему софӣ ҳамчу об.
Чун ба сурат омад он нури сара
Шуд адад чун сояҳои кунгура
Кунгура вайрон кунед аз манҷаник
То равад фарқ аз миёни ин фарик.

(Маснави, тетрадь 1, 484-489)

Мы были разрознены, но одной субстанции
Без тел и конечностей - лишь та голова
Были одной драгоценностью подобной солнцу
Были просты и чисты подобно воде
Как только проявился в форме тот величайший свет
Получил он множественность, подобно теням решетки
Разрушайте решетки катапультой
Чтобы уничтожить различия.

Мавлоно считает, что даже имеющие разногласия по сути своей едины, ибо говоря о множестве, они все равно подразумевают единство. Он призывает преодолеть косоглазие, двояковидение, даже произнося два и три, все будут одинаковы:

Он ки ду гуфту се гуфту беш аз ин,
Муътафиқ бошанд дар воҳид яқин.
Аҳвалӣ чун дафъ шуд, яксон шаванд,
Ду се гӯён ҳам, яке гӯён шаванд.

(Маснави, дафтари 2, 311-312)

Тот, кто сказал два и три и больше того,
Все же объединены в едином,
Как только будет преодолено косоглазие,
Произносящие два и три станут говорящими о
едином.

Мавлоно Руми считает Единого полностью лишенным
всего многообразия, ибо любое многообразие есть ничто
иное, как различные формы-проявления единого:

Баҳри вуҳдон аст, чуфту завҷ нест,
Гавҳару моҳиш ғайри мавҷ нест.
Эй муҳолу, эй муҳол ишроқи ӯ,
Дур аз он дарёву мавҷи поки ӯ.
Нест андар баҳр, ширку печ печ,
Лек бо аҳвал чӣ гӯям? Ҳеч, ҳеч,
Чунки чуфти аҳвалонем, эй шаман,
Лозим ояд мушрикона дум задан.
Он яки з-онсӯии васф асту ҳол
Чун дуӣ н-ояд ба майдони мақол
Ё чу аҳвал, ин дуиро нӯш кун,
Ё даҳон бардӯзу хуш хомӯш кун.
(Маснави, дафтари 6, 2030-2035)

Мавлоно предполагает наличие множества в едином,
тем самым объясняя существование мира бытия в его
эстетически прекрасном виде. Будучи единым и лишенным
разнообразия, Бог сотворил мир в полноте красок, во всем
многообразии, тем самым демонстрируя свою мощь, вкус,
непостижимую свою красоту, отраженную в сотворенном им
мире. При этом красота и многообразие мира есть ни что
иное, как отражение божественной красоты, подобное
отражению в зеркале мира и его красок. То есть, этот мир не
имеет ничего общего с божественной сущностью в то же

время, являясь ею. Само существование данного противоречия иллюстрирует единство мира и Бога, тем самым отражая самую непознаваемую тайну Бога и мира.

Он всячески призывает стремиться к преодолению различий и многообразия и познать сущность единства в своей духовной сущности. Он призывает, что для преодоления множественности люди познавали души друг друга и тем самым осознали бы единство противоречия своей души, души другого и Бога.

Тафрика бархезаду ширку дуй,
Вахдат аст андар вучуди маънавӣ.
Чун шиносад чони манн, чони туро,
Ёд оранд иттиҳоди мочаро.
(Маснави, дафтари 4, 3829-3830)

Преодолевается противоречие, подозрения и двойственность,

В едином бытии присутствует единство.
Как только познает моя душа твою душу,
Они вспомнят единство противоречия
Или же:

Маснавии мо дукони вахдат аст
Гайри вохид харчи бини он бут аст.
(Маснави, дафтари 6, 1528)

Маснави наше и есть тот дуكان единства
Все, что видишь ты кроме Единого, все это - идолы
А так же:

Ҳамчун он як нури хуршеди само,
Сад бувад нисбат ба сахни хонаҳо.
Лек як бошад хамай анворшон,
Чун ки баргирӣ ту девор аз миён.
(Подобно тому единственному лучу небесного светила
Распадающегося на сотни лучей на полу жилища
Которые все же есть один и тот же луч,
Сливающийся воедино, если упадёт стена.
(Маснави, дафтари 4, 414-417)

Вместе с тем, он связывает бытие человека с Абсолютного бытия в следующих поэтических высказываниях:

Мо адамхоему ҳастиҳои мо,
Ту вучуди мутлақи фониҷамо.

Мы есть не что иное, как преходящее, тогда как наше существование

Тогда как ты абсолютная сущность, кажущаяся растворяющейся,

(Маснави, дафтари 1, 602)

При этом разнообразие мира он выводит из единства, как единства отдельных, самобытных, суверенных существ, имеющих различия в своих душах. Однако это различие есть не что иное, как множественные эманации единого. Эта множественность может подвергнуть сомнениям не познавшего, о чем предупреждает мыслитель:

Аввало бишнава, ки халқи мухталиф,
Мухталифҷонанд аз ё то алиф.
Дар ҳуруфи мухталиф, шӯру шакист,
Гарчи аз як рӯ зи сар то – якист.
Аз якӣ равазидду як рӯ муттаҳид,
Аз якӣ равазлаз аз як рӯи ҷид.

(Во - первых знай, что различные народы,
Имеют различные души все без исключения.
В различных буквах существует ересь и восторг,
Тогда как поголовно с ног до головы они – единство.
Стремись от единства к единению,
Стремись всерьез и без шуток (?))

(Маснави, дафтари 1, 2914-2916)

Также как он разъясняет, что мир единения не возможно постичь материальными средствами, в частности-чувствами. Они есть лишь путь к отдалению от единого, тогда как единое:

З - он сӯи ҳис олами тавҳид дон,
Гар якӣ хоҳӣ, бад-он ҷониб бирон,
Амри «кун» як феъл буду нуну коф,

Дар сухан афтоду маънӣ буд соф.

(Маснави, дафтари 1, 3099-3100)

(Имей ввиду, что по ту сторону чувств присутствует единение,

Если желаешь единства, поворачивай в данную сторону.

Повеление «кун» (будь) состояло из нун и коф,

Соединенных в слово, выразивших чистый смысл.

(Маснави, аз байти 3056)

В формировании суфийской теории богопознания и миропознания, как и человекопознания велик вклад Великого шейха суфизма - Мухииддина Ибн Араби, личность и наследие которого пока еще остается мало известной и изученной в таджикской историко-философской науке. Хотя существуют многочисленные указания на то, что два великих представителя культуры и мысли XIII века как Ибн Араби и Джалолуддин Руми являются близкими по представлениям и философским позициям, все же детальное исследование вопроса степени их взаимодействия остается интересным. Исследователи жизни и наследия как Ибн Араби, так и Руми пишут о том, что оба мыслителя жили и творили в единой культурно-интеллектуальной среде, были знакомы с единым кругом мыслителей и представителей своего общества. Румиологи предполагают, что Джалолуддин Руми много путешествовал и совершенствовал свое образование во многих крупнейших центрах культуры и образования своего времени - университетах Дамаска и Алеппо, Багдада. Он мог там встречаться с виднейшими учеными и подвижниками и быть знакомым с наследием Ибн Араби и Садриддина Кунави. 1

Трудно переоценить значение вклада и наследия Ибн Араби - Великого Андалузского Шейха в развитие суфийской теории и практики. Его агиографы отмечают, что, где бы он не был, зажигал пламя суфийских размышлений и многие авторитеты суфийского пути были очарованы его обаянием и пребывали под воздействием его учения.

Как полагают некоторые исследователи наследия Ибн Араби, он является автором сложной системы воззрений, вобравших в себя не только ортодоксальную теологию, но и представления всех еретических движений типа мутазилитов, карматиян и исмаилитов. 2 Он также является автором сложного символично аллегорического изложения, который очень трудно понять без комментария. Основа его философии - теория вахдати вуджуд - единство бытия - повлияла на представления большинства мыслителей суфизма.

Сущность бытия определяется в суфизме как религиозно-философская система, в которой самой стройной концепцией является идея единства бытия – «вахдати вучуд». В ней прослеживаются следы влияния древнегреческих и древнеиндийских философий. 3 Терминологически данное понятие было введено Ибн Таймия в его критике Ибн Араби за ереси в его философии. Но суфийская концепция «вахдат ал вучуд»- единство бытия- сформулированная Ибн Араби в его произведениях «Фусус ал хикам» и «Футухат ул-Маккия», а в дальнейшем развитая его последователями и комментаторами Садриддином Кунави-его пасынком, адаптировавшем это учение в ортодоксальные дисциплины и преподававшим в медресе, Джалалуддином Руми, Абдалкаримом Джили, Нуриддином Джами, Шабистари и т.д., стала основой перехода суфизма от практической философии - хикмати амали, к ее теории- хикмати назари.

Абубакр Мухаммад бин Али Мухииддин ибн Араби родился 1165 г. в городе Мурсия в Испании, входившей в то время в состав арабского халифата. Сын богатых родителей, он получил блестящее образование. Первые представления о теории и практике суфизма он заимствовал от своих дядей - видных религиозных деятелей и авторитетных суфиев. Вскоре и его самого стали посещать «озарения». Он приобрел огромный авторитет и известность среди суфиев, много путешествовал, встречался со знаменитыми людьми-учеными, философами, суфиями, что ему позволило ознакомиться со всеми

существовавшими философскими доктринами. Философское переосмысление суфийского учения становится основополагающим мотивом творчества и единственной темой более чем 150 произведений «Великого шейха», как его прозвали современники. Он создал многоплановую, сложную и вместе с тем достаточно гармоничную философскую концепцию суфизма, имевшую большое влияние как на его современников и последователей, но также и на европейских средневековых философов - Д. Скотта, Р. Бекона, Р. Луллия и т.д. Умер Ибн Араби в 1240 году в возрасте 76 лет в Дамаске, где над его могилой воздвигнут мавзолей. К числу основных его произведений относят Мекканские откровения - Футухот ул Маккия - Мекаанские откровения и Фусус – ал – хикам - Геммы мудрости, которую называют квинтэссенцией философии Великого шейха. В ней изложены вопросы онтологии, гносеологии и этики Ибн Араби.

Основой учения Ибн ал Араби является теория «вахдати вуджуд» или Единства сущего. Данная теория стала основой суфийской метафизики. Бог представляется в свете данной теории и имманентным и трансцендентным. Бог находится одновременно и в непосредственной близости со своими созданиями. Он находится вне пределов всякой формы мысли и явления. Бог это абсолютное Бытие и единственный источник существования. Только в Боге бытие и существование не делимы. Это единство противоположностей можно познать лишь Разумом или Духом. Суфий начинает постижение с помощью ума, свет которого по сравнению с Разумом подобен соотношению свечения солнца и свечи. Между тем, свеча нужна в темноте или в невежестве - то есть на первых ступенях познания. Далее, как приводит высказывания предшественников Джалолуддин Руми - акл рахбар аст, валек то дари уй - Разум является повадырем, но только до Его дверей. Далее нужно Солнце, чтобы убрать темноту и озарить все светом Абсолютного Разума.

Ибн Араби полагает, что вселенная обладает относительным бытием. Она существует либо фактически, либо потенциально. Оба вида бытия могут существовать как вечно, так и временно. Бытие, связанное со знанием Бога является вечным, а бытие внешнее по отношению к Богу считается внешним бытием. Это объясняется тем, что трансцендентальность и имманентность Бога представляют собой два фундаментальных аспекта реальности, подобно соотношения «хаққ» и «халқ» творца и творения. «Хаққ» в данном контексте представляет собой реальность существования того, о чьей трансцендентальности говорится. Вместе с тем, оно является тем же самым, что и халқ - создания того, чья имманентность подразумевается. Хотя по логике Создатель должен отделяться от созданного, и не быть одним и тем же.

Отделенное от Бога бытие существует по божьей воле и действует согласно законам справедливости, которые справедливы для всего, что существует таким образом. В качестве агентов Бога выступают Имена Бога, или универсальные понятия. Имена Бога представляют собой мерилы, качества, свойства, которыми должен обладать человек, созданный Богом для созерцания своего Создателя. Человек создается Богом для того, чтобы он мог, познав себя - частичку божественного величия и могущества, познать своего творца. Из всех творений Бога такой способностью обладает лишь человек, которого Бог одарил многими средствами познания- разум, чувства. Однако совершеннейшим из средств познания для Ибн Араби и его последователей является сердце- орган, более совершенный чем разум, ибо оно способно озаряться любовью к Богу.

У бытия есть две стороны – «вочиб ул вучуд» - возмозносущее и хаюло - материальность. В объяснении сущности единства бытия существует множество версий и течений. Внутри исламской философии существует несколько мнений по этому поводу, среди которых различают приверженцев материи – «ахли хаюло», к

которым относят рационалистов. Довуд Кайсари и Садруддин Шерози считали, что есть Единство Бытия и множество творений, а также полагали, что бытие единственно, а творения являются проявлениями сияния божественного бытия. Бытие является бескрайним океаном, а творения - его бесчисленными волнами. Таким образом, волны сами по себе являют собой то же самое, что и океан. Или же волны есть океан, и в то же самое время - не есть океан.

В определении термина «вахдати вучуд» - можно догадаться, что он означает единственное бытие истины, бытие же вещей по данной теории не означает ничего, оно ничто не более чем таҷаллӣ - переливания, блеск божественного, проявляющегося в виде вещей, чье существование актуализируется множеством возвращений. Как сказал по этому поводу Мирзо Хасан Ансори:

То ки дар дарёи вахдат ҷориву сорӣ шудам,
Аз таайинҳои имкони ҳама оӣ шудам
Он вучудам ман, ки дар нури ҳақиқат фониам,
Он араз ҳастам, ки дар ҷавҳар ба кул торӣ

шудам. 4

(С тех пор как я стал плыть по реке единства
Освободился я от проявлений потенциальности

Я то сущее, что растворяюсь в Свете Истины

Я та акциденция, исчезнувшая полностью в субстанции.)

Единственность (воҳидият) считается истиной и источником всех возвращений бытия, оно вбирает в себя истину, а все остальное есть ни что иное, как блики света единственности, ее истекающей милости.

В проявлении бытия велика роль света, как чего-то, присущего Богу. Свет является одним из форм проявления Бога. Свет также сложен и неоднозначен, подобно Богу. Ему присущи все свойства Бога. В таком случае бытие уподобляется свету по той причине, что свет также является истиной, которая проявляется в ряду напряженности,

слабости и недостатков, множественности различных степеней. Так, противоречие возвращений бытия подобно противоречию степеней и возвращений света. По этому поводу Мавлоно пишет:

Ҳамчу он як нури хуршеди само,
Сад бувад нисбат ба сахни хонаҳо
Лек як бошад хама анвори шумо
Чун ки баргири ту девор аз миён
Нури ҳар ду чашм натвон фарқ кард
Чун ту бар нураш назар андоз-т мард
Даҳ чароғ ар ҳозир оӣ дар макон, чу то
Ҳар яке бошад ба сурат ғайри он
Фарқ натвон кард нури ҳар яке,
Чун ба нураш рӯи оӣ бешаке.
(Подобно отдельному лучу небесного светила
Отраженному сотней на поверхности домов
Он сам по себе один и тот же ваш свет
Ибо если уберешь перегородку
Не возможно ощутить различие света обоих очей
Как бы не старался, о муж, увидеть их различие.
Если принесешь ты в жилище десять светильников, то
Они будут различны друг от друга каждый
Лишь не сможешь увидеть различие в их свете
Как бы не исследовал ты его бессомнений.)

По мнению Ибн Араби единство бытия выражается одним предложением, звучащим следующим образом: единство бытия представляет собой мнение о том, что оно сделало явным вещи, в то время как оно есть сама вещь. Таким образом, по мнению Ибн Араби, бытие в своей субстанции и акциденции (чавҳару араз) ни что иное как истина, которая в своей множественности является именами и качествами, значениями и преувеличениями, оно нечто изначальное и вечное и неизменное, хотя изменчивы ее внешние, бытийные формы. 5

В своих произведениях Ибн Араби обосновывает монистический принцип концепции бытия в двух планах -

космическом и феноменальном, первый из которых более актуален для исследователей проблемы. Этот аспект теории можно лучше познать, если обратиться к произведению Нуриддина Абдурахмана Джами «Нафахот ул унс», который наиболее доступно излагает концепцию Единства Бытия Ибн Араби. 6

Во времена Ибн Араби существовало две самых знаменитых школы суфизма: одно направление связанное с ваджд, завк, шур и хол - восторгом, страстью и состояниями - которых считают последователями Боязида Бистами, Халладжа и Абусаида Абулхайра, или «суфизм влюбленных» и другая школа, проповедующая ниёиш - поклонение, аврод - молитву и зикр - поминание⁷

По Ибн Араби Единство Бытия проявляется на трех уровнях: на уровнях абсолюта, имен и феноменального мира: «Знай, что все существующее составляет три уровня и дополнительного к ним уровня Бытия нет. Я утверждаю, что из этих трех уровней первый тот, что содержит существование само по себе. Существование не может проистекать из не-Бытия, напротив, оно есть абсолютное Бытие, не имеющее иного источника, кроме самого себя... Другими словами, это абсолютное Бытие без ограничений и условий. Слава Ему! Он-Аллах, Живой, Вечный, Всемогущий...» 8

Бытие первого уровня Ибн Араби называет Абсолютом, Богом, Истиной. Мир же он называет «тенью Бога», возникший по воле Бога, в создании которого Бог стремился проявить себя и таким образом, избавиться от «печали одиночества». Таким образом, Бог удовлетворил свое желание стать «известным» тем, что подтолкнул человека к познанию своего творения. Божественный акт творения по «вуджудия»- это проявление творца через сотворенный мир, являющийся переходом от состояния потенции в состояние проявленности, реализации необходимости какой является божественное бытие.

Ибн Араби выделяет два уровня богоявления (ал-таджалли): раскрытие божественного бытия в именах и раскрытие божественного бытия в конкретных формах чувственного мира. Имена выражают какую либо сторону, грань единого, поэтому остаются ограниченными и принадлежат обязательно к множеству. Они промежуточная сфера между абсолютным бытием – «вуджуд мутлак» и ограниченным «вуджуд мукайяд», отождествляемым с материальным миром. Люди, по мнению Ибн Араби, являются плодом безусловного божественного великодушия в отношении Божественных имен.

Общее и единичное Ибн Араби объясняет сложно, где Божественные имена не только теологические категории, фиксирующие божественные атрибуты, но и философские универсалии (ал-умур ал куллия).

Божественные имена - богоявление в «мире скрытого» (алам ал-гайб), тогда как феноменальный мир - манифестация божественного бытия в «мире свидетельств» алам-ал-шахада. Истинное, абсолютное бытие есть лишь бог-сущность, проявлением которой выступает мир. Вахдат-ал-вуджуд означает одновременно трансцендентность бытия по отношению к феноменальному миру и имманентность ему: «Экозотерист, который настаивает только на божественной трансцендентности... оскорбляет Бога и его посланников... ибо признает лишь одну часть божественного откровения и отрицает другую».

Подобно Ибн Араби, Мавлоно Руми трактует Единство Бытия как бытие идентичное единству. То есть единство- суть Истина, имеющая два аспекта - итлок-раскрытие и такайюд - быть в путях, быть во власти. Бытие в аспекте итлок является контролирующим истину и в аспекте такайид - является контролирующим творения. Бытие в своем оригинале не имеет никакой определенности, но как только оно проявляется в одеянии из имен и качеств, в нем проявляются формы множественности. Мавлоно Руми для объяснения этого использует символы солнца, освещающего

решетки: подобно солнцу, проникающему сквозь решетки и отбрасывающему тени, бытие единственное, распадается на мириады различных в своем единстве лучей. Лучи – есть суть солнечные свет, имеющий другую форму, но единое с солнцем содержание. Другими словами, понятие бытие не имеет никакой истинности, пока эта истина не проявляется в цветных формах сущности и не выглядит множественной. Таким образом, бытие есть единство, но данное единство не из категории видового, количественного и вещественного, а есть единство истинное.

Часто исследователи выражают противоположение мысли и мнения по поводу того, повлияло-ли учение Ибн Араби на Джалолуддина Руми. Задаваясь данным вопросом и рассмотрев большинство из мнений, а также обратившись к их наследию, можно констатировать следующее:

- Будучи видным ученым и суфием практиком, Джалолуддин Руми несомненно был знаком и знал теорию Ибн Араби.

- Джалолуддин Руми однозначно был последователем «вахдати вуджуд», причем, развил данную теорию, привнося в нее ясность и развил на ее основе суфийскую диалектическую концепцию бытия

- Учение Руми стало мостом и источником развития теории вахдати вучуд в более поздних школах суфизма в последующие века, обогатив ее многими новыми символами и понятиями.

Исследователи наследия Ибн Араби спорят по поводу принадлежности его к маламатийцам.⁹ В его высказываниях, линии жизни, некоторых биографических фактах можно проследить следы данного способа суфийского самовыражения. Ибо известно, что в течении своей жизни Ибн Араби был гоним из за своих произведений и особенностей практики. Таким образом, в этом смысле можно согласиться с тем, что маломатийские представления о мире и этике ему не чужды. То же самое можно сказать и о Джалолуддине Руми.

Указывая на особенности творчества и учения Руми, Мухаммад Икбал, один из выдающихся интерпретаторов и популяризаторов учения Руми на Западе, подчеркивает несколько важных моментов. Во первых, он считает, что наиболее обобщающий, всеобъемлющий взгляд о сущем свойственен только Ибн Араби и Руми. Во –вторых, особенностью мировоззрения Руми, как и всей философии Мавераннахра и Хорасана является то, что она развивается на основе своих древних, до исламских корней. Это позволило ей наиболее удобно «переварить» античную греческую мысль, давшую интеллектуальный импульс ее развитию. Это влияние ощущается как в рациональных, так и в иррациональных направлениях философии.

Хотя при этом необходимо подчеркнуть, что будучи видными шейхами и безусловно, развивая собственную теоретико-практическую линию в исламской суфийской традиции, они не были сторонниками радикализма и не проповедовали крайний маломатизм, ограничиваясь выбором линии относительной свободой души, так необходимой для их творческих, возвышенных натур. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что данная позиция обеспечила возможность создания своеобразных теоретических и практических Школ суфизма - школы Ибн Араби и школы Мавлоно Джалолуддина Руми, которым в частности, присуща одна общая черта - они были проповедниками динамичного, диалектического, либерального к ортодоксии и тем, самым, обеспечивающего развитие философских, культурно-эстетических форм направлений суфийской мысли. Думается, именно данная особенность послужила тому, что простой мусульманин и экзальтированный суфий, а также многие последователи и не последователи религий, на протяжении веков продолжают обращаться к Мавлоно, черпая все новые и новые перлы из его бездонного родника мысли, способного вместить море в капле.

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО - КУЛЬТУРНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 20-21 вв.

Мунира Шахиди- к.ф.н., доцент кафедры дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, ТНУ, чл.корр. Кэмбриджского Университета

Через несколько лет Таджикистан, появившейся на карте мира в 1926г., будет отмечать 100–летие управления государством в 21-21вв. За это столетие страна пережила интеграционный процесс современного управления государством, отличающийся от общеизвестного в пост колониальный период Туркестана. Эти особенности, прошедшие 10 этапов развития определяются особым искусством управления государством, сформировавшемся в 20-30 гг. и развивающимся, в том числе в области сравнительного литературно-культурного изучения Востока и Запада. Обозначим их во взаимосвязи и развитии внутри и извне пространства Евразии.

1. Образцы таджикской литературы, опубликованные в Москве в 1926 году в Центральном издательстве народов Советского Союза Садриддином Айни с предисловием ирано-таджикского революционного поэта Абулкосима Лохути. Однако, эта книга сопровождалась огромной научной базой, сформировавшейся в процессе обучения в Мадраса Бухары в 19в. и заложившая основы реформаторского движения основателем этого движения Ахмадом Донишем (1827–1897). Они-то и заложили начало новой эре искусства межкультурных отношений Таджикистане и Узбекистане 20в., как части Восточной Европы, т.е. на 1/6 части земного шара.

2. Участие Таджикистана в Великой Отечественной войне и близкое знакомство с народами Европы. Создание гимна Таджикистана и принятие его государством в 1947г. Хрущевская «оттепель», возвращение пленных ГУЛАГа и формирование сценического искусства в тесном сотрудничестве с Русскими, Узбекскими, Украинскими и Европейскими деятелями искусств на основе новых романов

писателей, поэтов, композиторов, и театральных и кинорежиссёров. Создание спектаклей и кинофильмов с новой музыкальной интерпретацией, ставшей новым искусством Таджикистана. Сам Садриддин Айни, приехавший по приглашению Б. Гафурова уже в 50х годах в качестве первого Президента филиала АН СССР стал создавать научную базу нового Таджикистана. Хотя такое искусство управления государством было новым в системе общесоюзной идеализированной однопартийной системы управления, интеллектуальная элита, в основном эмигрировавшая из Самарканда, Бухары, России и Украины в соответствии с поверхностно воспринятой Европоцентристской системой управления знания, оказало ей твердое и гибкое противостояние. Однако системный разрыв в мировой системе знания, оказался в центре внимания ученых с 1960-х и 1980-х годов русского востоковедения, возглавляемого таджикским учёным. И хотя экономический кризис 1980-х годов стал признаком духовного кризиса многоязычного и мульти культурного общества, оказавшись заложником «вульгарного атеизма», именно в это время стал осмысливаться суфизм как суть цивилизованного Ислама. Сегодня решительно изменившиеся условия науки и техники позволяют открыть новые просторы научно–образовательного сотрудничества Восток–Запад.

3. Распад единого централизованного государства с единой банковской системой в 1991г. и духовный кризис, преодолевавшийся сравнительным изучением Восток–Запад сделали Таджикистан уязвимым, и между различными политическими группами началась борьба за власть. Такая ситуация привела к началу гражданской войны в только что объявленной независимой стране. Ответственность за установление мира и согласия взял на себя вновь избранный Президент Эмомали Рахмон. Основой мира и национального согласия стало формирование новой законодательно–правовой системы, легализация гражданского общества и

создание межнационального Общественного Фонда при Президенте страны. Подписав вместе с Президентом национальное согласие «Вахдати милли», более сорока НПО взяли на себя обязательства за мир и согласие в Независимом Таджикистане. За этим законом последовал «Закон о культуре», освободивший деятелей науки и искусств от прежних идеологических рамок СССР.

4. Установление новой эры межкультурных отношений, которая началась с прямых контактов между востоковедными школами Азии и Европы ещё в советское время и развивающаяся местными организациями гражданского общества и посольствами различных стран, включая Иран, Афганистан, Индию, арабские страны, Германию, Великобританию, Францию и Соединенные Штаты. Однако преодоление разрыва в системе знаний постсоветского мира требовало новой глобальной системы международных отношений, куда внедрялись прежние наработки межакадемического востоковедения на новом этапе развития. Хотя интеграция культур Восточной и Южной Азии в современный глобальный мир была значительно продвинутой, стереотипы «холодной войны» проявляли себя в основном в государственных структурах. И хотя развитием старой системы знаний создавали трения в отношениях внутри сообщества, состоявшего как из номенклатурных, так и получивших специальное образование академических учёных и деятелей культур. Расширение межкультурного пространства вглубь и вширь за счёт внедрения изучения процесса развития классической поэтики в поэтику эпохи поздних Тимуридов и формирования таких новых стилей, как Персидско–Тюркский стиль, Хорасанский стиль, Индийский стиль Персидской поэзии и т.д. развивался уже в новых условиях Независимого Таджикистана. Переосмысление находок межакадемического сотрудничества в контексте глобализации, стало одной из ключевых задач независимых организаций. Такие НПО как Международная организация культуры имени известного

композитора и по выражению специалистов, «духовного лидера таджикской композиторской школы», Зиёдулло Шахиди придавали новый смысл и содержание международным, межкультурным связям.

5. С начала 2000-х годов организация инициировала издание нового журнала «Fonus» под специальным названием «изучение мира и согласия» среди исследователей Центральной Азии и за ее пределами. Однако «утечка мозгов», начавшаяся в Таджикистане ещё в 1980-х годах и достигшая пика в 1990-х годах, усилилась в нулевых. И хотя формировалось новое национальное / региональное / мировое научное и культурное сообщество, преодолевая разрыв в глобальной системе знаний правительственные организации, даже Министерство культуры, которое изначально было объявлено членом фонда, не проявили интереса к его деятельности.¹

6. По мере взросления талантливой молодежи возникла новая волна идей, и с 2010 года набирают силу новые национальные / глобальные межкультурные контакты. Но уровень культуры общества был уже очень низким. Хотя, как говорится, «тот, кто дает деньги, тот и заказывает музыку», международные организации внедряли «экзотическую» теорию собственного невежества в Среднюю Азию. И хотя более 33 стран мира принимали студентов для учёбы в свои университеты, программы этих университетов не имеют знаний эпохи Тимуридов во взаимосвязи Таджикско–Персидской и Тюрко–Узбекской поэтики в их взаимодействии. Такая «пустота» в системе знания является опасной для безопасности региона и за её пределами.

Меня как специалиста в изучении Британского востоковедения официально пригласили в Кембриджский университет в 2011 году и я в первой же публичной лекции

¹ М. Н. Дрожжина. Доктор искусствоведения, профессор Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки/ В сб. научных статей: Зиёдулло Шахиди в художественной мысли Таджикистана.

выделила основную причину разрыва в глобальной системе знаний. Дело в том, что представив классическую Таджикско–Персидскую поэтику англоязычному миру, Британские востоковеды полностью упустили трансформацию поэтической мысли в эпоху модерна. Она состояла в объединении двух и более систем знания, создавая платформу Нового Шёлкового пути. Персидской и Тюркской Созданной отсталости Центральной Азии в ее политике. Неожиданно, новая трактовка была поддержана ведущими учёными Кэмбриджа, изучающими ЦА как «перекрёсток культур». Поэтому интеграция МФКЗШ в этот процесс был в дальнейшем поддержан ООН и ЮНЕСКО.

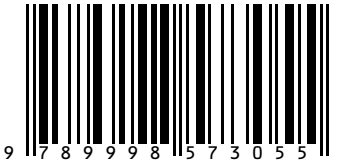
7. В 1914г., год рождения известного композитора Таджикистана Зиёдулло Шахиди, началась реализация проекта «Музыка Нового Шелкового пути, посвященного 100-летию мэтра. Финансовая поддержка ЮНЕСКО и признании наследия этого национального композитора стала очередным праздником нашего международного сообщества. Впервые дипломаты и зарубежные исследователи с энтузиазмом участвовали в национальных культурных мероприятиях, заново открывая для себя и своих коллег современную таджикскую музыки и, в целом, Центральную Азию с точки зрения объединения музыкального наследия. «Шашмаком», «Фалаки» и разная народная музыка зазвучала в технике современной европейской музыки в формах национальной симфонической музыки, оперы и балета. Американская танцовщица индийского происхождения Тара Пандера исполнила танец Комде в опере З. Шахиди «Комедия и Мадан» на сцене Театра оперы и балета им. С. Айни.

К сожалению, оценка государственных организаций ни для местных, ни для зарубежных участников не прозвучала.

Следующим проектом стал GCRF COMPASS, предложенный Великобританией и финансируемый этой страной, набирающей темп в изучении способностей к межкультурным связям Центральной Азии и Кавказа. Но об этом в следующих статьях, книгах и e–публикациях.

ISBN: 978-99985-73-05-5

9 789998 573055